

Серия «Башкортостан в зарубежных исследованиях»

*(издается с 2006 г. под общей редакцией
доктора исторических наук Д. М. Исхакова)*

AUTOCRATIC POLITICS IN A NATIONAL CRISIS

The Imperial Russian Government and
Pugachev's Revolt, 1773–1775

John T. Alexander

INDIANA UNIVERSITY PRESS • BLOOMINGTON •
LONDON *for the International Affairs Center*

ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ТАТАР
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Центр этнологического мониторинга

Джон Т. АЛЕКСАНДЕР

РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ
И ВОССТАНИЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ
ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА

Авторизованный перевод с английского,
вступительная статья и примечания
кандидата исторических наук
И. В. КУЧУМОВА

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. Я. МАУЛЬ

Уфа
ИП Галиуллин Д. А.
2012

УДК 94(47)"1773/1775"
ББК 63.3(2)46
А46

Рецензенты

д. ист. наук *И. Н. Данилевский* (Высшая школа экономики),
д. ист. наук *Н. А. Мининков* (Южный федеральный университет),
д. ист. наук *Д. А. Редин* (Уральский федеральный университет)

Alexander J. T. Autocratic Politics in a National Crisis: The Imperial Russian Government and Pugachev's Revolt, 1773–1775. Bloomington: Indiana University Press, for the International Affairs Center, [1969]. xii, 346 p.

Александр Дж. Т.
А46 Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева / Джон Т. Александер; Центр этнологич. мониторинга Исполн. к-та Всемир. Конгр. татар; отв. ред. д. ист. наук В. Я. Мауль; авторизованный пер. с англ., вступ. ст. и прим. канд. ист. наук И. В. Кучумова. Уфа: ИП Галиуллин Д. А., 2012. 240 с. (Башкортостан в зарубежных исследованиях).

ISBN 978-0-253390-38-7 (англ.)
ISBN 978-5-905269-09-7 (рус.)

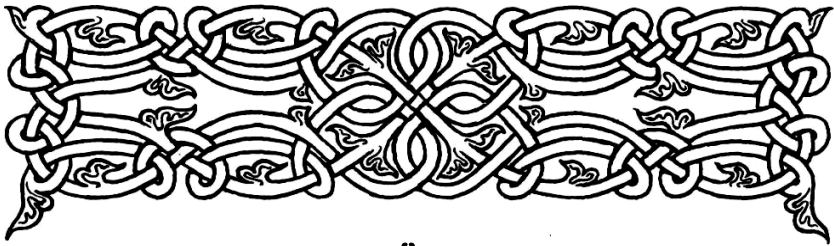
Исследование видного американского специалиста по истории России XVIII в. посвящено событиям 1773–1775 гг. и действиям правительственных сил в этой обстановке. Автор исследует деятельность Екатерины II, ее Императорского совета и высших сановников страны в условиях общегосударственного кризиса. Большое внимание уделено анализу функционирования карательных органов по подавлению пугачевского восстания и внешнеполитическим аспектам пугачевщины.

УДК 94(47)"1773/1775"
ББК 63.3(2)46

В оформлении обложки использован этюд В. Г. Перова «Голова Пугачева» (1879 г., Государственная Третьяковская галерея). На шмуцгалителе — рисунок В. Г. Перова «Пугачевцы конвоируют пленных» (1873–1875 гг., Государственная Третьяковская галерея).

ISBN 978-5-905269-09-7

© 1969 by John T. Alexander
© И. В. Кучумов, перевод на русский язык, вступительная статья, примечания, 2012

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Книга почетного профессора Канзасского университета Джона Александера посвящена событиям 1773–1775 гг. в России и относится к числу лучших зарубежных работ по этой теме¹. Однако сегодняшний читатель в первую очередь может задать вопрос — а стоило ли спустя свыше 40 лет после выхода на языке оригинала издавать ее в России? Думается, что да.

Социальные протестные движения, причем такого масштаба, как восстание под предводительством Е. И. Пугачева, составляют важную часть истории России. Они были не просто одной из форм борьбы широких масс народа за свои права, но нередко становились катализатором крупных реформ, в той или иной мере модернизовавших политическое устройство страны и само российское общество. На примере пугачевского восстания это как раз достаточно хорошо показано в книге Дж. Александера.

К сожалению, этим явлениям в отечественной историографии очень не повезло. До революции 1917 г. они изображались преимущественно в негативном свете, как некая аномалия исторического развития России. Затем такие оценки сменились на прямо противоположные. «Разбойники» и «воры» русских историков XVIII–XIX вв. на несколько десятилетий стали народными героями и воплощением лучших человеческих качеств.

---

¹ Им также была издана (1973 г.) научно-популярная книга о пугачевском восстании (рус. пер. И. В. Кучумова: Александр Дж. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. Уфа, 2011. Рец. на рус. пер.: Мининков Н. А. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 6. С. 145–148), не содержащая какой-то принципиальной новизны (и это признает на ее страницах сам автор), но ценная тем, что в ней впервые была сделана попытка типологизировать данное историческое событие с помощью новейших на тот момент социологических теорий. Отечественной науке еще предстоит повторить на новом уровне этот опыт Дж. Александера.

В конце XX в. в результате известных политических катаклизмов и появления новых подходов к анализу прошлого столь одностороннее восприятие этих восстаний стало неуместным. Однако взамен наша наука пока ничего иного не предложила. Сейчас история того, что раньше именовалось «крестьянскими войнами», в российской историографии почти не изучается. На смену гипертрофированному интересу пришло полное замалчивание — прием, успешно использовавшийся советскими историками. Там же, где обойти эту тему невозможно (вузовские и школьные учебники), авторы зачастую совершают неправомерный возврат к оценкам историографии XVIII—XIX вв.²

---

² Лишь в Башкирии этой темой все еще продолжают заниматься, но, в основном, с устаревших или откровенно квазинаучных позиций. Примером первых являются специальные и обобщающие работы последних лет (Гвоздикова И. М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Уфа, 1999; История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Уфа, 2004. Т. 1. Гл. VII; История башкирского народа в семи томах. Уфа, 2011. Т. III. С. 327—364), в которых без каких-либо изменений воспроизводятся оценки и подходы советской историографии. При этом для их современной легитимизации исследователи готовы идти на прямые подтасовки. Так, доктор исторических наук Н. М. Кулбахтин пытается приписать крайне негативно относившемуся к пугачевщине буржуазному историку Н. Ф. Дубровину «теплые слова признания полководческого таланта, поэтического дара и преданности Салавата борьбе за освобождение угнетенных народов Башкортостана» (Кулбахтин Н. М. Башкирские вожди Крестьянской войны 1773—1775 годов. Уфа, 2005. Ч. I. С. 38). Автор намеренно вводит в заблуждение читателей и учащихся (книга Н. М. Кулбахтина «рекомендована Министерством образования Республики Башкортостан в качестве учебного пособия по предмету “История Башкортостана”»), поскольку прекрасно знает, что названный им историк характеризовал Салавата Юлаева (сегодня являющегося официальным символом Республики Башкортостан) совершенно иначе (см.: Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. III. С. 316—317), и ни о каких полководческих и поэтических заслугах башкирского командира не упоминал вовсе. Затем Н. М. Кулбахтин (С. 60—61 его книги) приписывает Салавату и пугачевскому соратнику Белобородову первенство в разработке и применении новой тактики интенсивного штурма укрепленных пунктов, которую якобы сам А. С. Суворов впервые использовал лишь в 1790 г. — этот пассаж автора явно напоминает повсеместные и неуклюжие поиски «приоритетов» в послевоенной советской науке.

Характерным примером сложившейся в Башкортостане традиции научной полемики является поддержанная грантом Российского гуманитарного научного фонда критика уфимским «социальным философом» А. Т. Бердиным книги уфимского же краеведа и публициста А. С. Орлова «Пирамида Салавата» (Казань, 2006): Бердин А. Т. Призрак Уфимской Атлантиды: как он создается. Уфа, 2007; Он же. Салават: бой после смерти. Уфа, 2009. Выпустить работу С. А. Орлова о Салавате Юлаеве в Уфе не удалось, а обстоятельства ее последующей публикации Академией наук Татарстана выясняла прокуратура Башки-

Видимо, такое отношение к изучению крупных проявлений социального протеста обусловлено, во-первых, реакцией на годами абсолютизированной советской наукой роль «классовой борьбы», во-вторых, непопулярностью или точнее, «нежелательностью» темы массовых антиправительственных выступлений в официальном дискурсе постсоветской России, и, в третьих, растерянностью в вопросах методологии и методики изучения такого рода исторических явлений.

Поэтому для возобновления исследовательского интереса к этой теме полезным может стать обращение к предлагаемой давней работе Дж. Александера. Следует отметить, что за рубежом изучение пугачевского восстания имеет давнюю и основательную традицию³, которая, кстати, никогда не прерывалась⁴. Она включает как работы, от-

---

рии. После появления изданных на средства РГНФ и написанных истеричным стилем указанных публицистических пасквилей А. Т. Бердина С. А. Орлов и его рецензенты (кандидат исторических наук И. М. Габдрафиков и автор этих строк) были арестованы и помещены в следственный изолятор как участники «организованной преступной группы», позже переквалифицированной в «экстремистское сообщество» (см.: Лесная Р. Научная работа по-башкирски // Независимая газета. 2009. 20 авг.), одной из целей которого якобы была... «дискредитация» Салавата Юлаева. Книга «Пирамида Салавата», несмотря на ее выпуск государственным академическим учреждением, была неофициально запрещена, изъята из продажи и стала полусвободно распространяться в Уфе только с лета 2010 г. В сентябре 2010 г. ее автор и рецензенты были отданы под суд, в котором в качестве «потерпевшего» участвовал А. Т. Бердин.

³ Longworth Ph. The last great cossack-peasant rising // *Journal of European Studies*. 1973, Vol. 3, Issue 1; Idem. The Pretender Phenomenon in Eighteenth-Century Russia // *Past and Present*. 1975. Feb., no. 66; Longworth Ph. Peasant leadership and the Pugachev revolt // *Journal of Peasant Studies*. 1975. Vol. 2, Issue 2; Donnert E. Ideologie und Gesellschaftsideal der Pugačev-Bewegung // *Gesellschaft und Kultur Rußlands in der 2. Hälfte des 18. Jahrhunderts*. T. 1. Halle, 1982; Plambeck P. Publizistik im Russland des 18. Jahrhunderts: Analyse der Aufrufe zur Zeit des Pugačev-Aufstandes, 1773–1775. Hamburg, 1982; Bodger A. The Kazakhs and the Pugachev uprising in Russia, 1773–1775 // *Papers on Inner Asia*. 1988. No. 11; Тоёкава Коити. Оренбург и Оренбургское казачество во время восстания Пугачёва 1773–1774 гг. М., 1996; Шарф К. Пугачев: император между периферией и центром: к постановке проблемы // *Ab Imperio*. 2003. № 1.

⁴ Среди недавних зарубежных работ о пугачевщине можно назвать очерк молодой немецкой исследовательницы Алис Плате в изданной в ФРГ коллективной монографии о народных восстаниях в России (Plate A. *Der Pugachev-Aufstand: Kosakenherrlichkeit oder sozialer Protest* // Löwe H.-D. (ed.). *Volksaufstände in Rußland. Von der Zeit der Wirren bis zur «Grünen Revolution» gegen die Sowjetherrschaft*. Wiesbaden, 2006) и раздел в объемистой книге Коити Тоёкава по истории Башкирии XVI–XIX вв.

меченные яркой индивидуальностью автора⁵, так и целые монографии по отдельным аспектам этого события⁶.

Предлагаемая книга Дж. Александра выгодно отличается как от негативных оценок пугачевщины дореволюционной русской историографией и ее позднейшего французского последователя П. Паскаля⁷, так и от апологетических сочинений советских историков. Дж. Александра трудно отнести к «правым» или «левым». Изучая столь сложное историческое явление, он, понимая, в какую ловушку обычно попадают те, кто вроде бы хочет добиться объективности в осмыслении событий 1773–1775 гг., старается избегать резких оценок и односторонних выводов. Если учесть, что эта книга написана в годы «холодной войны», когда не угодить под влияние господствовавших тогда в общественной атмосфере идеологием было чрезвычайно трудно, то проделанная автором работа вызывает еще большее уважение.

Книга Дж. Александра получила в СССР резкую, хотя и не совсем уж низкопробную отповедь⁸. Видные отечественные специалисты по XVIII в. упрекали автора в «не оригинальности», поскольку задолго до него «внешнюю историю» восстания уже якобы исследовал Н. Ф. Дубровин, в том, что американский ученый «по сути дела, не вносит ничего нового по сравнению с уже имеющейся литературой... пытается возродить устарелые и ошибочные концепции дворянских историков, которые освещали историю Крестьянской войны 1773–1775 гг. с позиций самодержавия и правящего дворянского класса»⁹. Тем самым советские оппоненты фактически признали, что единственно правильным подходом к анализу любых народных выступлений является рассмотрение их только с позиций восставших. Не стоит гово-

---

(豊川浩一『ロシア帝国民族統合史の研究—植民政策とバシキール人』（北海道大学出版会、2006年）。

⁵ Raeff M. Pugachev's Rebellion // Preconditions of Revolution in Early Modern Europe. Baltimore; London, 1970.

⁶ См., например: Peters D. Politische und gesellschaftliche Vorstellungen in der Aufstandsbewegung unter Pugachev (1773–1775). Berlin; Wiesbaden, 1973.

⁷ Паскаль П. Пугачевский бунт / пер. с франц. под ред. И. В. Кучумова. Уфа, 2010 (рец.: Мининков Н. А. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 6. С. 145–148; Дутчак Е. Е., Малу В. Я. // Российская история. 2012. № 1. С. 166–169).

⁸ Овчинников Р. В., Троицкий С. М. Новейшая американская историография Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева // История СССР. 1974. № 5 (перепечатано: Троицкий С. М. Россия в XVIII веке: сб. ст. и публикаций. М., 1982. С. 125–133).

⁹ Троицкий С. М. Россия в XVIII веке. С. 126. Оппоненты не ограничились критикой этой книги Дж. Александра и продолжили полемику с его последующими публикациями о событиях 1773–1775 гг. (Там же. С. 127–133), обвиняя их автора в необъективности и предвзятости.

речь, сколько вреда нашей исторической науке принесли такого рода односторонние суждения и установки.

Основным источником для американского автора явились работы дореволюционных и советских историков, а также документальные публикации. В процессе написания этого исследования Дж. Александеру выпала редкая в то время для иностранцев возможность поработать в советских архивах и получить консультации ряда наших ведущих историков, в первую очередь, профессора ЛГУ В. В. Мавродина (1908–1987)¹⁰. Конечно, сегодня мы располагаем намного большим массивом документов по данной теме, чем тот, который имелся под рукой у Дж. Александера в конце 1960-х гг., и, конечно, в дальнейшем он станет еще значительнее. Поэтому нет смысла давать всестороннюю оценку работе, написанной свыше сорока лет назад, тем более, что за это время опубликовано большое число серьезных отечественных трудов¹¹. Наша беда, что эта книга, наряду со многими другими, вовремя не пришла к нашему читателю.

Для книги Дж. Александера характерно повышенное внимание к внешнеполитическим аспектам восстания. Эта сторона пугачевского

---

¹⁰ Вероятно, общение автора во время его пребывания в СССР с В. В. Мавродиным было достаточно тесным и доверительным. Внимательное сопоставление настоящей книги с известным «мавродинским» трехтомником по истории восстания Пугачева выявляет некоторое сходство поднимаемых в них проблем и позволяет сделать вывод, что советский исследователь щедро делился (иногда это прямо признается Дж. Александером) со своим американским подопечным материалами из тогда еще не опубликованного третьего тома этого коллективного труда.

¹¹ Всех их перечислить здесь нет возможности. См., например: Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. М., 1980; Емельян Пугачев на следствии. М., 1997; Оренбургская Пушкинская энциклопедия. Оренбург, 1997 (электронная версия широкодоступна во Всемирной Сети); Салават Юлаев: энциклопедия. Уфа, 2004. Однако эти работы требуют критического отношения, ибо качественное осмысление исторического материала о пугачевщине с позиций современной науки пока еще отстает от его количественного накопления (см.: Соловьев В. М. Актуальные вопросы изучения народных движений (полемические заметки о крестьянских войнах в России) // История СССР. 1991. № 3). Ценное осмысление феномена пугачевского восстания с позиций культурологии см.: Мауль В. Я. Архетипы русского бунта XVIII столетия // Русский бунт: сб. историко-литературных произведений. М., 2007. Новейший обзор дискуссионных и нерешенных вопросов проблемы см.: Смирнов Ю. Н. Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. 2007. №5/3 (55). Перечень общих российских и зарубежных работ последних лет по ряду проблем, поднимаемых в книге Дж. Александера, см.: Мадариага Исабель де. Россия в эпоху Екатерины Великой / пер. с англ. М., 2002. С. 962–964.

бунта фактически не затрагивалась в советской историографии. В СССР было принято считать, что это восстание вызвано исключительно внутренними причинами, какие-либо внешние факторы его отрицались или, во всяком случае, не принимались во внимание. Иначе подходит к этому вопросу Дж. Александер. Не отрицая тяжелого положения населения как главного источника этой трагедии, он уделяет большое внимание анализу международной обстановки, на фоне которой разворачивались события в Оренбургской губернии и Поволжье в 1773—1775 гг. По мнению американского автора, именно затяжная и истощившая все ресурсы страны русско-турецкая война 1768—1774 гг. привела к обострению и без того нелегкого внутреннего положения в стране, став катализатором процессов, в конечном итоге приведших к грандиозному социальному взрыву. Можно сказать, что внутренняя и внешняя политика на страницах настоящей книги фактически неотделимы, и это новый для отечественной науки взгляд (которому на Западе, увы, уже почти полвека) и его еще предстоит изучить и осмыслить.

Думается, отечественный читатель по достоинству оценит собранные Дж. Александером и впервые введенные им в научный оборот архивные источники из фондов Библиотеки Британского музея о влиянии пугачевского восстания на позицию ведущих европейских держав по «восточному вопросу» и на формирование политики в отношении России. Таким образом, автор сумел вписать локальное явление на Богом забытой юго-восточной окраине страны в широкий международный контекст, отголоски которого слышались не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и на берегах Сены и Темзы, Берлина и Вены, и даже отозвались эхом в совсем уж немыслимо далекой тогда Америке.

В этой связи нельзя не обратить внимания на еще один поднятый автором вопрос: адекватности ретрансляции печатной культурой тогдашнего Запада информации о восстании. Как удалось выяснить Дж. Александеру, несмотря на многочисленные препятствия в виде огромных расстояний, больших усилий русского правительства по засекречиванию всего, что касалось оренбургских событий, наконец, разнице культур, западная периодика того времени умудрялась с удивительной точностью сообщать своим читателям о том, что происходило чуть ли не на другом конце света, в неизведанном и загадочном крае. Здесь, правда, надо отметить, что территория Оренбургской губернии не была для образованного западного читателя некоей terra incognita. Дело в том, что в 1771 и 1773 гг. на немецком языке вышло два издания знаменитой «Топографии Оренбургской» (1762) П. И. Рычкова, что свидетельствует об интересе европейской общественности к этому очень далекому региону.

Книга Дж. Александра, посвященная восстанию под предводительством Е. И. Пугачева, все же несколько шире заявленной автором темы — деятельности центрального правительства в условиях общенационального кризиса. Это восстание, отмечает ученый, «позволяет понять, как работали центральные органы управления страны в XVIII в. и как действовало правительство Екатерины II. Благодаря этому можно узнать, какие проблемы испытывало управление огромной многонациональной империей, о сильных и слабых сторонах существовавшей системы, ее способности решать стоящие перед ней задачи, отношениях с обществом, причинах и ходе осуществленных в то время реформ. Более того, поскольку многие черты политической системы России практически не изменились и после смерти Екатерины, анализ механизмов ее власти может способствовать более глубокому пониманию работы правительственных учреждений этой страны».

Данная монография выходит в серии «Башкортостан в зарубежных исследованиях»¹², поскольку это движение в основном проходило на территории Оренбургской губернии, о чем постоянно напоминает на страницах своей книги Дж. Александр.

В заключение хотелось бы выразить нашу глубокую благодарность автору, любезно разрешившему опубликовать перевод его книги в России. При подготовке издания использовались фонды Научной библиотеки Уфимского научного центра РАН, а также отсканированные и выложенные во Всемирную Сеть компанией Google раритетные отечественные издания¹³. Отдельная благодарность за поддержку данного начинания — д. филол. наук Ф. Г. Галиевой.

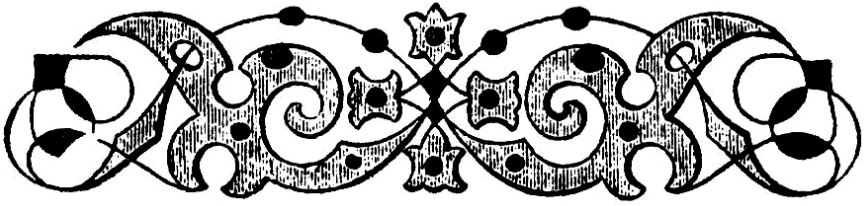
И. В. Кучумов, кандидат исторических наук.

---

¹² До недавнего времени книги этой серии (руководитель проекта — И. В. Кучумов) приходилось публиковать нелегально, их не принимали в фонды библиотек, а издателей в 2007–2009 гг. по всей стране разыскивала башкирская прокуратура: в условиях самого недемократичного на территории России жесткого авторитарного режима, существовавшего в Республике Башкортостан с середины 1990-х гг., малейшие отступления от официальных канонов в изучении прошлого региона, особенно истории его титульного населения, сурово карались, строгая цензура распространялась даже на академические работы. Произведенные в июле 2010 г. федеральным центром кадровые изменения в высшем руководстве республики и предпринятые затем меры по возвращению ее в политическое и правовое поле Российской Федерации способствовали появлению определенного плюрализма мнений среди местных историков.

¹³ В книге Дж. Александра все расстояния приводятся в милях. При подготовке русского перевода это было оставлено без изменений. Напомним, что 1 миля = 1609,344 м (1,508 верст).

*Почетному профессору Индианского университета
МАЙКЛУ ГИНЗБУРГУ,
который пробудил во мне любовь
к России восемнадцатого века*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Само по себе восстание под предводительством Е. И. Пугачева, конечно, не является новой темой для исторической науки. За последние двести лет к нему часто обращались российские исследователи. Ими был опубликован большой массив источников, а совсем недавно коллектив советских ученых во главе с профессором В. В. Мавродиным выпустил два тома из планируемого трехтомного труда о том, что они именуют «Крестьянской войной в России в 1773—1775 гг.».

И все же некоторые стороны этого восстания пока остаются малоизученными. Восстание Пугачева затрагивает ряд фундаментальных вопросов, таких, например, как функционирование Российской империи в XVIII в. Начавшись в разгар напряженной международной обстановки, отнявшей у России немало сил и энергии, это восстание привело к острому и всеобщему кризису в стране. Поэтому изучение реакции властей на него позволяет понять, как работали центральные органы управления страны в XVIII в. и как действовало правительство Екатерины II. Благодаря этому можно узнать, какие проблемы испытывало управление огромной многонациональной империей, о сильных и слабых сторонах существовавшей системы, ее способности решать стоящие перед ней задачи, отношениях с обществом, причинах и ходе осуществленных в то время реформ. Более того, поскольку многие черты политической системы России практически не изменились и после смерти Екатерины, анализ механизмов ее власти может способствовать более глубокому пониманию работы правительственных учреждений этой страны.

Таковы основные причины появления данной монографии. В ней будут рассмотрены три основные проблемы. Во-первых, мы постараемся показать, как воспринималось пугачевское восстание Екатериной II и ее правительством в разные периоды времени. В этой связи мы исследуем, как внутренние и внешние обстоятельства влияли на подходы имперского правительства к восстанию, и как этот мятеж в

свою очередь повлиял на внешнюю и внутреннюю политику России. Во-вторых, нами будут рассмотрены меры, предпринятые царским правительством для борьбы с повстанцами, и, в частности, уделено внимание пропагандистским действиям правительства по реализации своей политики. И, наконец, в-третьих, мы попытаемся выяснить, какие уроки — если это, конечно, имело место — извлекли из этого восстания власти и как оно повлияло на их последующую политику. Отдельно будет рассмотрен вопрос о взаимоотношениях пугачевщины и губернской реформы 1775 г.

Таким образом, пугачевский бунт является для автора настоящей книги инструментом для исследования деятельности правительства Российской империи во второй половине XVIII в. Поэтому в центре нашего внимания будут действия властей во время восстания, а сама его история как бы отойдет на второй план.

Данная работа не могла быть осуществлена без многочисленных помощников. Я выражаю особую благодарность Межвузовскому комитету по грантам на поездки (Inter-University Committee on Travel Grants), который позволил мне с женой в течение одного года (в 1964—1965 гг.) поработать в Ленинграде и Москве, где я завершил основную часть данного исследования. Я также очень признателен Программе стипендий для исследований за рубежом (Foreign Area Fellowship Program). Благодаря этим грантам мне удалось подготовить докторскую диссертацию, легшую в основу настоящей книги. Кроме того, я хотел бы выразить признательность Главному исследовательскому фонду Канзасского университета за материальную поддержку, позволившую переработать диссертационное исследование в монографию.

Эта работа не могла быть выполнена без участия отзывчивых сотрудников Библиотеки Конгресса США, библиотеки Индианского университета и Уотсоновской библиотеки Канзасского университета, Российского государственного исторического архива и Российского государственного архива древних актов, отделов рукописей Российской национальной библиотеки, Российской государственной библиотеки¹⁴ и Британского музея.

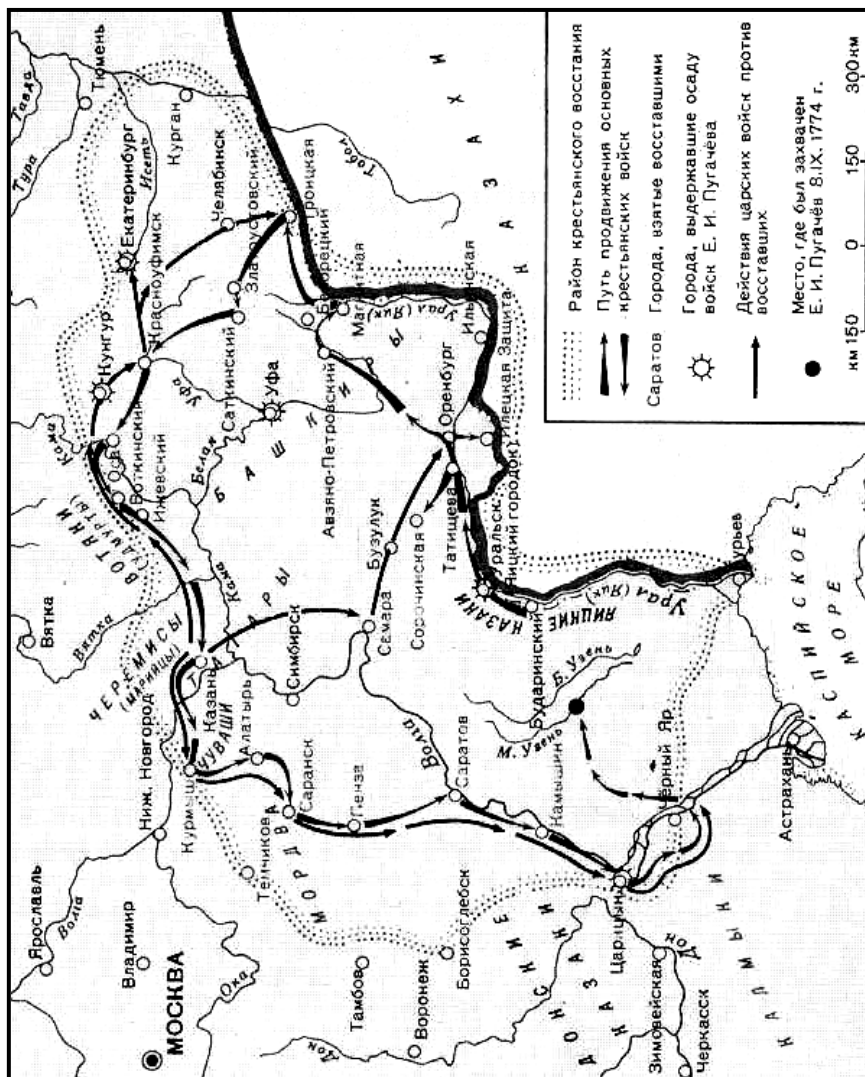
Особую благодарность за многочисленные ценные советы я хочу выразить моему научному консультанту профессору В. В. Мавроди-ну, его ученику, а ныне кандидату исторических наук В. А. Спиркову, познакомившему меня с архивными материалами по теме, а также

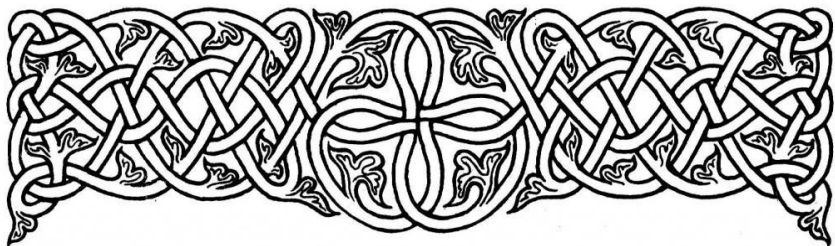
¹⁴ <Для удобства названия архивов и библиотек в настоящем издании приводятся в современных вариантах. Здесь и далее примечания в угловых скобках принадлежат переводчику>.

госпоже В. А. Петровой, которая дала мне множество полезных рекомендаций и научила азам русской палеографии XVIII в. Я также благодарен своим наставникам в Индианском университете за их интерес к моим изысканиям, поддержку и одобрение моей работы. В первую очередь здесь следует упомянуть моего консультанта профессора Джона М. Томпсона, профессора Роберта Ф. Бирнса, покойного профессора Джорджа С. Сулиса, д-ра Фрица Т. Эпштейна, профессора Иссера Волоча. Очень полезными для меня оказались советы коллег по Канзасскому университету, особенно тех, кто принял участие в обсуждении набросков первых двух глав этой работы на заседаниях нашего изумительного Хатченовского клуба (Hatchet Club). Кроме того, я выражаю искреннюю благодарность возглавлявшейся в 1966–1967 гг. профессором Гербертом Г. Капланом редколлегии Института России и Восточной Европы Индианского университета за издание этой книги в институтской серии. Большую помощь своими консультациями мне оказали также сотрудники издательства Индианского университета, особенно миссис Эдит Г. Олби и мисс Шейла Диллон. Квалифицированную работу по подготовке карт выполнила миссис Кэтлин Дж. Дарналл. Аспирант Канзасского университета мистер Роберт Дж. Берч, специализирующийся по русской истории, внимательно прочитал мою рукопись и сделал в ней многочисленные поправки и замечания, за что я ему очень благодарен. Разумеется, эта работа никогда не была бы завершена, не будь на то терпения, советов и поддержки моей супруги, Марии К. Александер. Все изъяны в этой книге целиком лежат на мне, и только я несу ответственность за изложенное в ней.

I ПОИСКИ ЗЛОДЕЯ

Утром 15 октября 1773 г., во вторник, члены Императорского совета собрались на свое внеочередное заседание в Зимнем дворце. В последнее время на этих совещаниях обычно рассматривались внешнеполитические вопросы; вероятно, и сейчас предстояло обсуждать длившуюся уже шестой год войну с турками, либо недавно ратифицированный раздел Польши. Правда, ходили слухи, что где-то на окраине империи вспыхнул бунт, во главе которого стоял некий самозванец, но точными сведениями об этом пока никто не располагал. Одни считали, что этот мятеж был вызван призывом донских казаков в армию, другие полагали, что его подняли крымские татары. Поскольку приглашение прибыть на заседание совета было написано собственноручно императрицей и она лично соизволила присутствовать на нем, стало ясно, что речь пойдет о чем-то очень важном¹⁵.

Екатерина II учредила Императорский совет в ноябре 1768 г. для обсуждения проблем войны с турками, которую они объявили месяцем ранее. Первоначально временный совещательный орган, он вскоре превратился в постоянную комиссию по рассмотрению важнейших вопросов внутренней и внешней политики, поставленных императрицей. На нем обсуждались самые сокровенные проблемы, поэтому все, что делалось на этом совете, хранилось в глубокой тайне. Обычно заседания этого органа проходили два раза в неделю — по понедельникам и четвергам, с десяти часов утра, но с 1771 г. в силу

---

¹⁵ Граф Сольмс — Фридриху II, 25 октября 1773 г.: Hoffman P., Shützler H. Der Pugačëv-Aufstand in zeitgenössischen deutschen Berichten // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der Volksdemokratischen Länder Europas. 1962. Bd. VI. S. 354; Гуннинг — Сафолку, 22 октября 1773 г.: Сборник Русского исторического общества (далее — РИО). Т. XIX. С. 380.

возросшего объема рассматриваемых вопросов иногда приходилось собираться и по субботам в пять часов пополудни¹⁶.

Совет состоял из семи самых влиятельных лиц Российской империи. Вместе с императрицей они олицетворяли высшую власть государства. Обладая могуществом не только в силу занимаемых ими высоких должностей, но и благодаря богатству и семейным связям, они воплощали союз старой и новой элиты, причем большинство из них достигли вершин карьеры относительно недавно. У многих из них было довольно неплохое образование, опыт боевой или дипломатической службы и длительного пребывания при дворе. Почти все члены совета принимали участие в июньском перевороте 1762 г., возведшем на престол Екатерину. Теперь эти люди занимали высшие посты в империи, их грудь украшали многочисленные ордена и медали — знаки царской милости.

Самым опытным политиком из них был граф Никита Иванович Панин, в 55-летнем возрасте возглавивший Коллегию иностранных дел и находившийся на этой должности уже 9 лет; до недавнего времени он являлся также воспитателем наследника императорского престола, великого князя Павла Петровича. Сделавший карьеру на ниве дипломатии, обладая манерами прирожденного аристократа (хотя он получил дворянский титул только в 1767 г.), граф Панин отличался умом, надменностью и ленью. Однажды императрица пошутила, что и умирать он будет не спеша. Любитель хорошо поесть, Панин, несмотря на огромные долги, жил на широкую ногу в своем имении под столицей, окруженный лучшими в империи поварами. Холостяк, он доверял во всем только своему брату, графу Петру Панину, энергичному отставному генералу, проживавшему в Москве. Оба были сенаторами и полагали, что России нужна конституция¹⁷.

---

¹⁶ Архив Государственного совета (далее — АГС). СПб., 1869. Т. I, ч. 2. С. I—VII. О точном названии совета единого мнения нет. Январский указ 1769 г. о его создании в качестве постоянного учреждения упоминал «Совет при высочайшем дворе», а современники часто называли его просто «советом». Хотя издание его протоколов называется «Архив Государственного совета», ясно, что в данном случае название Государственного совета XIX в. было применено к его предшественникам. Видный историк русского государственного права А. Н. Филиппов полагает, что «Совет при высочайшем дворе» — это название аналогичного консультативного органа при Петре III, а при Екатерине II действовал «Императорский совет»: Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. Ч. I. 4-е изд. Юрьев, 1912. С. 680, 692. В настоящей работе нами используется именно это название.

¹⁷ Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. XIII. С. 189—204; Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. Ч. 4. С. 106; Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Т. XII, ч. 1.

Наряду с Паниными еще одним представителем послепетровского дворянства был фельдмаршал граф Кирилл Григорьевич Разумовский, взлетевший на вершины власти и богатства благодаря своему старшему брату, Александру Григорьевичу. Александр, однажды покоров сердце императрицы Елизаветы Петровны, добился от нее милостей и для своего младшего брата. В восемнадцатилетнем возрасте К. Г. Разумовский возглавил Академию наук и одновременно в течение 17 лет являлся гетманом своей родной Украины — до самого упразднения этой должности в 1764 г. После этого он стал сенатором, а с 1768 г. являлся членом Императорского совета. Этот сорокапятилетний экспансивный украинец был невероятно богат и любил устраивать у себя грандиозные приемы. Его роскошный дворец на Мойке обслуживали около двухсот слуг — лишь малая толика из 45000 крепостных графа¹⁸.

В отличие от этих высочек, фельдмаршал князь Александр Михайлович Голицын и его полный тезка двоюродный брат принадлежали к старинному московскому роду. В молодости нынешний пятидесятипятилетний фельдмаршал служил в Рейнской австрийской армии под командованием принца Евгения Савойского. В 1740 г. он работал в русском посольстве в Османской Порте, в 1749—1754 гг. был посланником России при Ганзе, во время Семилетней войны был ранен в битве при Кунерсдорфе. В 1768 г. Екатерина назначила его главнокомандующим русской армией в войне с турками, но после отказа Голицына штурмовать молдавскую крепость Хотин в 1769 г. заменила его же шурином, генералом (с 1770 г. — фельдмаршалом) графом Петром Александровичем Румянцевым. Чтобы компенсировать Голицыну эту отставку, императрица присвоила ему звание фельдмаршала, сделала членом Императорского совета и генерал-губернатором Санкт-Петербурга. Из близких родственников фельдмаршала на государственной службе находился его младший брат, князь Дмитрий Михайлович, с 1761 г. являвшийся русским послом в Вене¹⁹.

Двоюродный брат фельдмаршала, вице-канцлер князь Александр Михайлович Голицын (чтобы различать их, современники часто называли его просто «вице-канцлер») с 1762 г. являлся вторым челове-

---

Берлин, 1900. С. 314—315; *The Memoirs of Catherine the Great* / ed. D. Maroger, trans. M. Budberg. New York, 1955. P. 364.

¹⁸ Бантыш-Каменский Д. Н. Указ. соч. Ч. 4. С. 266—272; *Русский биографический словарь*. СПб., 1910. Т. XV, ч. 2. С. 452—463.

¹⁹ Бантыш-Каменский Д. Н. Указ. соч. М., 1836. Ч. 2. С. 43—50, 80; Голицын Н. Н. Род князей Голицыных. СПб., 1892. Т. I. С. 137; Amburger E. *Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917*. Leiden, 1966. S. 451; *Военная энциклопедия*. СПб., 1912. Т. VIII. С. 362.

ком после графа Панина, отвечающим за всю внешнюю политику страны, кроме вопросов, относящихся к компетенции Императорского совета. До этого князь Голицын проживал за рубежом — сначала в качестве русского посланника во Франции (1749—1755 гг.), а затем в Англии (1755—1762 гг.). У этого пятидесятилетнего холостяка были влиятельные родственники в лице своего младшего брата, князя Петра Михайловича, недавно вернувшегося в Москву после победы над польскими конфедератами, и двоюродного брата, князя Дмитрия Алексеевича Голицына, русского посланника в Гааге. Ранее посол в Версале, ярый франкофил, друг Вольтера, Дидро и физиократов, член многих академий и научных обществ, Д. А. Голицын держал вице-канцлера в курсе европейской жизни, два-три раза в неделю посылая ему письма на французском языке²⁰.

Среди остальных членов Императорского совета князь Григорий Григорьевич Орлов с его огромным ростом выглядел настоящим медведем. Этот тридцатидевятилетний богатырь был самым молодым членом этого правительственного органа. Он прошел путь от неизвестного и бедного гвардейского офицера до осыпанного многочисленными наградами и сказочными богатствами фаворита императрицы. Будучи свыше десяти лет любовником Екатерины и, по слухам, отцом ее нескольких детей, князь Орлов в 1772 г. лишился ее покровительства якобы по причине своего чрезмерного увлечения женским полом. Обидевшись, он на несколько месяцев удалился в свое гатчинское имение, но уже весной 1773 г. был возвращен в столицу, правда, уже без тех прав, которые были у него прежде. Однако утратив доверие императрицы, князь продолжал оставаться ее близким советником, начальником Канцелярии опекунов иностранных колонистов и генерал-фельдцейхмейстером (главой артиллерии). Екатерина не забывала, что именно он с четырьмя братьями, ныне занимавшими высокие должности, посадил ее на российский престол²¹, и всегда отмечала его «орлиную пронизательность»²².

51-летний граф Захар Григорьевич Чернышев, всего за две недели до упомянутого заседания совета ставший президентом Военной коллегии и фельдмаршалом, пользовался репутацией энергичного человека. Командуя армией в годы Семилетней войны, он в 1760 г. на

---

²⁰ Голицын Н. Н. Указ. соч. С. 139—141; Amburger E. Op. cit. S. 128, 448; Военная энциклопедия. Т. VIII. С. 365—366; Бак С. Дмитрий Алексеевич Голицын // Исторические записки. 1948. Т. XXVI. С. 258—259.

²¹ Бантыш-Каменский Д. Н. Указ. соч. Ч. 4. С. 49—53; Amburger E. Op. cit. S. 314; фон Гельбиг Г. Русские избранники / пер. с нем. и прим. В. А. Бильбасова. Берлин, 1900. С. 288—310; Письма братьев Орловых к графу П. А. Румянцеву (1764—1778). СПб., 1897. С. 2—6; Русский биографический словарь. Т. III. С. 114—116.

²² Memoirs of Catherine. P. 360.

какое-то время занял Берлин. В последние десять лет он являлся вице-президентом Военной коллегии, в результате чего его сверстник и соперник генерал Петр Панин стал презирать эту должность. Сами Чернышевы лишь недавно получили дворянство. Организовав раздел Польши, граф в 1772 г. стал генерал-губернатором двух новых русских губерний. З. Г. Чернышев отличался вспыльчивостью, особенно по утрам, когда слуги осмеливались нарушить его покой²³. Считалось, что он и его богатый брат граф Иван Чернышев, возглавлявший Адмиралтейство, действуют во всем сообща, тайно связаны с заграницей и ради денег готовы на все. Хотя императрица была довольна работой Захара Чернышева, она считала, что «есть что-то подозрительное во всем, что он делает, и даже во всех его качествах»²⁴.

Последним членом Императорского совета был сорокашестилетний генерал-прокурор Сената князь Александр Алексеевич Вяземский. Сын морского офицера и выпускник дворянского кадетского корпуса, он в годы Прусской кампании дослужился до генерал-квартирмейстера. В 1763 г. его направили расследовать крестьянские бунты на уральских заводах. Через год императрица сделала его генерал-прокурором. Эта вроде бы ничего не значащая на первый взгляд должность на самом деле соответствовала посту министра финансов, юстиции и внутренних дел, а также послу по особым поручениям. Свои административный опыт, удивительную работоспособность и скромность Вяземский сочетал с умением хранить все тайны Екатерины²⁵. Опираясь на информацию, поступающую в Сенат, ведя переписку с местными властями и подчиненными ему прокурорами, Вяземский знал о внутреннем положении империи больше самой императрицы. При этом он оставался неутомимым, неподкупным исполнителем ее воли и презирал богатство, за что был нелюбим многочисленными недоброжелателями. В круг обязанностей Вяземского входило руководство государственной безопасностью — зловещей Тайной

---

²³ Бантыш-Каменский Д. Н. Указ. соч. М., 1836. Ч. 5. С. 266–267; Amburger E. Op. cit. S. 295, 350; Русский биографический словарь. СПб., 1901. Т. XX. С. 313–318.

²⁴ Лорд Каскорт — графу Рошфору, 29 декабря 1769 г.: РИО. Т. XIX. С. 18–19; Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. XX. С. 313–318; *Memoirs of Catherine*. P. 360.

²⁵ См., например, письмо Екатерины 1782 г., в котором она отклоняет просьбу Вяземского об отставке его с государственной службы: Caterina II e Aleksandr A. Vjazemskij // *Annali. Sezione slava. Napoli*, 1959. Vol. II. P. 210–211.

экспедицией, и он даже проводил тайные допросы в своем особняке в Санкт-Петербурге²⁶.

Самой императрице Екатерине II ко времени нашего повествования исполнилось сорок четыре года. Она уже давно не была приехавшей в Россию юной безвестной немецкой принцессой, а разменяла второе десятилетие своего нахождения на престоле. И раньше не обладавшая красотой, она теперь вступила в пору увядания, ее молодость прошла, но у нее по-прежнему были светлая кожа, тонкие очертания рта и ровный ряд зубов, а также выразительные голубые глаза. В остальном это была довольно крупная и как отмечали современники, «склонная к полноте» женщина. «Что касается ее внешнего вида, — писал за несколько лет до описываемых событий один англичанин, — то он не был мужеподобным, но не был и совершенно женственным»²⁷. Несмотря на свой возраст, Екатерина не утратила активности. Чрезвычайно энергичная, она не чуждалась тяжкого труда по управлению своим огромным государством. Просыпалась императрица около шести часов утра. С восьми часов она читала доставленную ее секретарями корреспонденцию и выносила резолюции. В одиннадцать часов Екатерина одевалась и выходила ко двору. Обедала она примерно в час дня, затем удалялась в свои апартаменты, где находилась до пяти часов вечера, когда подавали чай. Затем она посещала собрания или выходила в свет, после чего ужинала. В десять часов вечера она ложилась спать, а в одиннадцать дворец погружался в темноту²⁸. Известности и славы она достигла исключительно своим трудом.

...Итак, 15 октября глава Военной коллегии граф Чернышев открыл заседание совета и зачитал полученные накануне два донесения. В первом, составленном 28 сентября оренбургским губернатором Иваном Рейнсдорпом, сообщалось, что за десять дней до этого беглый донской казак Пугачев поднял бунт среди яицких казаков и объявил себя царем Петром III — давно умершим супругом Екатерины. Самозванец, писал Рейнсдорп, привлек на свою сторону местное население «всевозможными ложными обещаниями», мятежники взяли две крепости и теперь идут на Оренбург, но губернатор принимает все меры для подавления бунта и известил о нем своего казанского коллегу Якова фон Брандта и тобольского — Дениса Чичерина.

Второе донесение, зачитанное графом Чернышевым, поступило от казанского губернатора фон Брандта, находившегося в трехстах

---

²⁶ Бантыш-Каменский Д. Н. Указ. соч. М., 1836. Ч. 1. С. 366—369; Иванов П. Опыт биографии генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863. С. 42—56.

²⁷ Richardson W. Anecdotes of the Russian Empire. London, 1784. P. 19.

²⁸ Ibid. P. 23—24. Екатерина — г-же Жоффрен, 6 ноября 1764 г.: РИО. Т. I. С. 261—262.

милях северо-западнее Оренбурга. Получив известие, что бунтовщики захватили три крепости, Брандт выражал опасение, что они могут направиться к нему, а войск у него мало. Московский генерал-губернатор М. Н. Волконский изведал Военную коллегию, что в ответ на просьбу фон Брандта о помощи он отправил ему на почтовых телегах триста солдат и одну пушку²⁹.

Затем члены Совета заслушали графа Чернышева, доложившего о содержании указа генералу Василию Кару, который накануне вечером выехал из столицы, чтобы расправиться с бунтовщиками. Хотя власти на местах делали все возможное, чтобы схватить Пугачева и подавить бунт, Кару было приказано немедленно выступить в район восстания, «дабы все оное произведено было с лучшим успехом и скоростью». По пути в Казань он должен был взять роту новгородских гренадеров и принять на себя командование тремястами рядовых, уже вышедшими из Москвы. С помощью этих сил, дополненных казанским гарнизоном и иррегулярными командами из местных башкир и отставных солдат, Кар должен был «учинить над оным злодеем поиск и стараться, как самого его, так и злодейскую его шайку переловить, и тем все злоумышления прекратить». Казанский и оренбургский губернаторы должны были оказывать ему всяческую помощь, а тем, кто будет ревностно бороться с мятежниками, была обещана особая царская милость. Императрица также сообщила генералу, что для распространения в мятежных районах посылает ему «увещательный манифест»³⁰.

Проинформировав Императорский совет о начале восстания, и сообщив о принятых мерах по его подавлению, Екатерина приказала немедленно подготовить по этому поводу манифест и спросила, все ли сделано для борьбы с мятежниками. Члены совета уверили ее, что держат ситуацию под контролем и самое большое, чего можно ожидать сейчас — это срыв сбора налогов и рост числа разбоев в районах, охваченных бунтом. Полагая, что Оренбург сдержит повстанцев, они думали, что те не пойдут на Казань, а повернут на Дон. Упомянув прошлогодние волнения на Дону, в ходе которых правительству пришлось арестовать казачьего атамана Ефремова, граф Панин высказал опасения, что бунт может там повториться и перекинуться на Кубань, к ненадежным татарам. Граф Чернышев согласился с этим, заметив, что нынешний мятеж вспыхнул от тлевших на Дону угольков³¹. Вязем-

---

²⁹ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 437–438.

³⁰ Указ В. Кару см.: Пушкин А. С. История Пугачева // Полное собрание сочинений. Л., 1938. Т. IX, ч. 1. С. 163.

³¹ Беспорядки на Дону в 1772 г., в которых принимал участие атаман Степан Ефремов, за что был сослан на каторгу, имеют определенное сходство с восстанием Пугачева, разразившимся год спустя. Подробнее см.:

ский предложил просто поручить местным духовным властям уведомить казаков о появлении самозванца, но Екатерина решила все же издать об этом специальный манифест. Совет согласился с тем, что Дон должен готовиться к приходу бунтовщиков, и увеличил там численность войск. В тот же день Военная коллегия отправила к командовавшему русскими силами на Нижнем Дону генералу Потапову курьера с приказом подготовиться к возможному появлению Пугачева и его соратников³².

Посчитав, что этого вполне достаточно, Екатерина покинула заседание совета, поручив подготовить манифест, а генерал-прокурору Вяземскому напечатать его в количестве двух тысяч экземпляров и немедленно разослать. Это было сделано в тот же день, 15 октября. На следующее утро курьер поскакал вслед за Каром, везя ему экземпляры манифеста³³. Предназначавшийся для распространения только в районах восстания, он объяснял, что Пугачев является самозванцем, призывал всех отстать от «сего безумия», грозя суровыми наказаниями тем, кто «за бунтовщика и возмутителя противу воли нашей императорской признан будет». Сообщалось также, что генерал Кар послан для «восстановления порядка и тишины в тех пределах» и каждый обязан помогать ему «к истреблению упорственных и к доставлению в его руки самого того главного вора, возмутителя и самозванца»³⁴.

Чтобы не допустить обращений повстанцев к населению через «злодейские» манифесты, совет утвердил сенатский указ, призывавший доверять только отпечатанным типографским способом указам. Это воззвание, которое Сенат опубликовал 19 октября, должно было предупредить распространение слухов о восстании, не признавая, однако, что оно уже началось. В указе не упоминались ни время, ни место, ни конкретные люди, а просто подтверждался изданный девятью годами раньше запрет агитации среди крепостных на недавно секуляризованных церковных владениях. «Однакоже в вящее предупреждение коварных, особливо между несмысленными в простом народе развратов и лживых толкований злорадных людей, за нужное почел Правительствующий Сенат, в подтверждение того прежнего, ныне еще вновь сим указом обнародовать, дабы в случаях дел не до частных правительств государственных распоряжков, но до общих во

Сватиков С. Г. Россия и Дон, 1549–1917. Белград, 1924. Гл. XXII.

³² АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 439. Военная коллегия — генералу Потапову, 15 октября 1773 г.: Дон и нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. Ростов-на-Дону, 1961. С. 21.

³³ Указ Екатерины Вяземскому (Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1329. Оп. 2. № 112. Л. 139), ее письмо Кару и приказ сенатскому курьеру (Там же. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 5–5 об.).

³⁴ Текст см.: Пушкин А. С. Указ. соч. С. 164–165.

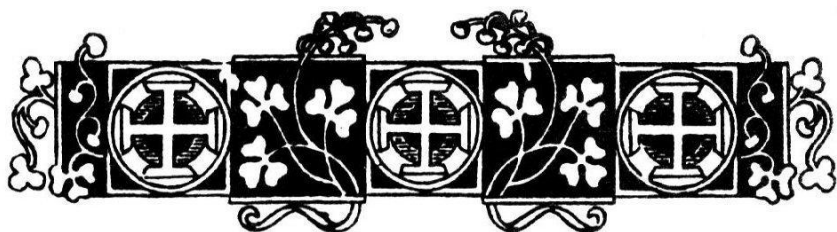
всем государстве узаконений или всенародных публикаций касающихся, все и каждые веру прилагали издаваемым токмо печатным указам и по оным бы должное чинили исполнение... а отнюдь не рукописные указы от вышнего правительства издаваемы быть имеют»³⁵.

Эти события ознаменовали начало затянувшегося на более чем полтора месяца этапа неорганизованной борьбы властей Российской империи с восстанием Пугачева. Этот период характеризуется тремя факторами: во-первых, известие о восстании на далекой юго-восточной окраине достигло Санкт-Петербурга почти через месяц после его начала (когда шло упомянутое заседание совета, повстанцы уже осаждали Оренбург). Во-вторых, несмотря на тревожные сообщения, правительство не придало тогда им большого значения, полагая, что местные власти смогут подавить бунт самостоятельно. И, наконец, в-третьих, Екатерина и ее советники как обычно в таких случаях попытались скрыть правду, но одновременно публично заявили о недопустимости агитации среди крепостного крестьянства, тем самым сняв с этих событий завесу секретности.

---

³⁵ ПСЗРИ. Т. XIX. № 14047.

II ЯРКИЙ БЛЕСК БЕСПЛОДНЫХ ПОБЕД

Даже без учета начавшегося восстания положение Российской империи осенью 1773 г. было тяжелым. Война с турками, вызванная международным конфликтом вокруг Польши, шла уже пять лет и дорого стоила стране. Победы русского оружия, увенчанные блестящим триумфом в Чесменском сражении (1770 г.), не привели к миру. Чем больше Россия проявляла интерес к землям Османской империи, в 1770–1771 гг. заняв Дунайские княжества и Крым, угрожая Кавказу и поддерживая арабских повстанцев в Сирии и Египте, тем меньше ее поддерживали союзные ей Пруссия и Австрия, и тем активнее становились враждебные действия французов в Дании, Польше и Швеции³⁶. Хотя беспрецедентный по цинизму раздел Польши между

---

³⁶ Общий обзор внешней политики России в ходе русско-турецкой войны см.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959–1966. Кн. XIV (Т. 28), XV (Т. 29); Чечулин Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II, 1762–1774. СПб., 1896. Passim; Uebersberger H. Russlands Orientpolitik in den letzten zwei Jahrhunderten, Bd. I: Bis zum Frieden von Jassy. Stuttgart, 1913. Ch. III; Nolde B. La formation de L'Empire Russe. Paris, 1953. Vol. II. Ch. IX.

См.: Брикнер А. История Екатерины Второй. СПб., 1885. Ч. 3. Гл. III–IV; Ульяницкий В. Дарданеллы, Босфор и Черное море. М., 1833. Passim. О действиях России на Кавказе см.: Lang D. M. The Last Years of the Georgian Monarchy, 1658–1832. New York, 1957. Ch. IX; Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958. Гл. IV; Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966. Passim. Увлекательный обзор о малоизвестных военно-морских операциях русских на Ближнем Востоке см.: Persen W. The Russian Occupations of Beirut 1772–1774 // Royal Central Asian Journal. 1955. July–October. Vol. XLII, Pts. III–IV. P. 275–286. О политике Англии в этот период см.: Anderson M. S. Great Britain and the Russo-Turkish War of 1768–1774 // English Historical Review. 1954. Vol. LXIX. P. 39–58. Обзор хода военных действий см.: Ungermann R. Per Russisch-Türkische Krieg, 1768–1774. Vienna; Leipzig, 1906.

тремя державами был ратифицирован в сентябре 1773 г., отняв у Речи Посполитой почти 30% ее территории и свыше 35% населения, поляки вряд ли были готовы навсегда смириться с этим³⁷. Между тем во властных кругах Северной Европы полагали, что французская дипломатия теперь постарается натравить турецкого султана на русскую царицу и спровоцировать шведов на войну с Россией за возврат утраченных ими ранее прибалтийских земель³⁸.

Из всех трех держав, принявших участие в разделе Польши, позиция России была самой слабой. Чтобы победить в войне против турок, России нужны были не только ежегодные субсидии от ее союзника, короля Пруссии, но и нейтралитет Австрии³⁹. Но оккупация русскими дунайских княжеств вызвала у австрийцев чувство зависти и страха, и стала причиной дипломатического давления Вены на Россию. Воспользовавшись тем, что русские увязли в войне с турками, Австрия и Пруссия решили поживиться за счет Польши. Сразу после согласования условий ее раздела партнеры России решили отхватить от польского пирога кусок побольше. Но еще до этого Фридрих II стал бросать алчные взоры на Данциг, а Иосиф II задумываться о дальнейшем расширении своих новых владений. Вена проявляла особый интерес к турецким землям вокруг Черновцов, так называемой Буковины — идеального места для закрытия пути России в Придунавье⁴⁰. К осени 1773 г., в результате претензий Австрии на большую территорию и притязаний Пруссии на Данциг Россия оказалась в затруднительном положении.

---

³⁷ См.: Herbert H. Kaplan: *The First Partition of Poland*. New York, 1962. Ch. XIV.

³⁸ Кроме инструкций, данных послу Дюрану при отъезде его в 1772 г. В Санкт-Петербург, см.: *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française*. Paris, 1890. Vol. IX: Russie, pt. II / ed. A. Rambaud. Ch. XXXVIII. Анализ франко-русских отношений на Ближнем Востоке см.: Andriescu C. *La France et la politique orientale de Catherine II d'après les rapports des ambassadeurs français à St. Petersburg // Mélanges de L'École Roumaine en France*. Paris, 1927. Vol. V. P. 3—155.

³⁹ Согласно русско-прусскому договору 1764 г., в случае, если одна из подписавших его сторон будет вести войну вне Польши, то взамен военной помощи она будет получать ежегодную финансовую субсидию от другой стороны в размере 400000 руб., которая будет перечисляться ежеквартальными траншами по 100000 руб. Считалось, что эта сумма эквивалентна 10000 пехотинцев и 2000 кавалеристам. См. первую секретную статью этого договора: Мартенс Ф. Ф. *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами в 15 тт.* СПб., 1874—1909. Т. VI: *Трактаты с Германией, 1762—1808*. С. 18—19.

⁴⁰ Sorel A. *The Eastern Question in the Eighteenth Century / trails*. F. C. Bramwell. London, 1898. P. 241—246.

Несмотря на полный разгром и внутренние проблемы своего государства, турки упорно отвергали главное условие мира, предложенное русскими: предоставление независимости крымским татарам (являвшимся вассалами Турции), свободное плавание по Черному морю и владение азовскими крепостями. Мирные переговоры, начавшиеся прошлым летом в Фокшанах, закончились неудачей. Их возобновление в начале 1773 г., теперь уже в Бухаресте, также ни к чему не привело. Тогда российское правительство решило надавить на турок, осуществив бросок русской армии через Дунай. Сомневаясь в успехе этого плана, фельдмаршал Румянцев, однако, в июне 1773 г. вышел к болгарской границе, но плохое снабжение и угроза со стороны турок его коммуникациям вынудила этого военачальника отвести к концу месяца свои войска за Дунай⁴¹. Это обстоятельство сильно расстроило Екатерину, ибо означало продолжение войны. «Она, кажется, очень страдает от этого, — сообщал британский посол в Санкт-Петербурге сэр Роберт Гуннинг после беседы с императрицей в связи с получением ею известия об отступлении Румянцева. — Я никогда не видел ее до того огорченной, как при этом последнем случае; не думаю, чтобы она опасалась, что это поощрит турок сделать в свою очередь вторжение, но вследствие своих непрерывных успехов на не в состоянии перенести малейшей неудачи»⁴².

Екатерина написала Румянцеву, что его просьбу о двух- или трехкратном увеличении его армии выполнить невозможно, но она прекрасно знает о его способностях побеждать врага не числом, а умением. И все же Румянцеву было передано несколько полков, переведенных из Польши⁴³. В середине октября русская армия вновь перешла Дунай, захватив Варну и подвергнув обстрелу Силистрию, но турки избегали прямого столкновения и в итоге русским пришлось уйти на зимние квартиры севернее Дуная. Поскольку Порта отказалась пойти на какие-либо дипломатические уступки, конфликт зашел в тупик.

---

⁴¹ О несогласии Румянцева с планом перехода Дуная см. его письма к Никите Панину от 8 января и 12 февраля 1773 г.: Переписка графа Н. И. Панина с графом П. А. Румянцевым, 1771–1774 гг. (первая турецкая война при Екатерине) // Русский архив. 1882. Кн. 3. С. 34–35, 42. После провала этого плана Румянцев с горечью написал Панину: «О коль трудно, Ваше сиятельство, исполнять по чужим планам!» Две недели спустя фельдмаршал продолжал настаивать на своей правоте: если кто-то думает, что можно было добиться большего успеха, во имя «воинов спекулятивных», пусть попробует это сделать сам (Румянцев — Панину, 30 июня и 17 июля 1773 г.: Там же. С. 53–55).

⁴² Гуннинг — Суффолку, 16 июля 1773 г.: РИО. Т. XIX. С. 374.

⁴³ Екатерина II — Румянцеву, 18 июля 1773 г.: РИО. Т. XIII. С. 349–351.

После неудачного июньского вторжения Румянцева в Болгарию императрица и ее советники решили пересмотреть свои планы. Они прекрасно понимали, что страна может просто не выдержать тягот войны: военные расходы уже сравнялись с доходами бюджета. К 1771 г. ситуация ухудшилась настолько, что Екатерина поручила князю Вяземскому ускорить составление отчета о финансовом состоянии страны. Эта задача оказалась настолько сложной, что для ее осуществления потребовалось почти десять лет⁴⁴. Между тем дефицит бюджета постоянно рос: 2 млн. руб. в 1769 г., 5 млн. руб. — в 1770 г., 7,8 млн. руб. — в 1771 г., 9,3 млн. руб. — в 1772 г. Аналогичные показатели ожидалось и в 1773 г.

Дефицит только подушного оклада, несмотря на огромные усилия по его сбору, составлял к 1773 г. 3,9 млн. руб.⁴⁵ Поскольку с помещичьих крепостных его собирали сами помещики (в каком-то смысле это был скрытый налог на «крещенную собственность» дворян), дворянский режим Екатерины счел политически нецелесообразным увеличивать его размер.

По тем же самым причинам было признано несвоевременным повышение цен на соль, на которую государство обладало монополией. Подушный оклад и продажа соли давали около 50% всех государственных доходов, поэтому предполагалось использовать иные источники пополнения бюджета⁴⁶.

Были введены новые денежные поборы с государственных крестьян и горожан, чрезвычайные налоги на все, что только можно, однако свести концы с концами не удавалось. Цены на спиртное (а винокурение было монополией дворянства) возросли на 15%, и их дальнейшее повышение могло привести как к возмущению дворян, так и к народным волнениям. Прусские субсидии в размере примерно 2,3 млн. руб. дали русской казне дополнительные средства, но по-

---

⁴⁴ Троицкий С. М. Из истории составления бюджета в России // Исторические записки. М., 1965. Т. LXXVII. С. 201–202. Согласно докладу князя Вяземского Екатерине в ноябре 1774 г., расходы России на ведение войны с турками составили 47516260 руб. Редактор РИО замечает (С. XXI), что эта сумма была покрыта за счет сбора налогов на 20 млн. руб., выпуска ассигнаций на 12 млн. руб., иностранных кредитов и внутренних сбережений: Всеподданнейший доклад императрице тайного советника генерал-прокурора князя Вяземского // РИО. Т. XXVIII. С. 191–212.

⁴⁵ Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 142, 256–257.

⁴⁶ Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв. // Абсолютизм в России. М., 1964. С. 313. Табл. 5.

скольку внешняя задолженность России приближалась к 7 млн. руб., на новые иностранные кредиты рассчитывать не приходилось⁴⁷.

Чтобы облегчить финансовое положение, русское правительство начало в 1769 г. выпуск бумажных денег, так называемых «ассигнаций», что было с воодушевлением воспринято всеми, ибо позволяло отказаться от использования тяжеловесных монет. Вскоре и правительство признало важность выпуска бумажных денег для финансовой системы страны. Их введение отражало общую тенденцию перехода российского финансового механизма от прямых налогов к косвенным. В 1769 г. было напечатано 2,6 млн. руб., в 1771 г. — еще 4,2 млн., в 1772 г. — 3,4 млн. руб., в 1773 г. — 3,8 млн. руб. К концу 1774 г. в обращении находилось 20 млн. руб., что составляло примерно 2/3 годовых расходов страны⁴⁸. В 1770 г. часть ассигнаций была передана в Дворянский банк для предоставления новых кредитов разорившейся аристократии. В 1771 г. банком было выделено для них около 600000 руб., а в 1773 г. — еще свыше 800000 руб. В 1775 г. он предоставил аристократии кредитов на сумму примерно 4,3 млн. руб.⁴⁹

Хотя выпуск ассигнаций несколько облегчил положение правительства, он вызвал ряд проблем. В условиях неурожая 1770—1771 гг. вброс такого количества наличности в слабо развитую российскую экономику привел к росту инфляции. Цены, особенно в Санкт-Петербурге и Москве, резко поползли вверх⁵⁰. Чтобы в этих условиях сохранить свой уровень жизни, помещикам нужно было либо увеличить денежный налог и трудовые повинности крепостных (но это

---

⁴⁷ Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. С. 125—126, 166—167, 326—329.

⁴⁸ Там же. С. 320—324.

⁴⁹ Боровой С. Я. Кредит и банки России. М., 1958. С. 58. Англичанин Джозеф Маршалл, посетивший тогда Россию, был поражен роскошью и расточительством русского дворянства, которое для подтверждения своей принадлежности к этому классу постоянно демонстрирует свои огромные расходы. «Я не понимаю, почему власти издавна поощряют такое поведение, ведь чем беднее дворяне, тем они более покладисты» (Marshall J. Travels through Holland, Flanders, Germany, Denmark, Sweden, Lapland, Russia, the Ukraine, and Poland in the Years 1768, 1769 and 1770. London, 1772. Vol. III. P. 141—142).

⁵⁰ Несмотря на недостаток сведений на этот счет, некоторые признаки роста цен см.: Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 470—475, 485—490. Приложение IV, табл. 1, 3. См. также Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, 1961. P. 305—306, 450—451. О влиянии изменения цен на помещичьих крепостных и государственных крестьян см.: Kahan A. The Costs of 'Westernization' in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // Slavic Review. 1966. March. Vol. XXV, № 1. P. 51—54. Table 6 и прим. 22.

грозило их побегами), либо искать дополнительные доходы путем расширения или диверсификации производства, либо заложить своих крестьян и имущество. Наконец, они могли сократить налоговые платежи в бюджет страны, но это привело бы к росту подушной задолженности. Поэтому правительство, опиравшееся в первую очередь на помещичье дворянство, не могло увеличить налоговое бремя на дворян⁵¹.

Власти прекрасно понимали, к чему может привести рост цен, особенно если он приведет к дефициту продовольствия в городах. Озабоченность властей ценой хлеба заставила Сенат и генерал-прокурора провести в 1766 г. специальный анкетный опрос для выяснения причин этого. С начала 1760-х гг. учет цен на хлеб стал вестись в административных центрах периферии, а полицмейстеры Москвы и Санкт-Петербурга еженедельно докладывали об этом правительству⁵². Императрица держала это под личным контролем, продемонстрировав в 1770 г. глубокую озабоченность сообщениями о дефиците хлеба в столице. Через год она выразила опасение, что возвращение армии из Польши может привести к удорожанию продовольствия и предложила заранее закупить хлеб для казенных зернохранилищ⁵³. Как и все европейские монархи XVIII в., Екатерина понимала прямую связь между ростом цен на хлеб и народными волнениями.

Наряду с озабоченностью финансовыми проблемами русское правительство опасалось и социальных последствий массовых людских потерь на фронте. Как отмечал в 1773 г. лондонский «Анниул Реджиста», «кровопролитная война охотно пожирает огромные армии, бессмысленно уносит жизни, а мужество становится бесполезным»⁵⁴. Еще больший страх, чем дезорганизованная турецкая армия, у русских вызывали природные условия театра военных действий на далеких Балканах и в Причерноморье — испепеляющий зной и косящая людей лихорадка. Русские войска несли огромные потери в результате болезней. Более того, вспыхнувшая в 1770 г. на Дунае эпидемия тифа охватила армию и проникла на территорию империи, достигнув окрестностей Киева и Москвы, причем только в Подмосковье она унесла жизни свыше 100000 человек⁵⁵.

---

⁵¹ Kahan A. Op. cit. P. 50–52 and *passim*.

⁵² Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 411–417.

⁵³ Екатерина II — С. Козьмину, не позднее 1770 г.: РИО. Т. XLII. С. 34; АГС. Т. I, ч. 2. Стб. 709–712.

⁵⁴ The Annual Register, or, a View of the History, Politics, and Literature, for the Year 1773. London, 1774. Vol. XVI. P. 12.

⁵⁵ О чуме 1770–1771 гг. в России и вызванном ею восстании в Москве существует обширная литература. Новейшая работа на эту тему: Алефирен-

Поскольку русская армия комплектовалась из крепостных крестьян, владельцы которых не хотели отдавать в нее своих работников или вооружать их, у нее практически не было постоянного резерва. Поэтому государству каждую осень приходилось пополнять армию новобранцами. Обычно помещики и приказчики казенных земель должны были предоставлять одного человека от 150 душ мужского пола. Однако злоупотребления при этом были столь велики, а забота о здоровье военнообязанных настолько плохой, что значительная их часть попросту не прибывала к месту службы. Об этом писал хорошо осведомленный интеллигент и в прошлом государственный чиновник, а ныне помещик князь М. М. Щербатов⁵⁶. Фельдмаршал Румянцев в апреле 1774 г. был вынужден признать, что присланные ему подкрепления находятся в ужасном состоянии, «и большая часть их умирала, не испытав еще прямой тягости солдатской»⁵⁷

К тому же рекрутский набор затрагивал небольшую часть населения: множество людей из приграничных районов, нерусские народности и отдельные социальные группы — купцы, горожане и духовенство были полностью или частично освобождены от армейской службы. Крупные помещики, договариваясь с местными чиновниками, часто умудрялись избежать сдачи своих крепостных в полки или предоставляли их в меньшем, чем требовалось, количестве. Согласно князю Щербатову, из каждых ста душ мужского пола половина была негодной для службы, а из остальных пятидесяти значительная часть была в преклонном возрасте, поражена болезнями или недееспособна, так что служить могли лишь около двадцати человек. И помещики, и крестьяне, используя власть общины, старались отдать в рекруты ленивых, больных, недееспособных или непокорных крепостных. Часто они просто покупали людей и сдавали их в армию, чтобы выполнить разрядку по рекрутскому набору. В силу вышеуказанных причин численность набранных рекрутов не покрывала потребностей в них⁵⁸, но правитель-

---

ко П. К. Чумной бунт в Москве в 1771 году // Вопросы истории. 1947. № 4. С. 82—88.

⁵⁶ Щербатов М. М. Мнение о поселенных войсках // Щербатов М. М. Незданные сочинения /под ред. П. Любомирова. М., 1935. С. 81.

⁵⁷ Цит. по: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 300.

⁵⁸ Там же. С. 293—302. Blum J. Op. cit. P. 465—468. Щербатов М. М. Мнение о поселенных войсках С. 65. Из публикаций того времени об уклонении помещиков от предоставления рекрутов, см. заметки анонимного немецкого учителя, который прожил несколько лет в России в качестве гувернера детей провинциальных дворян и получил эту информацию от местного русского лекаря: *Bemerkungen über Esthland, Liefland, Russland nebst einigen Beiträgen zur Empörungsgeschichte Pugatschews während eines achtjährigen Aufenhalts gesammelt von einem Augenzeugen.* Prague; Leipzig, 1792. S. 294—297.

ство, видимо, не стремилось менять эту систему, поскольку это была плата за поддержку его помещичьим дворянством.

Со своей стороны, русский крестьянин смотрел на службу в армии как на своего рода погибель или в лучшем случае как на стихийное бедствие. Князь Щербатов писал, что во всей Европе крестьянин легко приспосабливается к армейской жизни, ему бритые бороды, ношение панталонов и короткой куртки не в тягость. Но в России это угнетает рекрута. Русскому крестьянину чужды упражнения с оружием, ученья, стрельбы и марши. Если власти думают, что набрав 100000 рекрутов, они получили солдат, то ошибаются. Эти 100000 человек заразят остальную часть армии недисциплинированностью, трусостью и приведут ее к концу⁵⁹.

Результатом всего этого были частые побеги рекрутов. Не случайно новобранцы шли в места своей дислокации под конвоем. В пути их нередко размещали в тюрьмах, иногда заковывали в кандалы, а чтобы отличить от других людей и предотвратить бегство, брили наголо и остригали бороды. И все же дезертирство было частым явлением⁶⁰.

К середине 1773 г. людские ресурсы страны для ведения войны были на пределе, а мир все не наступал. Стратегические планы России оказались под угрозой. 15 июля, после неудачного вторжения Румянцева за Дунай, граф Чернышев предложил Императорскому совету искать новые пути для заключения мира. По его мнению, Россия теперь могла подписать мир на весьма выгодных для себя условиях, и турки легко согласятся их принять. Подробнее об этом Чернышев обещал доложить позже⁶¹.

Однако 19 августа императрица вновь подняла в совете этот вопрос. По ее данным, с 1767 г. в результате шести рекрутских наборов армия пополнилась примерно 300000 солдат. Но одержанные высокой ценой победы русского оружия так и не заставили врага покориться. В связи с этим возникало два вопроса: «Первый: так ли мы употребляли сих людей, чтоб желаемый всеми мир мог прибли-

---

Расчеты профессора А. Кахана показывают дифференцированное влияние рекрутских наборов на различные слои дворянства. В 1770 г. v примерно 80% из около 55000 российских дворян имелось менее 100 крепостных, поэтому рекрутов у них не брали. Около 80–90% всех помещичьих крепостных принадлежали крупным помещикам, составлявшим лишь около 15% всего дворянства. Поэтому рекрутов поставляли в основном 8000–9000 крупных помещиков, которые были главной опорой режима Екатерины II. См.: Kahan A. Op. cit. P. 42, 45, 61–62. Tables 1–3, 8–9.

⁵⁹ Щербатов М. Мнение о поселенных войсках. С. 72.

⁶⁰ Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 94. В качестве примера того, как с рекрутами обращались позднее, в 1790 г., см.: Охрана рекрута 1790 г. // Русская старина. 1890. Ноябрь. С. 352.

⁶¹ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 253.

зиться? Второй: после сего набора чего вы намерены предпринимать к славе империи, которую ни в чем ином не ставлю, как в пользе ее?» На первый вопрос Екатерина ответила, что поскольку эта война заканчивается безрезультатно или уже закончилась, то следует подумать о новой. Отвечая на второй вопрос, она требовала, чтобы Дунайская армия продолжала активно действовать, ибо нынешнюю ее тактику бездействия «я за полезное для приближения желаемого нами мира не почитаю». По мнению Екатерины, это «нам скорее вторую сзади войну нанесет, нежели настоящую прекратит»⁶² (здесь она, вероятно, имела в виду возможную войну со Швецией или возобновления конфликта в Польше). Изложив свои соображения, императрица поручила своим министрам договориться о заключении благоприятного мира. «Еще раз весьма вас прошу, — призывала она, — чтоб все сие не осталось при сих на бумагу написанных словах»⁶³.

23 августа 1773 г. сенатским указом было объявлено о новом рекрутском сборе с 1 октября: по одному человеку от 100 душ мужского пола. То, что теперь они набирались не со 150 крепостных, как было раньше, говорило о серьезном дефиците солдат; еще год назад Екатерина пойти на это не решалась. Теперь же она полагала, что привлечение дополнительных ресурсов поможет достичь победы в войне. Одновременно императрица приняла предложение графа Панина пополнить Дунайскую армию за счет уже имевшихся гарнизонов, а в них направить новобранцев. Дабы избежать дополнительных проблем, совет решил не проводить набор рекрутов на недавно присоединенных польских землях⁶⁴. Правительство понимало, насколько рискованны все эти меры.

Кроме того, готовясь к новой кампании, правители России пересматривали свои политические планы. 27 августа граф Чернышев, наконец, изложил совету свой план, учитывавший недавние рекомендации Екатерины. Первая армия Румянцева должна была вновь вторгнуться в Болгарию, а Вторая армия оставаться в Крыму и готовиться к штурму турецкой крепости Кинбурн, которая вместе с Очаковым защищала устье Буга и Днепра. Если же Румянцеву не удастся форсировать Дунай, он должен был помочь Второй армии взять Кинбурн и Очаков. Наряду с этим следовало возобновить переговоры с Портой и пойти на ряд уступок, особенно в части отказа от крымских городов Керчь и Еникал, «приобретение коих более вредно, нежели полезно»⁶⁵.

---

⁶² РИО. Т. XIII. С. 354.

⁶³ АГС. Т. I, ч. 2. Стб. 24.

⁶⁴ Там же. С. 23–24; ПСЗРИ. Т. XIX. № 14026.

⁶⁵ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 256.

2 сентября совет обсудил этот план. Большинство его членов согласились, что только марш через Дунай или на Кинбурн может принести России мир на выгодных условиях. Затем был изучен вопрос, станут ли турки более сговорчивым, если все крымские города останутся у татар, а русское мореплавание на Черном море будет ограничено. Против любых уступок туркам категорически выступал князь Григорий Орлов. Он считал, что они никогда не откажутся от Крыма. Поскольку Орлов, вероятно, озвучивал мысли отсутствовавшей на заседании императрицы, совет не стал принимать никакого решения на этот счет⁶⁶.

Через десять дней, 12 сентября, совет заслушал предложения союзника России Фридриха II Прусского о трех вариантах заключения мира. Согласно первому, Россия должна была довести численность армии Румянцева до 80000 человек, запастись припасы, достаточные для ее снабжения за Дунаем в течение года, и построить флот для захвата Варны с моря. После этого фельдмаршал вторгается в Болгарию, а султан просит мира. Второй вариант предусматривал нападение Австрии на Белград. В третьем случае Екатерина шла на уступки туркам в обмен на отторжение от Турции Очакова или сохранение за Россией Бендер — турецкого оплота на нижнем Днестре, находившегося в руках русских. Оценивая эти возможности, прусский король отмечал, что первый вариант «был наилучшим, но самым опасным», крайне разорительным и требующим больших людских ресурсов. Второй вариант являлся «самым слабым и наименее политически благоразумным», а третий — мудрым компромиссом между первыми двумя. «Это было бы наиболее приемлемым и мудрым решением, — полагал король, — и было бы одобрено остальными европейскими державами». «Считайте это стремлением к доброму союзу с Россией», — завершал он свое письмо к Екатерине⁶⁷.

Совет рассмотрел предложения Фридриха уже без участия Екатерины. Надо сказать, что они во многом совпадали с мнением окружения императрицы, но оно не приняло по ним никакого решения⁶⁸. Если Екатерина просто озвучила предложения короля, то совет, похоже, воспринял их как руководство к действию. Денис Фонвизин, молодой драматург и секретарь Никиты Панина, несомненно, излагал мысли своего начальника, когда признавался, что «для истинного блага отечества нашего мир необходимо нужен». «Войну ведем, — писал он, — не приносящую нам ни малейшей пользы, кроме пус-

---

⁶⁶ Там же. Стб. 257–258.

⁶⁷ Фридрих II — Сольмсу, 5 сентября 1773 г.: *Politische Correspondenz Friedrich's Des Grossen*. Bd. XXXIV. S. 127–129. Эти предложения были ошибочно приписаны Екатерине: РИО. Т. СХХХV. С. 4–5.

⁶⁸ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 259.

той славы, в которой также не всегда удаваться может. А что всего хуже, то мы и конца войне не видим. Турки ничего не дают, и нам помириться не любо»⁶⁹.

Итак, осенью 1773 г. тяжелая внешнеполитическая ситуация привела Российскую империю к глубокому кризису. Длительная война и вызванные ею тяготы вызывали недовольство населения и ограничивали возможности властей по нейтрализации возможных протестов. Эпидемия чумы, разразившаяся в 1771 г. в Москве, и связанные с этим волнения показали, что внешнеполитическая обстановка может приводить к возникновению опасных социальных потрясений. Два года спустя мир еще не был заключен, а внутренняя ситуация продолжала накаляться. Задолго до того, как весть о восстании Пугачева достигла Санкт-Петербурга, императрица и ее окружение уже были готовы пойти на уступки туркам.

Власть в царской России не могла существовать в условиях постоянного нарастания напряженности снизу. В нынешнем виде она сложилась в 1727–1728 гг., когда громоздкие органы управления на местах, созданные при Петре I, были упрощены. Хотя в последние пятьдесят лет эта структура претерпела определенные изменения, в ней во многом продолжали сохраняться старинные традиции. Представления об управлении страной оставались примитивными. Местные власти все еще рассматривались в качестве насоса по выкачиванию налогов и рекрутов, а также инструмента подавления темного крестьянства.

Русское правительство опиралось на чрезвычайно узкую социальную базу. К 1760-м гг. это были в основном помещики, насчитывавшие приблизительно 55000 человек, примерно 16000 чиновников, задавленная официальная церковь и более чем 400-тысячная армия⁷⁰. Однако в действительности власть принадлежала самодержцу и узкому слою из нескольких дворянских фамилий. Несмотря на растущую бюрократизацию, российское самодержавие по причине отсутствия постоянных представительных учреждений было полностью подчинено прихоти небольшого круга лиц.

---

⁶⁹ Фонвизин — А. М. Обрескову, 28 сентября 1773 г. // Сочинения, письма и избранные переводы Д. И. Фон-Визина / под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1866. С. 275.

⁷⁰ Kahan A. Op. cit. P. 42. Table 1; Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России. С. 239; Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963. С. 153. Краткий обзор внутренней политики Екатерины см.: Кафенгауз Б. Б. Внутренняя политика царизма и «просвещенный абсолютизм» в 1762–1772 гг. [роттапринт]. М., 1962. Passim.

При Екатерине II Императорский совет стал главным исполнительным и законодательным органом, а полномочия Сената были сведены к отправлению правосудия и контролю за властями на местах. Хотя Сенат сохранил статус элитного дворянского клуба, его власть уменьшилась после того, как императрица разделила этот орган на шесть департаментов (четыре располагались в Санкт-Петербурге, а два — в Москве) и увеличила его численность с тридцати членов до почти полусотни⁷¹. Напротив, роль Императорского совета в принятии общегосударственных решений резко возросла⁷², хотя он оставался чисто консультативным, полностью подвластным императрице органом. Настоящим двигателем всего правительственного механизма была Екатерина, она руководила огромной империей, простиравшейся от Балтики до Тихого океана, от Северного Ледовитого океана до Каспийского моря, и состоявшей из почти двадцати пяти миллионов человек различных национальностей⁷³.

Императрица осуществляла власть через 4–5 государственных секретарей и нескольких писарей, являвшихся как бы ее неофициальной канцелярией. Они пользовались полным доверием государыни и помогали ей решать самый широкий круг вопросов. Вместе с генерал-прокурором они составляли собственно самодержавие, дав Екатерине возможность играть ведущую роль в управлении⁷⁴.

Ниже уровня императрицы, ее канцелярии, Императорского совета и Сената управление также было жестко централизованным. В обеих столицах общегосударственными делами занимались шестнадцать коллегий, наиболее важными из которых являлись Военная, Иностранных дел и Адмиралтейство. Кроме них имелись Юстиц-

---

⁷¹ История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. II. С. 427–429. О разделении Сената на департаменты см.: Raeff M. *Projects for Political Reform in Imperial Russia, 1730–1905*. Englewood Cliffs (N. J.), 1966. Ch. II; Грибовский В. М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй. СПб., 1901. *Passim*. Новейшая дискуссия на эту тему: Петрова В. А. Политическая борьба вокруг сенатской реформы 1763 года // Вестник Ленинградского государственного университета. 1967. Вып. 2. № 8. История, язык, литература. С. 57–66.

⁷² Тем не менее, считается, что Императорский совет не вытеснил Сенат с вершины власти, являясь лишь консультативным органом, во всем подчиненным императрице. Например, он не мог принимать никаких решений без ее подписи и не издавал (как это делал Сенат) собственных указов даже с одобрения государыни (История Правительствующего Сената за двести лет. Т. II. С. 359–366).

⁷³ Приблизительную численность населения России в 1773 г. см.: Кабузан В. М. Указ. соч. С. 164–165. Табл. 18.

⁷⁴ Amburger E. *Op. cit.* S. 85–86. Готье Ю. В. Происхождение собственной е. и. в. канцелярии // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 346–355.

коллегия, Вотчинная коллегия, коллегия Казенных сборов, Камер-коллегия, Штатс-контора, Главный магистрат, Комерц-коллегия, Берг- и Мануфактур-коллегии. Существовали также Малороссийская коллегия, Канцелярия опекунства иностранных колонистов, Медицинская канцелярия и ведомство по управлению государственными крестьянами. Централизованный контроль над Русской православной церковью осуществлял Священный Синод, возглавлявшийся светским обер-прокурором. Формально подчиняясь Сенату, на практике коллегии пользовались значительной независимостью и постепенно превращались в подобие централизованных министерств под управлением одного лица, напрямую зависимого от государя⁷⁵.

Ниже уровня коллегий к 1773 г. существовали власти 21 крупных территориальных подразделений — губерний⁷⁶. Они возглавлялись назначаемыми центром губернаторами, которые подчинялись только монарху и Сенату. Губернаторы олицетворяли собой исполнительную и судебную власть, осуществляя ее через канцелярию, располагавшуюся в столице губернии. Как правило, это были видные дворяне, обычно имевшие генеральские звания, а срок их службы зависел только от воли государя. Следовательно, они были больше связаны с центром, чем с местным обществом. Особый статус имели Украина, две новые губернии, образованные на бывшей польской территории, а также Санкт-Петербург и Москва. Ими управляли генерал-губернаторы, подчиненные лично императрице⁷⁷.

Конечно, губернии сильно отличались друг от друга по площади и численности населения; среди них имелись небольшие и густонаселенные регионы запада Европейской России, и огромные, почти безлюдные пространства Нижнего Поволжья и Сибири. Практически все губернии делились на две или более провинций, которые в свою очередь, состояли из нескольких уездов. Воеводы (изначально — военные губернаторы) управляли провинциями и уездами с помощью канцелярий, размещавшихся в административных центрах. Городским населением губерний, провинций и уездов руководили магистраты, а местная администрация дворцовых владений подчинялась главной канцелярии в столице⁷⁸. Крестьяне и горожане общались с местными

---

⁷⁵ Очерки истории СССР: период феодализма: Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 287. Лютш А. Русский абсолютизм XVIII века // Итоги XVIII века в России. М., 1910. С. 191.

⁷⁶ Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. I. С. 122–125; М., 1941. Т. II. С. 298.

⁷⁷ Там же. Т. I. Гл. V.

⁷⁸ Очерки истории СССР: период феодализма: Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С. 290–295.

органами имперской власти через старост, бурмистров, выборных, сотских и т. д., избравшихся населением⁷⁹.

Непосредственно подчиненные губернатору, воеводы должны были назначаться Сенатом на двухгодичный срок, но фактически эта норма не соблюдалась. Поэтому их служба могла продолжаться от шести месяцев до десяти лет или больше, в зависимости от их авторитета, здоровья и просто везения. В своей местности они обладали всей полнотой исполнительной и судебной власти. В отличие от принадлежавших к высшей аристократии губернаторов, воеводы провинций и уездов обычно были выходцами из средних слоев дворянства. Поскольку они часто служили там, где и жили, их связь с местным дворянством была довольно крепкой⁸⁰.

Жесткость властной структуры на местах была вызвана примитивностью возложенных на нее функций и милитаризованным характером всей российской власти. Сказывались и особенности тогдашнего административного аппарата: типичный провинциальный чиновник не имел опыта гражданского управления, ибо сначала долгие годы служил в армии и привык отдавать и исполнять приказы, а не обсуждать их⁸¹. Контроль над региональными властями осуществляли губернские и провинциальные прокуроры, которые подчинялись генерал-прокурору в Санкт-Петербурге. Обязанные следить за соблюдением законности на местах, они, как и представители местной власти, были выходцами из среднего дворянства и нередко вместе с местным чиновничеством противостояли верхам⁸².

Жестко централизованный, этот Левиафан был весьма примитивным организмом, что хорошо видно по его бюджету и штатам. В 1767 г. из 23 млн. руб. государственных расходов лишь около 540 тыс. руб. (2,3%) предназначалось для содержания местных властей. За исключением высших лиц губерний, жалованье остальных чиновников было крайне низким, а аппарат местного управления был малочисленным⁸³. Так, в Казанской губернии в 1773 г. почти

---

⁷⁹ Confino M. *Domains et seigneurs en Russie vers la fin du XVIIIe siècle*. Paris, 1963. Ch. II, pt. 2.

⁸⁰ Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. С. 149 и сл.

⁸¹ Там же. Гл. VI; Raeff M. *Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility*. New York, 1966. P. 48–51.

⁸² Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. II. Гл. I.

⁸³ Там же. Т. I. Гл. V–VII; Т. II. С. 300. Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв. С. 310. Табл. 4. Хотя данные Ю. В. Готье по расходам на губернскую власть относятся к 1768 г., а С. М. Троицкий приводит только общий объем расходов за

80 чиновников управляли территорией, состоявшей из шести провинций с примерно 2,5 млн. жителей. Для поддержания общественного порядка и осуществления рекрутских наборов у губернаторов и воевод имелись небольшие войсковые команды, но они обычно состояли из отставников, инвалидов или новобранцев⁸⁴. Когда эти отряды отправлялись в деревни ловить разбойников или конвоировать новобранцев, город оставался полностью незащищенным.

Не удивительно, что описанная выше система местного управления порождала бесчисленные злоупотребления, была крайне неповоротливой и неэффективной, погрязшей во взяточничестве и вымогательствах. Формально власть в России до 1775 г. была выстроена в жесткую вертикаль, но на самом деле она отличалась разгильдяйством, громоздкостью, отсутствием гибкости и примитивизмом. Она не работала даже в обычных условиях и тем более в периоды кризисов.

Хотя высшей властью в стране обладала императрица, ее полномочия были не столь абсолютными. Отсутствие в России закона, регулирующего престолонаследие, а также браки Романовых с иностранными династиями увеличили число потенциальных претендентов на императорский престол. Поскольку существовавшая самодержавная система препятствовала законным проявлениям протеста или проведению реформ, политический курс можно было изменить, только поменяв монарха. После смерти Петра Великого в 1725 г. и до восшествия на престол Екатерины в 1762 г. страну сотрясали дворцовые перевороты, в ходе которых дворянские гвардейские полки приводили на трон того или иного монарха. Будучи иноземкой, получившей власть столь нелегитимным путем, Екатерина понимала, что ее ошибки в управлении страной могут привести к тому, что ей придется разделить судьбу своего несчастного супруга. Особенно она опасалась того, что для ее смещения заговорщики могут воспользоваться недовольством народа. Чтобы избежать этого, она старалась удовлетворять основные потребности дворянства, в частности, его верхушки. Ее власть напоминала диархию, при которой монарх и несколько видных дворян выступали от имени всего дворянства.

1767 г., кажется, нет особых оснований считать, что эта доля существенно различалась по годам.

⁸⁴ Желудков В. Ф. Крестьянская война и укрепление органов государственного управления дворянской России (неопубликованная машинопись, Ленинград). С. 3–4. Этот очерк, рукопись которого нам любезно предоставил профессор В. В. Мавродин, планируется опубликовать в т. III советской коллективной монографии по истории восстания Е. И. Пугачева, выходящей под его редакцией. <В т. III «Крестьянской войны в России в 1773–1775 годах: восстание Пугачева» (Л., 1970) эта работа не вошла>.

Поскольку она заняла престол, свергнув законного супруга, Екатерина в первую очередь должна была легитимизировать свой статус и избавиться от контроля со стороны придворных группировок, ибо в противном случае она могла стать жертвой новых заговорщиков. Сразу после восшествия на престол она объявила, что взяла власть по воле Бога и с одобрения народа. Все годы своего царствования она постоянно напоминала об этом, стараясь убедить всех, что так оно и было. Однако существовал человек, который в отличие от нее имел законное право на российский престол. Это был князь Иван Антонович Брауншвейг-Люнебургский, которому ранее уже удалось немного побывать императором при регентстве его матери, пока он не был свергнут в 1741 г. Елизаветой Петровной. Помещенный в Шлиссельбургскую крепость, Иван Антонович стал игрушкой в руках заговорщиков, мечтавших посадить его на российский престол. Так, в сентябре 1762 г. гвардейские офицеры Гурьев и Хрущев были арестованы и сосланы на десять лет за то, что прямо говорили о необходимости воцарения «Иванушки». Та же судьба постигла солдата Кругликова, обвиненного в 1763 г. в том, что он заявлял о готовности пятисот человек помочь отцу Ивана, Антону Ульриху⁸⁵. Но в 1764 г. молодой князь Иван Антонович при загадочных обстоятельствах был убит охранниками, когда капитан Мирович попытался освободить пленника и провозгласить его царем. После долгого расследования Мировича приговорили к смертной казни⁸⁶. Других претендентов на корону Екатерины больше не было.

Помимо реальных и мнимых заговоров в стране распространялись произведения подпольной литературы, вызывавшие у Екатерины страх. Иногда это были просто клеветнические пасквилы или литературные памфлеты, но попадались и разоблачительные сочинения на темы, о которых нельзя было говорить открыто. Например, в 1771 г. настоятель Великовского монастыря Флавиан напечатал анонимное послание, адресованное «любимым согражданам». В нем, в частности, говорилось:

Вы знаете, под каким несносным игом более десяти лет мучитесь, обременены разными поборами и истощены все безвременною войною. Веле-

---

⁸⁵ Джинчарадзе В. З. Из истории Тайной экспедиции при Сенате (1762—1801) // Ученые записки Новгородского гос. пед. института. Историко-филологический факультет. 1957. Т. II. №2. С. 96.

⁸⁶ Подробнее см.: Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Т. II. Гл. XVI—XVIII и приложение VII (автор снимает с Екатерины вину за этот эпизод). Однако в этом столетии Г. Гуковский вновь реанимировал давние подозрения, что Екатерина причастна к убийству Ивана Антоновича: Гуковский Г. Очерки по истории русской литературы XVIII века (дворянская фронда в литературе 1750-х—1760-х годов). М.; Л., 1936. С. 150.

ление церковей упало, законы божественные и естественные упали и расторгнуты. Владычествуют вами предатели отечества, преисполненные гордостью и гнусные царя и принца убийцы Орловы.

Они, восклицал анонимный автор, разрушали государство, изгоняли его служителей, начали войну с турками и планировали другие напасти, они занесли чуму в Москву и распространили ее по всей России.

Судя по упоминанию церкви, это письмо могло возникнуть в среде духовенства, которое было недовольно проведенной Екатериной секуляризацией церковных владений за семь лет до этого. Тем не менее, подозрение пало на отставного армейского полковника, который несколько раз жаловался на новгородского губернатора Якова фон Сиверса, но доказать вину жалобщика не удалось. Несмотря на безобидное содержание письма, угроза государственного переворота с помощью гвардии не могла пройти незамеченной Екатериной. «Уже полки гвардии и другие воины невинных спасти готовы», — писал анонимный автор⁸⁷.

Хотя все это нарушало покой императрицы, еще больше она опасалась притязаний на власть со стороны своего сына и наследника великого князя Павла, который имел на это полное право, ведь у его матери в жилах не было ни капли русской крови. Кроме того, прохладные отношения матери и сына еще больше осложняли ситуацию. Граф Бакингершир в 1763 г. писал, что скверное отношение к Павлу было одной из «главных ошибок» Екатерины, и предсказывал, что «по мере взросления сына у его матери, вероятно, будут основания ревновать его, и могут быть попытки возвести его на престол»⁸⁸.

Угроза этого была вполне реальной. В 1769 г. был раскрыт заговор офицеров гвардейского Преображенского полка в пользу Павла; его участники были лишены дворянства и сосланы на каторгу в отдаленные места страны. Но через три года в этом же полку был разоблачен новый заговор. На этот раз его участники якобы планировали убить Екатерину и поставить на ее место Павла. В этих условиях императрица хотела вообще разогнать гвардию, но не решилась этого сделать⁸⁹.

Екатерининский министр иностранных дел и опекун Павла граф Никита Панин и небольшая группа его сторонников среди высшей аристократии стремились ограничить самодержавие неким советом.

---

⁸⁷ Сивков К. В. Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. 1946. Т. XIX. С. 87–90.

⁸⁸ The Despatches and Correspondence of John, Second Earl of Buckinghamshire, Ambassador to the Court of Catherine II of Russia, 1762–1765. 2 Vols. London, 1902. Vol. I. P. 101; Vol. II. P. 56–57.

⁸⁹ Джинчарадзе В. Э. Указ. соч. С. 97–99.

После вступления Екатерины на престол Панин предложил преобразовать Верховный совет в консультативный орган при монархе, но императрица отвергла эту идею. Тем не менее, она была вынуждена проводить политику балансирования между группировкой Панина, часть идей которой она приняла, и группировкой Орловых и Чернышевых, которая выступала за неограниченное самодержавие. Сторонники Панина, к которому Павел проявлял почти сыновнюю привязанность, видели в великом князе будущего просвещенного монарха, который дарует государству конституцию. Когда в сентябре 1772 г. Павел достиг совершеннолетия, они надеялись, что теперь он получит определенную власть, или, по крайней мере, некоторую независимость⁹⁰. Но его мать не хотела делиться престолом. Восемнадцатилетие Павла прошло 20 сентября обычно. «День этот не был ознаменован никакими повышениями, — отмечал посол Гуннинг, — в тех видах, чтобы никто не был обязан ему даже в самой слабой степени за свое повышение по службе. Зависть к нему все еще существует и всегда будет существовать и в таком непостоянном правительстве, как нынешнее, было бы трудно оградить себя предосторожностями на случай перемены...»⁹¹.

Дабы не допустить Павла к управлению страной, Екатерина на год отложила празднование его совершеннолетия, чтобы подобрать ему достойную невесту. Одновременно она осуществила ряд щекотливых политических маневров. Заведя себе нового фаворита после отъезда из столицы Григория Орлова, своим хамским поведением сорвавшего работу конгресса в Фокшанах, императрица вскоре вернула своего бывшего любовника и его братьев ко двору. Екатерина сожалела по поводу удаления Орлова и приняла решение простить его, как предположил Гуннинг, «вследствие, быть может, не одних сердечных, но и политических причин, ибо он и его родственники действительно суть единственные лица в империи, на которых она может положиться». К началу января 1773 г. Гуннинг пришел к выводу, что вопрос о женитьбе Павла, которая, как он полагал, состоится после заключения мира с турками, практически решен. Ожидалось, что свадьба состоится в столице этим летом, а невестой великого князя станет принцесса Вильгельмина Гессен-Дармштадтская. Вероятно,

---

⁹⁰ Гуковский Г. Указ. соч. С. 147–155. Но к концу лета 1772 г. сторонники Павла стали понимать, что вопрос о его браке откладывается. Поэтому 15 августа чиновник Коллегии иностранных дел И. И. Крук написал юному другу Павла князю А. Б. Куракину: «ходят слухи, что еще одного, особого [т. е. отдельного] двора не будет, а о свадьбе ничего неизвестно» (Архив князя Ф. А. Куракина / под. ред. В. Н. Смолянинова. Саратов, 1896. Т. VI. С. 397).

⁹¹ Гуннинг — Суфвольку, 27 сентября 1772 г.: РИО. Т. XIX. С. 330.

наследнику престола ее сосватал уроженец Гольштинии Каспар фон Сальдерн, в последнее время служивший русским послом в Варшаве⁹².

Приготовления к свадьбе Павла были лишь частью ожесточенной борьбы придворных группировок за власть. Слухов и интриг по этому поводу было хоть отбавляй. 5 февраля 1773 г. Гуннинг сообщал, что «гвардия в Петербурге сильно ропщет. Двое или трое унтер-офицеров арестованы за слишком длинный язык, Алексею Орлову приказано сидеть дома, так как он пользуется большим влиянием в гвардии. Князя [Григория] Орлова могут возвратить в ближайшее время»⁹³. В начале марта Григорий Орлов торжественно вернулся ко двору; ходили слухи, что он заменит фельдмаршала Румянцева во главе русских армий⁹⁴. Этого, однако, не произошло, но наблюдателями было отмечено охлаждение отношений между Павлом и его матерью⁹⁵. В мае австрийский посол обратил внимание на несвойственную для русского двора секретность в подготовке предстоящей свадьбы цесаревича⁹⁶. Летом 1773 г. напряженность в окружении императрицы продолжала нарастать и ее ослаблению не способствовал даже приезд в июне невесты Павла. Казалось, что Екатерина заигрывает с группировкой Орлова — Чернышева, тем самым дав повод слухам о скорой отставке Панина. 30 июля Гуннинг заметил, что все друзья Павла стали врагами Екатерины, и наоборот. «Здесь не может быть разделения власти, — прогнозировал британский посол. — Когда великий князь достигнет власти, он должен получить ее всецело. Если императрица будет действовать осторожно, но в то же время энергично, то время это весьма удалено, в противном случае она находится в критическом положении»⁹⁷.

Но в итоге ничего особенного не произошло. 22 сентября 1773 г. все пять братьев Орловых вернулись в Петербург, Екатерина отметила очередную годовщину своей коронации, а Никите Панину были

---

⁹² Гуннинг — Суффолку, 5 января 1773 г.: Там же. С. 339—340.

⁹³ Гуннинг — Суффолку, 5 февраля 1773 г.: British Museum. Additional Manuscripts. No. 35502.

⁹⁴ Гуннинг — Суффолку, 15 февраля 1773 г.: РИО. Т. XIX. С. 345.

⁹⁵ Гуннинг — Суффолку, 5 марта 1773 г.: Там же. С. 346. Lobkowitz to Kaunitz, 26 февраля 1773 г.: РИО. Т. СХХV. С. 197. Возможно, именно в это время Екатерина не разрешила Павлу присутствовать на заседаниях Императорского совета, ссылаясь на его неопытность, и на то, что среди советников имеются разногласия, а сам этот орган создан недавно для обсуждения сугубо военных проблем. Издатели бумаг Екатерины относят эту записку ко времени «после 1773 г.», но, видимо, она могла быть создана и раньше (РИО. Т. XLII. С. 356).

⁹⁶ Лобковитц — Кауницу, 4 мая 1773 г.: РИО. Т. СХХV. С. 220.

⁹⁷ Гуннинг — Суффолку, 30 июля 1773 г.: РИО. Т. XIX. С. 376.

пожалованы многочисленные почести и подарки. Завершив воспитание Павла, он был удален из дворца с предложением остаться в столице. Чтобы компенсировать Панину эту перемену, Екатерина присвоила ему звание фельдмаршала, подарила 9000 душ крепостных, 100000 руб. на заведение дома, 30000 руб. ежегодной пенсии, 14000 руб. ежегодного жалования, серебряный сервиз за 50000 руб., придворную ливрею и винный погреб на целый год⁹⁸. Екатерина официально поблагодарила Панина за воспитание сына и поручила заняться заключением мирного договора. Одновременно соперник Панина граф Захар Чернышев был тоже возведен в фельдмаршалы, назначен президентом Военной коллегии и пожалован несколькими тысячами крепостных⁹⁹. Свадьба Павла торжественно состоялась 29 сентября. Вопрос о его участии в управлении страной больше не ставился.

Однако через несколько месяцев стали известны новые подробности этих событий. Главным действующим лицом получившей огласку истории был все тот же Каспар фон Сальдерн, чье имя часто мелькало в придворных интригах последних месяцев и которого один французский дипломат характеризовал как сочетание грубости голштинского крестьянина с педантичностью немецкого профессора¹⁰⁰. 30 июля 1773 г. прусский посол граф Сольмс сообщил Фридриху II, что имел беседу с Сальдерном накануне отбытия последнего с дипломатической миссией в Данию. Считая графа Сольмса своим другом, Сальдерн рассказал ему, что после возвращения осенью 1772 г. в русскую столицу из Польши он решил организовать переворот в пользу Павла и сумел заручиться письменным согласием на это великого князя. После этого он посвятил в свои планы своего близкого друга графа Панина. Но того возмутило это предложение. Опасаясь гнева Панина, Сальдерн перешел на сторону Орловых и Чернышевых и стал помогать Екатерине в ее делах. В начале августа 1773 г.

---

⁹⁸ Фонвизин — Я. И. Булгакову, 13 сентября 1773 г.: Полное собрание сочинений Д. И. Фон-Визина. М., 1830. Т. II. С. 231—233.

⁹⁹ Екатерина — Н. И. Панину, 23 сентября 1773 г.: РИО. Т. СХVIII. С. 466; Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. II. С. 69. То, что осыпав Панина милостями, Екатерина тем самым подкупила его, становится ясным из ее письма к московскому генерал-губернатору Волконскому. Она надеялась, что если генерал Петр Панин не успокоится и не перестанет болтать лишнее, «то я принуждена буду его унимать наконец. Но как богатством я брата его осыпала выше его заслуг на сих днях, то чаю, что и он его уймёт же, а дом мой очистится от каверзы» (Екатерина — М. Н. Волконскому, 25 сентября 1773 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 96).

¹⁰⁰ Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Т. XII, ч. 2. С. 82.

Сальдерн выехал в Копенгаген для переговоров о передаче Гольштейна Дании¹⁰¹.

Через месяц Сольмс сообщил дополнительные подробности. Выяснилось, что Сальдерн вымогал деньги у датского посла и строил козни против Пруссии в Польше, хотя являлся сторонником Фридриха. Его также подозревали в подделке документов по переговорам о Гольштинии. Но датчане не хотели разоблачать его, опасаясь, что это навредит договоренностям, а граф Панин обо всем молчал, дабы не нанести ущерба Павлу. Сольмс замечал, что «Сальдерн пользуется своей безнаказанностью, хотя гораздо менее преступные, чем он люди уже бы сложили свою голову на эшафоте»¹⁰². Но несколько месяцев спустя Павел рассказал своей матери о планах Сальдерна. «В порыве гнева она объявила, — сообщил Гуннинг в феврале 1773 г., — что велит привести к себе злодея, связанного по рукам и по ногам»¹⁰³. Не удивительно, что после этого Сальдерну навсегда был заказан путь в Россию.

Какой бы ни была подлинная подоплека этого инцидента, он свидетельствует о том, что нелегитимное нахождение Екатерины на российском престоле делало ее крайне уязвимой¹⁰⁴. Кроме того, эта

---

¹⁰¹ Сольмс — Фридриху, 30 июля 1773 г.: РИО. Т. LXXII. С. 384—389.

¹⁰² Сольмс — Фридриху, 27 августа 1773 г.: Там же. С. 390—395. О резкой реакции Фридриха см. его депешу Сольмсу, 21 сентября 1773 г. (н. ст.) // *Politische Correspondenz Friedrich's Des Grossen*. Bd. XXXIV. S. 163—165.

¹⁰³ Гуннинг — Суффольку, 11 февраля 1774 г.: РИО. Т. XIX. С. 399—400.

¹⁰⁴ Борьба вокруг российского престола в 1772—1773 гг. нуждается в серьезной переоценке. Как и от большинства интриг, от нее остались лишь отрывочные свидетельства, большинство из которых крайне тенденциозные или недостоверные — это отчеты дипломатов, мемуары, переписка, так что для разгадок ее тайн может потребоваться своеобразная ретроспективная кремлинология. Особенно требует прояснения роль, которую сыграли в этих событиях Никита Панин и Каспар фон Сальдерн. Не ясно, например, как далеко был готов зайти Панин: либо он хотел ограничить самодержавие, либо всерьез намеревался заменить Екатерину Павлом. Некоторые историки говорят о заговоре в пользу Павла, другие отвергают это как спекуляцию, полагая, что Панин не мог осуществить переворот, и утверждают, что дальше намерений его планы не шли. Однако все согласны с тем, что бракосочетание Павла и удаление Панина из дворца означали победу Екатерины. Хотя Сальдерн обычно изображается в качестве злодея, его реальное участие в тех событиях остается неясным. В его биографии, принадлежащей перу Отто Брандта, ничего об этом не сообщается, кроме указания на то, что больше всего этого дипломата интересовала судьба Гольштейна. Большинство аналитиков приняли версию графа Сольмса, и вроде бы выяснили, что Сальдерн предложил Павлу быть сорегентом. Но мотивы этого не ясны. Например, никто не задумывался над тем, что Екатерина могла

история показывает, в какой политической атмосфере повседневно находилась императрица. В этих условиях политика принимала крайне искаженные формы.

Наряду с тем, что Екатерина старалась избежать противодействия дворянской знати, она опасалась лишиться поддержки провинциального дворянства, которое являлось оплотом самодержавия среди крепостного крестьянства. Именно здесь проявился принцип диархии, лежавший в основе екатерининского правления. Чтобы обеспечить себе поддержку со стороны дворянства, монополизировавшего гражданскую и военную администрацию, правительство признало его право владеть большинством сельского населения страны — помещичьими крепостными. Менее чем через неделю после восшествия Екатерины на престол она издала указ, заявлявший, что «намерены мы помещиков при их имениях и владениях ненарушимо сохранять, а крестьян в должном им повиновении содержать». На тот момент — как позже вспоминала Екатерина — около 200000 крепостных открыто бунтовали против своих хозяев¹⁰⁵.

использовать Сальдерна для срыва планов группировки Панина. Намек на это вроде бы содержится в ее письме к госпоже Бьельке 6 октября 1773 г.: «Скажите Сальдерну, когда его увидите, что мой дом совсем или почти совсем очищен, что все кривлянья происходили, как я предвидела, но что однакож воля Господня совершилась, как я также предсказывала» (РЮО. Т. XIII. С. 361). Можно предположить, что позднейшая ярость Екатерины в отношении Сальдерна была притворной — поскольку императрица обладала артистическими способностями, это вполне допустимо.

Опубликованные первоисточники о борьбе при дворе можно найти в различных дипломатических депешах, письмах Фонвизина и корреспонденции Екатерины. Резюме противоречивых мнений по этому вопросу см.: Лютш А. Указ. соч. С. 116 и сл. Позднейшие интерпретации роли Панина см.: Гуковский Г. Указ. соч. С. 124—138; Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. М.; Л., 1961. С. 152—170; Браудо А. Панин Н. И. // Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. XIII. С. 189—204. Биографии Павла см.: Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754—1796). 2-е изд. СПб., 1883. С. 62—104; Morane P. Paul Ier de Russie avant l'avfenement, 1754—1796. Paris, 1907. P. 74—130; Шильдер Н. К. Император Павел Первый. СПб., 1901. С. 78—91 (о воображаемом заговоре см. приложение VII. С. 539). О Сальдерне см.: Brandt O. Caspar von Saldern und die nordeuropäische Politik im Zeitalter Katharinas II. Erlangen; Kiel, 1932. S. 219 и 261 ff. Оценки современника тех событий см.: фон Гельбиг Г. Указ. соч. С. 403—408. Надеемся, что многие из этих вопросов будут прояснены в диссертации о Никите Панине, над которой сейчас работает Дэвид Рэнсел (David Ransel) <см.: Ransel D. L. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. Yale University Press, 1975>.

¹⁰⁵ ПСЗРИ. Т. XVI. № 11593; Memoirs of Catherine. P. 370.

В то время как помещицы крепостные принадлежали в основном своим хозяевам, различные группы государственных крестьян, составлявших около 40% сельского населения, были привязаны к казенным землям и страдали от жестокости дворянского чиновничества. Поскольку эти две группы крепостных насчитывали свыше 90% всего населения страны, их широкое недовольство могло привести к крупному социальному конфликту.

Кроме частых смен правителей — что нередко создавало неразбериху — имелся еще ряд причин, которые привели к резкому усилению волнений крепостных в первое десятилетие правления Екатерины II. Освобождение дворян от обязательной государственной службы при Петре III в 1762 г., подтвержденное затем Екатериной, породило у крестьян надежду на избавление от крепостного гнета. В отличие от дворянства, исповедовавшего принцип корпоративного государства (Standestaat), крестьянство придерживалось традиционных представлений о службе¹⁰⁶. Кроме того, секуляризация церковных земель в 1764 г., которая должна была сократить число крестьянских волнений и увеличить доходы бюджета, превратила примерно один миллион крепостных мужиков в особую категорию так называемых «экономических» крестьян. Множество крепостных было сбито этим с толку. Возникновение среди помещичьих крестьян крупного анклава не имевших господина людей вызывало у первых радужные надежды. Поэтому нередко помещицы крепостные просили перевести их в разряд государственных крестьян, полагая, что тем самым их жизнь немного улучшится¹⁰⁷.

Заявления и действия самой Екатерины также способствовали широкому распространению слухов о предстоящих планах властей по освобождению крестьян. Во время своего широко разрекламированного путешествия по Волге в 1767 г. императрица приняла множество крестьянских жалоб, выразив готовность их удовлетворить. Ее несколько критические высказывания о крепостном праве в знаменитом «Наказе» в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. также спровоцировали краткие, но острые дискуссии по этому вопросу на заседаниях этого органа. Несмотря на попытки императрицы ограничить знакомство с ее «Наказом» узким кругом лиц, благодаря публичному характеру Уложенной комиссии новости о ее работе различными путями, в том числе через депутатов от государственных крестьян, инородцев и вольных казаков (помещицы крепостные не были в ней представле-

---

¹⁰⁶ Кизеветтер А. А. К истории крестьянских движений в России // Крестьянская Россия. Прага, 1924. Т. VIII–IX. С. 18.

¹⁰⁷ Семевский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1881. Т. I. С. 374–375.

ны) попадали в деревни¹⁰⁸. Все это, естественно, порождало всякого рода слухи и неоправданные надежды. Поэтому в 1766–1768 гг. волнения крепостных участились¹⁰⁹.

Крестьянство не мирилось с крепостным правом. Формы этого протеста были различными: от простого бегства и отказа платить подать до вооруженных восстаний и смертоубийств своих господ. Например, в 1764–1769 гг. в Московской губернии было зафиксировано по меньшей мере тридцать убийств помещиков их крепостными¹¹⁰. Об этом неоднократно говорилось в наказах и выступлениях дворян на заседаниях Уложенной комиссии. Постоянной проблемой были побегі крепостных. Правительство неоднократно призывало дворян не укрывать беглых и разыскивало последних. Беглые, объединяясь в шайки, совершали разбои, что нередко вынуждало власти обращаться за помощью к армии. В условиях отсутствия эффективного местного управления эти разбои представляли серьезную угрозу для одиноких имений провинциальных дворян¹¹¹. Проезжавшим через эти губернии рекомендовалось ехать группой или, по крайней мере, в сопровождении нескольких хорошо вооруженных слуг¹¹².

Бунты и другие формы крестьянского протеста сопровождали весь период долгого правления Екатерины, при которой крепостное право достигло своего апогея. Несмотря на то, что они, как правило, были локальными и кратковременными, в 1763 г. Военная коллегия выпустила инструкции для командиров карательных отрядов по подавлению крестьянских выступлений. Согласно этим документам, местное духовенство должно было убеждать бунтовщиков прекратить

---

¹⁰⁸ М. Т. Белявский показал, что у крестьян было намного меньше депутатов в Уложенной комиссии, чем считалось ранее: Белявский М. Т. Представительство крестьян в Уложенной комиссии 1767–1768 гг. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 322–329.

¹⁰⁹ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. I. С. 177–178.

¹¹⁰ Очерки истории СССР: период феодализма: Россия во второй половине XVIII в. С. 172.

¹¹¹ Об обсуждении разбоев на заседаниях Уложенной комиссии 1767–1768 гг. см.: Dukes P. Catherine the Great and the Russian Nobility: A Study Based on the Materials of the Legislative Commission of 1767. Cambridge, 1967. P. 171–172, и, особенно: Фирсов Н. Н. Вопрос о беглых и разбойниках, поднятый в комиссии для составления проекта нового уложения (1767 г.). Казань, 1890. Passim; Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. С. 334–343. О проблеме разбоев в целом в этот период см.: Eeckhaute D. Les brigands en Russie du XVII-e au XIX-e siècle: mythe et réalité // Revue d'Histoire moderne et contemporaine. 1965. July-September. Vol. XII, no. 1. P. 161–202.

¹¹² Marshall J. Op. cit. Т. III. P. 147.

сопротивление, для их разгона следовало применять холостые заряды, а если это не помогает, то и боевое оружие. Тем не менее, крестьянские волнения в 1763—1769 гг. участились, хотя в начале русско-турецкой войны вроде бы пошли на убыль¹¹³.

Особенно склонными к бунтам были так называемые «приписные» крепостные. Бывшие государственные крестьяне, они направлялись властями на сезонные работы на уральские рудники и горные заводы, где получали заработную плату и из нее платили подать. Условия их жизни были ужасными. Им приходилось преодолевать большие расстояния, чтобы добраться до места работы и лишь после 1769 г. им стали выдавать за это денежную компенсацию. Рабочий день их был долгим, условия труда — тяжелыми, а заработная плата — низкой. Приписные часто оказывались в долгу перед заводской лавкой. Некоторые заводладельцы даже пытались превратить их в своих крепостных. По сути являясь полурабочими-полукрестьянами, они испытывали на себе все тяготы существования этих категорий населения. В 1760-е гг. на Урале практически непрерывно шли волнения приписных крестьян. Иногда власти даже прибегали к использованию против бунтовщиков солдат и артиллерии¹¹⁴.

Помимо использования силы для подавления крестьянских волнений правительство узаконило крепостное право. Теперь помещики могли отправлять недовольных крестьян на каторжные работы в Адмиралтейство или в Сибирь, получая вознаграждение за них как за рекрутов. Крепостным было запрещено жаловаться на своих помещиков непосредственно государю, подавать жалобы на них вообще, уходить в монастырь и учиться в школе. Крепостные могли быть проданы отдельно от своих семей. К началу 1770-х гг. имперское правительство полностью подчинило помещичьих крестьян их владельцам, приравняв несчастных к движимому имуществу¹¹⁵. Теперь крепостные фактически стали рабами. Помещики могли заставлять их неограни-

---

¹¹³ Семевский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. I. С. 359—361, 374—375. В. И. Семевский приводит количество известных по источникам крестьянских выступлений, но признает, что это официальные данные и что «в действительности их, несомненно, было более». Новейшие оценки этого показателя выше: Крестьянская война в России в 1773—1775 годах: восстание Пугачева. Л., 1961. Т. I. С. 376.

¹¹⁴ Blum J. *Op. cit.* P. 308—314. Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. М.; Л., 1949. Т. I. Гл. XIII, ч. 1.; Савич А. А. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVII—XX вв. М., 1931. Гл. I—II.

¹¹⁵ М. Т. Белявский исчерпывающе (и скучно) рассмотрел это законодательство в своей последней книге: Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Пугачева. М., 1965. С. 38—54, 366—380.

ченно работать, выплачивать подать деньгами и натурой, могли как угодно наказывать крестьян (но не убивать их).

Дворянское правительство рассматривало крестьянство в качестве не субъекта, а объекта власти. Кроме помещика и чиновника, крестьян терроризировала армия, которая набиралась из его рядов, кормилась и квартировала за его же счет. Жестокое отношение русских солдат к крестьянам настолько ужаснуло английского путешественника, побывавшего в России в конце 1760-х гг., что он был вынужден признать: «Все прекрасные планы императрицы по поощрению сельского хозяйства неизбежно кончатся ничем». «Невозможно, — делал вывод этот наблюдатель, — внедрить какие-то новшества в этой стране без ее обновления в целом»¹¹⁶.

Не стоит забывать, что тяжкое бремя русско-турецкой войны в основном легло на русское крестьянство. Князь М. М. Щербатов полагал, что война коснулась каждого жителя страны и оценивал численность ее участников со стороны России в 327044 человек¹¹⁷. «Анниул Реджиста» выражал сомнение, что огромная Российская империя нуждается в дальнейшем расширении территории, учитывая столь «огромные потери средств и людей, что так щедро тратятся для достижения этой цели», и полагал, что «яркий блеск бесплодных побед лишь в малой степени компенсирует массовые волнения, вызванные постоянными притеснениями людей, и то крайнее ослабление, которое является следствием столь долгого и сильного перенапряжения»¹¹⁸.

Специфическим проявлением недовольства народа неожиданно стало самозванчество. Оно не было новым явлением в русской истории, но в силу множества причин число самозванцев в период царствования Екатерины неимоверно возросло. Так, в 1764—1774 гг. было зафиксировано появление, по крайней мере, десяти их (без учета Пугачева). Причинами этого были форма восшествия Екатерины на престол, неожиданная и таинственная смерть Петра III, а также различные слухи вокруг его указов о вольности дворянству, разрешении староверам вернуться из Польши в Россию и отмене ненавистой Тайной канцелярии. Даже то, что Екатерина была женщиной, делало ее царствование в традиционных представлениях русского крестьянства незаконным. Все это привело к тому, что после смерти Петра III его личность обрела широкую популярность. С этим государем беднейшие

---

¹¹⁶ Marshall J. Op. cit. Т. III. Р. 151—153.

¹¹⁷ См. «О Турецкой войне» и «О повреждении нравов в России» в «Сочинениях князя М. М. Щербатова» (под ред. И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. СПб., 1898. Т. II. С. 69, 240).

¹¹⁸ Annual Register. 1773. Р. 3.

слои населения стали связывать свои стремления к свободе и земле, освобождению от податей и обременительных налогов¹¹⁹.

Не выступая против самодержавия как такового, крестьянство верило в доброго царя и хотело облегчения своей участи. Простолюдины видели все ужасы крепостничества и полагали, что они просто не известны царю, ибо дворяне или скрывают от монарха правду или прибрали его к своим рукам. Иногда вступление на престол нового правителя приводило к народным волнениям, поскольку крестьяне пытались донести правду до царя раньше, чем «злые бояре» его окрутят. Именно этим объясняются популярность самозванцев и частота их появления. Если же крестьяне видели, что царь все знает, но ничего не делает для облегчения их участи, они признавали его ложным, самозванцем или узурпатором, и полагали, что истинный монарх скрывается или сидит в заточении, дожидаясь удобного момента для занятия трона. Для почти полностью неграмотного, лишённого всех гражданских прав крестьянства, верившего в доброго царя, самозванец был единственной возможностью компенсировать политические, социально-экономические и религиозные притеснения. Он был тем знаменем, которое могло поднять крестьян на восстание¹²⁰.

Слухи о том, что Пётр III жив, возникли сразу после воцарения Екатерины. Аналогичная молва была и об Иване Антоновиче. Бытование этой легенды, особенно на окраинах страны, посеяло семена самозванчества в уже удобренную недовольством почву. Первый документально подтверждённый самозванец появился в 1764 г. на Украине, а в следующем году стало известно о не менее трех переворотах покойного императора. Один из них даже объявился в Черногории¹²¹. Иногда «Пётр Федорович» привлекал сторонников, не появляясь на людях. Например, в 1767 г. некий сержант Мамыкин был арестован в Нижегородской губернии за рассказы о том, что супруг Екатерины жив. В связи с этим генерал-прокурор Вяземский заявил императрице, что этот человек явно сумасшедший, «потому что всему уже свету о смерти бывшего императора известно, и пото-

---

¹¹⁹ Сивков К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. 1950. Т. XXXI. С. 89–90; Фирсов Н. Н. Пугачёвщина: опыт социолого-психологической характеристики. СПб.; М., 1908. Гл. II.

¹²⁰ Кизеветтер А. А. К истории крестьянских движений в России. С. 8–12; Cherniavsky M. Tsar and People. New Haven, 1961. P. 97–99.

¹²¹ Petrovich M. B. Catherine II and a False Peter III in Montenegro // American Slavic and East European Review. 1955. April. Vol. XIV, no. 2. P. 169–194. Этот необычный самозванец по имени Степан Малый впервые появился в 1767 г. и фактически правил частью Черногории, пока не был убит в 1773 г.

му никакой благоразумный человек верить этому не может»¹²². Жившие своей жизнью и далекие от народа царские чиновники не могли понять истинных социальных и психологических причин самозванчества.

В 1768—1771 гг. самозванцы не появлялись — вероятно, по причине первых побед России над турками. Затем в 1772 г. под Царицыным был арестован выдававший себя за Петра III некий Федот Богомолов. Его история типична для большинства самозванцев и непосредственно предшествовала пугачевщине, начавшейся год спустя. Беглый крепостной и солдат-дезертир, Богомолов провозгласил себя царем в июне 1772 г. перед группой переселившихся в Дубовку, что на Волге, донских казаков. Он был сразу же арестован и доставлен в кандалах в царицынскую тюрьму, но сумел убедить своих охранников, священника и многих жителей, что на самом деле является царем. Толпа захватила каземат и освободила его, но власти поймали Богомолова и на этот раз спрятали его понадежнее. Выступление донских казаков в его поддержку также было подавлено. В декабре 1772 г. Богомолова высекли кнутом, заклеямили, вырвали ноздри и отправили на каторгу в Сибирь, но он умер в пути. Об этом случае в Поволжье стало широко известно. Некоторые из сторонников Богомолова позднее сплотились вокруг самозванца Рябова, схваченного в 1773 г.¹²³

Все самозванцы были выходцами из низов — беглых крепостных, солдат-дезертиров, казаков и мелких однодворцев¹²⁴. И сторонники их обычно были из этого же круга. Сельское духовенство, ближе всего находившееся к крестьянству, часто играло важную роль в этих волнениях, признавая подлинность самозванцев и отправляя традиционные службы в их честь. Кроме того, некоторые самозванцы обращались за помощью к старообрядцам, надеясь использовать их страдания в своих целях.

Причины, по которым люди принимали имя покойного монарха, остаются неясными. У большинства из них не было никаких далеко идущих планов, а обещания были простыми и конкретными. Попав в плен, они, чтобы смягчить себе наказание, обычно ссылались на то, что были пьяны, и власти поддерживали эту версию, дабы дискредитировать бунтовщиков. Известно, что множество людей жадно вни-

---

¹²² Цит. по: Сивков К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. С. 96—100, 112.

¹²³ Там же. С. 116—117; Козловский И. П. Один из эпизодов революционных движений на Дону (1772 г.) // Известия Северо-Кавказского гос. ун-та. 1926. Т. X. С. 125—127.

¹²⁴ Об однодворцах см.: Esper T. The Odnodvortsy and the Russian Nobility // Slavonic and East European Review. 1967. Vol. XLV, no. 104. P. 124—134.

мали и верили слухам о Петре III, которые шепотом пересказывали даже в почтенных дворянских семействах. Вне всякого сомнения, широкое распространение веры в этих самозванных царей играло решающую роль в возникновении волнений¹²⁵.

Для борьбы со столь разнообразными проявлениями недовольства — от дворцовых заговоров до самозванцев — правительство Екатерины использовало Тайную экспедицию Сената. Эта организация была преемником пресловутой Тайной канцелярии предыдущего царствования, отмененной Петром III в феврале 1762 г. и восстановленной через семь месяцев Екатериной. Изменение названия не повлияло на сущность этого учреждения. Упразднив канцелярию, указ передал все ее дела Сенату, при котором для этого была создана новая структура¹²⁶. Подобно своим ужасным предшественникам, новому органу было поручено заниматься вопросами, связанными с заговорами против государя и измену, причем эти понятия трактовались чрезвычайно широко. Например, в 1767 г. капитану Рогожину было запрещено появляться в Санкт-Петербурге и Москве за то, что он упомянул имя Мировича, пытавшегося освободить Ивана Антоновича¹²⁷.

Формально подчиненная Сенату, Тайная экспедиция на самом деле являлась личной политической полицией самодержца. Императрица внимательно следила за ее работой, часто сама составляла вопросы для подсудимых и выносила окончательный приговор. С 1764 г. этот орган возглавлял ее «Пятница» — генерал-прокурор Вяземский. Контроль за делами Тайной экспедиции Екатерина возложила на графа Никиту Панина — это мудрое решение разрушило ряд его политических замыслов, а высокий авторитет этого вельможи среди знати смягчал репутацию этого учреждения. На практике, за исключением дела Мировича, Панин не играл большой роли в этом

---

¹²⁵ Сивков К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. С. 102–116, 133–134. И. И. Дмитриев, сын симбирского помещика, вспоминает, как его отец с тремя своими друзьями, недавно вернувшимися из Санкт-Петербурга, беседовал о литературе и текущих событиях, и они «с таинственным видом, вполголоса, начинали говорить о политических происшествиях 1762 года» (Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 20–21).

¹²⁶ Сивков К. В. Тайная экспедиция, ее деятельность и документы // Ученые записки Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. Кафедра истории СССР. 1946. Т. XXV, № 11. С. 96–98. О предшественниках Тайной экспедиции см.: Голикова Н. В. Органы политического сыска и их развитие в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России. С. 243–280.

¹²⁷ Джинчарадзе В. З. Указ. соч. С. 102.

ведомстве: допросы в казематах экспедиции вел пользовавшийся дурной славой «секретарь» Сената Степан Иванович Шешковский¹²⁸.

Тайная экспедиция располагалась в Санкт-Петербурге и имела отделение в Москве, которым руководил тамошний генерал-губернатор. Вопреки распространенному в то время мнению, этот орган действовал не через сеть агентов, а полагался почти исключительно на доносы. Криминальными считались недонесение о лицах, замышлявших что-то дурное, о готовящихся преступлениях, об оговоре. Доносчикам полагалось денежное вознаграждение. Расследуя дело, экспедиция проверяла и дополняла выдвинутые обвинения, проводила обыски и просматривала частную переписку, организовывала очные ставки и перекрестный допрос обвиняемого. Несмотря на осуждение Екатериной пыток, к подозреваемым широко применялось физическое и, особенно, психологическое воздействие. Кроме того, сама атмосфера и репутация Тайной экспедиции вызывали ужас у всех, кто туда попадал. Ее деятельность была строго засекречена и подозреваемые должны были молчать обо всем, что видели в ее стенах. Как ни странно, в ходе расследования дела экспедиция обычно старалась избегать публичного раскаяния обвиняемого. Наказания и суммы, выделяемые на содержание ссыльного — ссылка была самым распространенным тогда видом кары — варьировались в зависимости от тяжести совершенного преступления и социального статуса преступника¹²⁹.

Будучи инструментом самодержавия, Тайная экспедиция не признавала никаких сословных различий: в ее подземелья попадали все сословия. В период обострения социальных конфликтов Екатерина часто обращалась к этому учреждению, надеясь тем самым не допустить появления у недовольного населения вождей. За десять лет до этого граф Бакингершир характеризовал внутреннее состояние России как «одну большую массу горячего материала с разбросанным повсюду зажигательным веществом»¹³⁰. С тех пор тяготы войны и внутренние проблемы еще больше увеличили количество этой взрывчатки. Оказалось, что для гигантского социального взрыва требовалось только поднести факел. Им и стал Пугачев.

---

¹²⁸ Сивков К. В. Тайная экспедиция, ее деятельность и документы. С. 99–100, 102.

¹²⁹ Там же. С. 102–109.

¹³⁰ The Despatches and Correspondence of John, Second Earl of Buckinghamshire, Ambassador to the Court of Catherine II of Russia, 1762–1765. Vol. II. P. 248.

III СЛАДОЯЗЫЧНОЙ, МИЛОСТИВЫЙ, МЯЖКОСЕРДЕЧНЫЙ РОССИЙСКИЙ ЦАРЬ

У увязшего во внешнеполитических баталиях и отягощенного внутренними проблемами российского правительства не было времени заниматься делами яицких казаков, которые вскоре переросли в восстание под предводительством Пугачева. В середине XVIII в. бассейн Яика все еще был малонаселенной приграничной зоной. Ранее в этой части Волго-Донского бассейна вспыхивали крупные народные восстания Ивана Болотникова (1606–1607 гг.), Степана Разина (1669–1671 гг.) и Кондрата Булавина (1707–1708)¹³¹, в которых казаки играли ведущую роль.

Термин «казак», кажется, татарского происхождения и означает легковооруженного всадника. Казаки впервые появились в ковыльной степи Нижнего Дона и Поволжья в конце XV в.¹³² Бежав из Московии и польской Украины, они вскоре вытеснили своих татарских соратников и создали уникальную форму самоуправяемой общины. В

¹³¹ Новейшее изложение истории всех четырех восстаний см.: Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966.

¹³² Sumner V. H. Survey of Russian History, paper ed. London, 1961. P. 39. О ранней истории казачества см.: Stökl G. Die Entstehung des Kosakentums. Munich, 1953. Passim. О донских казаках см.: Сватиков С. Г. Указ. соч. Гл. I–VI. Краткое изложение, но на широком историческом фоне см.: McNeill W. Europe's Steppe Frontier, 1500–1800. Chicago, 1964. P. 111 ff. Об области Войска Донского в XVIII в. см.: Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. О днепровских казаках см.: Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. Киев, 1957.

1560 г. вследствие набегов и нападений казаков на восточные караваны московское правительство приняло энергичные меры против них, вынудив их либо признать свою власть, либо искать новые места обитания. Обладавшие неугомонным характером, одни из них в 1581 г. участвовали в сибирской экспедиции Ермака, другие переселились в сухую, солончаковую степь между р. Яик, несущей свои воды на юго-запад от Уральских гор в Каспийское море, и большой восточной излучиной Волги. От этой последней группы и произошли яицкие казаки.

Большинство из них были беглыми русскими крестьянами и крепостными, но среди них встречались и татары. Позже, когда преследование старообрядцев и крепостной гнет увеличили поток беглых на юго-восток, яицкие казаки приняли никонианство и отказались выдавать беглецов. Подобно своим украинским и донским собратьям, они создали полуавтономное политическое образование, которое проводило самостоятельную внешнюю политику. Яицкие казаки поддерживали тесные отношения со своими товарищами на Дону и вместе с ними в 1630 г. воевали с Персией. Они постоянно нападали на степных кочевников — ногайских татар, калмыков, киргизов и каракалпаков. Опытные десантники, они использовали Каспийское море для набегов на Персию, Туркменское и Хивинское ханства. Короче говоря, яицкие казаки создавали постоянные проблемы для отношений Московского государства с юго-восточными соседями¹³³.

Москва проводила двойственную политику по отношению к казакам. С одной стороны, она использовала их в качестве защитников границы от степных кочевников, а с другой боролась с казачьими набегами и пыталась заставить выдавать с Яика беглых. Естественно, казаки сопротивлялись этим попыткам взять их под свой контроль, не понимая, что это было следствием экспансии Русского государства, но они ясно осознавали угрозу своей независимости. Поэтому, как отмечает английский историк Б. Х. Самнер, «жесточайшая борьба с усилением крепостного права велась в основном на его границе, а не до нее»¹³⁴. Чтобы ограничить доступ казаков к Каспийскому морю, московское правительство в 1640 г. основало Гурьев — крепость в устье Яика. И хотя казаки не раз захватывали это укрепление в последующие десятилетия, в частности, во время восстания под предводительством С. Разина, они так и не смогли его удержать. Тем временем, с 1650-х гг. между Москвой и Яиком начинают устанавливаться регулярные дипломатические отношения. После 1680 г. пра-

---

¹³³ Очерки истории СССР: период феодализма: XVII в. М., 1955. С. 271–277. <Здесь и далее под киргизами автор имеет в виду современных казахов>.

¹³⁴ Sumner B. H. Op. cit. P. 141.

вительство усилило свое влияние на казаков, став поставлять им порох, свинец и пушки. В 1695 г. им запретили укрывать беглых; основной обязанностью казаков стала теперь защита границы¹³⁵.

В XVIII в. царское правительство стало активнее вмешиваться во внутренние дела яицкой вольницы. Волнения среди них в 1714 г. привели к тому, что правительство через несколько лет направило на Яик карательные экспедиции. В 1722 г. оно провело перепись яицкого населения, а к 1740 г. добилось права назначать ему казачьего командира — атамана. Затем Яицкое войско — так теперь назывались казаки — перешло под управление Военной коллегии, которая вскоре запретила принимать в его ряды новичков. В 1750 г. яицких казаков подчинили генерал-губернатору недавно образованной Оренбургской губернии, и они, таким образом, стали как бы буфером между Астраханской и Оренбургской губерниями. Границы казачьих земель не были точно определены. Их восточным рубежом была река Яик, причем эта граница тянулась от Илецкого городка до Гурьева на 370 миль, одновременно являясь государственным рубежом России. Никто не знал, где кончались казачьи земли на западе, потому что в здешней практически безводной, солончаковой степи встречались лишь зайцы и другие животные. Переписью 1762 г. было учтено 4200 яицких казаков мужского пола, а через семь лет в казачьей столице, Яицком городке (кратко — Яицке) их насчитывалось уже около 15000¹³⁶.

С XVII в. в Яицком войске стремительно нарастало социальное расслоение. К тому времени обстановка на границе стала спокойной и казаков обязали служить в особых частях регулярной армии, а на смену разбойничьим набегам в качестве средства существования пришла рыбалка. Казаки также занимались животноводством, добычей соли и охотой. Некоторые богачи завели в степи поместья и даже де-факто — крепостных. Яицкие казаки торговали как со степными кочевниками, так и с русскими купцами, Яицкий городок являлся как бы перевалочным пунктом для караванной торговли между центральной Россией и Востоком. Атаман и старшина (представители зажиточной казачьей прослойки и советники атамана, занимавшие у казаков руководящие должности) постепенно превратились в закрытую группу, которая по богатству и статусу отличалась от большинства своих соплеменников.

Рыбалка на Яике, за право заниматься которой казаки ежегодно вносили в российскую казну более 4000 руб., была тщательно организованным мероприятием. Трижды в год казаки устраивали рыбную

---

¹³⁵ Очерки истории СССР: период феодализма: XVII в. С. 274—277.

¹³⁶ Андрущенко А. И. Классовая борьба яицких казаков накануне крестьянской войны 1773—1775 гг. // История СССР. 1960. № 1. С. 144.

ловлю на самом Яике, а в четвертый раз делали это на его притоках и степных озерах. Перед началом рыбалки каждому ее участнику выдавалось специальное разрешение. Атаману и старшине полагалось больше одной привилегии, к рыбалке допускались только добропорядочные казаки. Привилегии были предметом купли-продажи. Старые и больные люди, а также духовенство обычно продавали их молодым казакам. Заплатив за привилегию, казак мог претендовать на часть выручки от продажи улова. Бухгалтерию вели атаман и старшина, поскольку большинство казаков были неграмотными¹³⁷.

То, что выручку от рыбной ловли контролировали атаман и старшина, и то, что яицкие казаки в целом превратились в приграничное сообщество, подверженное пусть мягкому, но все же контролю со стороны России, привело внутри них к жесткому противостоянию. Резко обострилась борьба за власть и материальные богатства населения Яика. Используя свое положение, атаман и старшина набивали свои карманы, а любые жалобы казаков на это расценивали как «бунт». В 1738 г. в правительственном докладе говорилось о существовании среди казаков двух группировок, «хотя на прежде сего вам и жестоко запрещено»¹³⁸. В какой-то мере этот конфликт был неизбежен, ибо тому способствовали особенности социально-экономического устройства Яицкого войска. Столь большая и процветающая община могла функционировать только при исключительно честных казачьих чиновниках. Однако таковых не было¹³⁹.

Конфликт обострился после 1752 г., когда Яицкое войско решило ежегодно собирать для российской казны по 10400 руб. за право лова рыбы и заготовки соли. Столь крупные денежные суммы стали источником злоупотреблений для старшины. Затем в 1755 г. атаманом был назначен имевший армейское звание подполковника и выходец не из казачьей среды Андрей Бородин. Три года он не представлял казакам отчет о доходах от продажи соли и рыбы¹⁴⁰. В то же время казаков обязали построить и обеспечить гарнизонами линию форпостов от Яицка до Гурьева¹⁴¹. Среди простого казачьего населения стало назревать недовольство.

---

¹³⁷ Там же. С. 144–146.

¹³⁸ Цит. по: Рознер И. Г. Яицкое казачество накануне Крестьянской войны 1773–1775 годов // Вопросы истории. 1958. № 10. С. 103. Подробнее это изложено в книге: Рознер И. Г. Яик перед бурей. М., 1966.

¹³⁹ Тхоржевский С. И. Социальный состав пугачевщины // Труд в России. 1925. № 1. С. 89–90.

¹⁴⁰ Волнения на Яике перед Пугачевским бунтом: записка капитана Маврина // Памятники новой русской истории. СПб., 1872. Т. II. С. 257.

¹⁴¹ Рознер И. Г. Яицкое казачество накануне Крестьянской войны 1773–1775 годов. С. 101.

Для изложения своих претензий к старшине казаки, которых правительство вслед за нею стало огульно называть «непослушными», стали посылать делегации в Военную коллегию. Правительство в свою очередь направляло на Яик комиссии по расследованию злоупотреблений. Хотя оно, по сути, не занимало в этих конфликтах четкой позиции, его комиссары, как правило, выступали на стороне старшины, что также озлобляло простых казаков. Кроме того, начало войны с турками еще больше усугубило и без того напряженную ситуацию, ибо центральные власти стали заставлять казаков записываться в недавно созданный легион. Казаки расценили это как попытку превратить их в солдат и наотрез отказались выполнять этот приказ, тем более, что новобранцы должны были брить бороды, а это было неприемлемо для старообрядцев. В итоге казакам было поручено сформировать гарнизон в Кизляре — русской пограничной заставе на Северном Кавказе¹⁴².

Кроме того, несколько раз столкнувшись с отказом в удовлетворении их жалоб, простые казаки убедились, что Военная коллегия настроена против них и тогда они стали обращаться непосредственно к Екатерине. В феврале 1767 г., изучив жалобу казаков, императрица поручила графу Чернышеву, чтобы Военная коллегия впредь информировала ее по всем проблемам Яика «для лучшего усмотрения всех сего дела обстоятельств»¹⁴³. Мы не будем подробно рассматривать здесь сложные переговоры, происходившие в 1768—1772 гг. между императрицей, Военной коллегией и различными группировками казаков. Если бы российское правительство проводило по отношению к казакам вразумительную политику — но оно этого не делало — то и тогда это уже не смогло бы привести к ослаблению напряженности внутри Яицкого войска. А отсутствие твердой политики со стороны российских властей лишь способствовало эскалации конфликта.

Прежде чем пойти на крайние меры, казаки в декабре 1771 г. в последний раз попытались подать Екатерине свою челобитную. Большинство их претензий к старшине касалось ее права распоряжаться вырученными от рыбной ловли деньгами. Казаки также протестовали против военной службы, злоупотреблений графа Чернышева и просили сделать куратором Яицкого войска Григория Орлова. Екатерина отказала им в их просьбах. «Кажется, многими лжами и клеветами наполнена, — писала она князю Вяземскому. — ...Я думаю, это самые плуты, кои для своей корысти... поддерживают и раздувают беспокойство междоусобное на Яике... Я чаю, лгут на Захара Григорьевича [Чернышева]... из чего немного чего я заключаю,

¹⁴² Дубровин Н. Ф. Указ. соч. СПб., 1884. Т. I. С. 1—2, 42—48.

¹⁴³ Екатерина — Чернышеву, 19 февраля 1767 г.: РИО. Т. X. С. 171.

как только то, что ищут продлить беспокойство тамошнее»¹⁴⁴. Поскольку у императрицы и без того было тогда много проблем, ее равнодушные к неприятностям на далеком Яике вполне объяснимо.

Вскоре после того, как в начале января 1772 г. челобитчики вернулись из Санкт-Петербурга, в Яицке вспыхнули беспорядки. 13 января там начались волнения, в ходе которых был убит местный армейский командир генерал Траубенберг, разграблены дома старшины, а казаки захватили власть в Яицком войске. Они сразу же направили свою делегацию в Санкт-Петербург, которая оправдывала их действия тем, что их на это вынудил Траубенберг¹⁴⁵.

Однако еще до того, как казаки добрались до столицы, граф Чернышев зачитал перед Императорским советом рапорт оренбургского губернатора Рейнсдорпа о бунте. После этого правительство впервые решило подавить мятеж силой, а затем провести его расследование. Генералу Фрейману было приказано выступить из Москвы с армейской командой для пополнения оренбургского гарнизона. Ему было предписано не просто подавить бунт и наказать его лидеров, а разогнать казачью администрацию и распределить казаков по полкам, подчинив их армейским генералам¹⁴⁶.

11 февраля губернатор Рейнсдорп сообщил Военной коллегии о своих попытках умиротворить казаков в обмен на обещание, что против них не будет применена сила. Совет одобрил действия Рейнсдорпа до прибытия весной генерала Фреймана. «Тогда, — приказал совет Рейнсдорпу и Фрейману, — как они на ловлю поразъедутся, весть в их городок регулярные команды, и наказав виновных, исполнить полагаемое о перемене их управления намерение»¹⁴⁷. Как только в феврале делегация непослушных казаков прибыла в Санкт-Петербург, она была арестована.

Из-за большого расстояния, весенней распутицы и неповоротливости военной машины карательная экспедиция генерала Фреймана прибыла на Яик только в июне 1772 г. В марте Екатерина обратилась к бунтовщикам с призывом добровольно покориться и избежать кровопролития, выдав зачинщиков беспорядков. Однако Императорский совет, согласившись с ее мнением, одновременно признал, что «надобно употребить в то ж время или скорее потом военную против непослушных строгость». Было приказано публично наказать всех организаторов волнений¹⁴⁸. Теперь восставшим казакам предстояло выбирать:

---

¹⁴⁴ Екатерина — Вяземскому, декабрь 1771 г.: РИО. Т. XIII. С. 206–207.

¹⁴⁵ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. I. С. 67–68.

¹⁴⁶ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 431.

¹⁴⁷ Там же. Стб. 432–433.

¹⁴⁸ Там же. С. 433.

или сдаться сразу или сделать это после применения к ним силы. Так как они отвергли первый вариант, власти бросили против них карателей, чтобы раз и навсегда отбить у людей желание бунтовать.

Еще в марте, при выборах новой старшины, казаки узнали об экспедиции Фреймана и начали готовиться к ее встрече. Команда Фреймана состояла из примерно 2500 всадников и легкой пехоты (драгун и егерей), 1100 оренбургских казаков, артиллерии и передвижных укреплений¹⁴⁹. После нескольких стычек с царскими войсками в начале июня казаки попытались скрыться в степи. Но Фрейман 10 июня сумел окружить большинство из них. В соответствии с данными ему инструкциями он разогнал казачье правительство, установил в крае военную диктатуру и арестовал 86 казаков¹⁵⁰.

В сентябре 1772 г. в Оренбурге начала работать следственная комиссия, которая стала посылать свои рекомендации на рассмотрение Военной коллегии. Следователи особо не церемонились с повстанцами и вынесли им 59 смертных приговоров. После долгих проволочек Военная коллегия в апреле 1773 г. утвердила окончательное решение, смягчив часть приговоров. Тем не менее, 16 казаков были приговорены к битью кнутом, клеймению, вырыванию ноздрей и ссылке на сибирские рудники, 38 были биты кнутом и отправлены с семьями в Сибирь, 5 призвали в армию, еще 25 выпороли, затем молодых отправили в армию, а стариков — в сибирские гарнизоны. Остальные 2460 казаков были помилованы, но должны были вновь присягнуть на верность и выплатить в качестве штрафа 36756 руб. Правительство дало всем сбежавшим от наказания три месяца на возвращение домой, в противном случае пообещав поступить с ними «по всей строгости законов»¹⁵¹.

18 марта 1773 г. Императорский совет одобрил создание новых органов управления яицкими казаками¹⁵², а 3 июля в Яицком городке были публично казнены бывшие бунтовщики. Казалось, что власти одержали над Яиком окончательную победу.

Но яицкие казаки были не единственным вольнолюбивым народом Оренбургской губернии. После завоевания царем Иваном IV Казанского ханства в 1552 г. подданство России формально приняли полукочевые тюркоязычные башкиры, исповедовавшие ислам. В течение почти целого столетия царские власти почти не трогали их, ограничиваясь сбором дани натурой, так называемого ясака. Русская ко-

---

¹⁴⁹ Рознер И. Г. Яицкое казачество накануне Крестьянской войны 1773–1775 годов. С. 108.

¹⁵⁰ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. I. С. 100–102.

¹⁵¹ Там же. С. 183–185.

¹⁵² АГС. Т. I, ч. 2. Стб. 223.

лонизация этого региона началась в 1586 г., после основания в самом центре его города Уфа. Этот процесс усилился в XVII в., когда защитные «линии» крепостей проникли за Каму. Следствием этого длительного противостояния леса и степи, православной и исламской цивилизаций стали башкирские восстания 1646, 1662 и 1680 гг. Не имея возможности остановить русскую колонизацию башкирских земель, московское правительство пыталось обезопасить ее, неоднократно запрещая продавать порох, свинец и огнестрельное оружие нерусским народам¹⁵³.

Возникновение уральской металлургии при Петре Великом привело к усилению русской колонизации — часто откровенного захвата — башкирских земель. В 30-е гг. XVIII в. линии крепостей продвинулись на юго-восток до Яика, где в 1734 г. был основан Оренбург, позднее дважды переносившийся на новое место и окончательно утвердившийся в 1743 г. Вслед за военной экспансией в этот регион хлынул поток беглых русских и переселенцев с Поволжья и Прикамья. Правительство, формально запрещая его, на деле поощряло этот процесс¹⁵⁴. В 1762 г. в Оренбурге насчитывалось уже 3000 домов. Город превратился в центр торговли со степными кочевниками и купцами из Центральной Азии. Вскоре индустриализация достигла и Южного Урала, где с 1750-х гг. стали появляться многочисленные рудники и заводы. Их ненасытные печи пожирали огромное количество угля, вынуждая заводовладельцев захватывать обширные лесные массивы, принадлежавшие башкирам. Кроме того, для усиления на этой территории своих позиций русское правительство попыталось

---

¹⁵³ Евреинов Б. Борьба Москвы с восточными инородцами в бассейне Волги и Камы // Записки русского исторического общества в Праге. 1927. Т. I. С. 69, 72–75; Нефедов Ф. Движение среди башкир перед Пугачевским бунтом. Салават, башкирский батыр // Русское богатство. 1880. № 10. С. 83–92. См. также: Nolde В. La formation de L'Empire Russe. Paris, 1953. Vol. I. Гл. III, VI–VII; Spuler В. Die Wolga-Tataren und Baschkiren unter russischer Herrschaft // Der Islam. 1949. Bd. 29. S. 142–198.

¹⁵⁴ Готье Ю.В. Из истории передвижений населения в XVIII веке // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. 1908. Кн. 1. Отд. 4. С. 3–10. О ранней колонизации Оренбуржья см. также: Camena d'Almeida P. La colonisation dans les gouvernements d'Oufa et d'Orenbourg // Annales de Geografie. 1899. Vol. VIII, no. 38. P. 127–140 <рус. пер. под. ред. И. В. Кучумова: Камена Д'Альмейда П. О вхождении Башкирии в состав России // Ватандаш. 2010. № 5>; Свирилин М. Колонизация Оренбургского края в первой половине XVIII века // Древняя и новая Россия. 1876. № 6–7. С. 178–186, 232–243; Аполлова Н. Г. Особенности возникновения и развития городов Оренбургского края в XVIII в. // Города феодальной России: сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 456–462.

обратить башкир в православие¹⁵⁵. Все это вызвало ожесточенное сопротивление башкирского населения. Начиная с 1700 г., оно постоянно поднимало восстания. Первое крупное выступление башкир в XVIII в. разразилось в 1705 г. и в той или иной мере продолжалось пятнадцать лет. Одной из его причин было непосильное налоговое бремя; кроме того, сыграли свою роль попытки русских властей вернуть скрывавшихся у башкир крепостных, приписанных к уральским заводам. Строительство Оренбурга вызвало в 1735–1740 гг. второе крупное башкирское восстание. На этот раз русские власти действовали беспощадно: около 16000 башкир были убиты или отданы в крепостные, у них конфисковали 12000 голов лошадей и 6000 голов крупного рогатого скота, сожгли 700 деревень. Те же причины — русская колонизация и строительство заводов — привели к возникновению третьего восстания в 1755 г. В ходе последних двух восстаний к социальному конфликту добавилось религиозное противостояние между православными русскими и башкирами-мусульманами. Тесно связанные в религиозном отношении с городами Средней Азии, башкиры оказали отчаянное сопротивление попыткам России обратить их в христианство¹⁵⁶.

После подавления восстания 1755 г. башкирам было запрещено переходить линию крепостей южнее среднего течения Яика. Как и соседние яицкие казаки, теперь они оказались окружены Русским государством, которое превратило их в служилое население. Отныне башкиры сражались за интересы России в Польше, а после 1769 г. ежегодно отправляли две тысячи человек на защиту Оренбургской линии от киргизских набегов¹⁵⁷.

Однако став анклавом, башкиры по-прежнему лишь номинально подчинялись русскому правительству. Когда в августе 1772 г. губернатор Рейнсдорп сообщил Военной коллегии о готовящемся новом башкирском бунте, Императорский совет принял решение вернуть две тысячи башкирских воинов из Польши, чтобы продемонстрировать

---

¹⁵⁵ Portal R. Les Bachkirs et le Gouvernement russe au XVIII-e siècle // *Revue des Études slaves*. 1946. Vol. XXII. P. 82–83, 93–94. <рус. пер. под. ред. И. В. Кучумова: Порталь Р. Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России. 2-е изд., перераб. и расш. Уфа, 2005. С. 154–159>

¹⁵⁶ Ibid. P. 96–101; Donnelly Alton S. *The Russian Conquest Bashkiria. 1552–1740: A Case Study in Imperialism*. New Haven, 1968. P. 138 <рус. пер.: Доннелли А. С. Завоевание Башкирии Россией, 1552–1740: страницы истории империализма / пер. с англ. Уфа, 1995>.

¹⁵⁷ См. ведомость о расположении нерегулярных войск по Оренбургской линии в 1769–1770 гг.: *Материалы по истории Башкирской АССР*. М., 1956. Т. IV, ч. 2. С. 511.

этому народу, что его воины живы и здоровы¹⁵⁸. И хотя тогда восстания тогда не случилось, это свидетельствовало, что правительство осознавало силу башкир. Не имея своего лидера, они ждали лишь повода для нового возмущения.

В Оренбуржье российское правительство столкнулось с чрезвычайно сложными проблемами управления регионом. Некоторые из них были географического свойства: Оренбург был административным центром обширной приграничной губернии, которая включала в себя на западе территорию от Яика до Ставрополя на Волге, на юге — вдоль Яика до Гурьева, а на севере — Южный Урал, часть Западной Сибири (так называемую Исетскую провинцию с центром в Челябинске). Чтобы попасть в Оренбург, надо было преодолеть огромные расстояния: по суше до Санкт-Петербурга было 1350 миль, до Москвы — 835, до Казани — 340, до Ставрополя — 330, до Яицка — 180, до Гурьева — 500, до Уфы — 225, до Челябинска — 380; купцы доходили до Хивы за 20 дней, а до Бухары — за 30¹⁵⁹. Поскольку главные реки этого региона текли на север и юг, и не весь год были судоходными, они не могли дать полноценного доступа к центру России. Кроме того, сухие оренбургские степи не позволяли обеспечить людей продовольствием и древесиной, что вынуждало доставлять это с Поволжья и Западной Сибири¹⁶⁰.

Дополнительные административные трудности были вызваны малочисленностью населения и его сложным этническим составом. В 1760 г. П. И. Рычков, хорошо знавший этот край, оценивал численность здешних русских примерно в 200000 душ мужского пола, татар всех разновидностей — в 400000 (в это число он включал 100000 башкир)¹⁶¹. Кроме того, большинство русского населения состояло из заводских крепостных и казаков — часто враждебных властям элементов. В этих условиях Санкт-Петербург опасался возникновения пантатарского восстания, которое могли спровоцировать турецкие агенты. Поэтому власти империи делали все, чтобы изолировать башкир, татар, киргизов и калмыков друг от друга, по возможности используя их в качестве иррегулярных войск. Несмотря на то, что некоторые местные народы имели сходство в языке, расовом составе и исповедовали одну религию, русские власти, играя на ме-

---

¹⁵⁸ АГС. Т. I, ч. 2. С. 231.

¹⁵⁹ Рычков П. И. Топография Оренбургская. СПб., 1762. Ч. 2. С. 12—13, 84.

¹⁶⁰ Подробнее о проблемах управления Оренбургской губернии см. рапорты губернаторов с 1760-х до начала 1770-х гг.: Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV, ч. 2. С. 444—485.

¹⁶¹ Рычков П. И. Топография Оренбургская. СПб., 1762. Ч. 1. С. 70, 79, 92—93.

жэтнических противоречиях, старались не допустить их объединения. И. И. Неплюев, первый губернатор Оренбургской губернии (1742—1759 г.), позднее с гордостью вспоминал, как он использовал киргизов и калмыков для подавления башкирского восстания в 1755 г., сумев перессорить эти три кочевых народа¹⁶².

Русские применяли принцип «разделяй и властвуй» еще несколько десятилетий после 1755 г. Так, рассмотрев 8 февраля 1770 г. просьбу переселившихся в Оренбуржье двумя годами ранее татар о помощи от последствий засухи, Сенат отметил их соседство с киргизами, с которыми у них были общие язык и религия. Это могло привести к их объединению друг с другом, ибо, как полагал оренбургский губернатор, протяженность здешних границ осложняет ситуацию, отчего этому тем более необходимо воспрепятствовать, поскольку во время последнего башкирского бунта многие из киргизов участвовали в нем вместе с татарами. Хотя Сенат рекомендовал оказать татарам помощь, он вынес решение в дальнейшем переселить их вглубь Оренбургской губернии, чтобы оградить от киргиз¹⁶³. Такое переселение народов по политическим мотивам тогда было частым явлением¹⁶⁴.

Эти два фактора — огромные расстояния и этническая пестрота в значительной мере нерусского населения — в сочетании с близостью границы затрудняли оборону региона от вторжений извне. Когда в 1771 г. значительной части волжских калмыков удалось бежать в Китай от военной службы, стало ясно, что охрана границы находится здесь в плачевном состоянии¹⁶⁵. В связи с этим в августе 1771 г. Во-

---

¹⁶² Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773). СПб., 1893. С. 158—162.

¹⁶³ Доклад Сената Екатерине, 8 февраля 1770 г.: РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 112. Л. 70—71.

¹⁶⁴ Башкирский корпус был послан в Польшу в 1771 г., чтобы не допустить его контактов с турками, а калмыки неоднократно переселялись в новые области, чтобы служить там в качестве буфера: Fisher A. W. *The Turkic People of the Russian Empire and the Administration of Catherine II* (неопубликованная магистерская диссертация). Columbia, 1964. P. 49—50. Нам удалось ознакомиться с этой работой благодаря любезности профессора Дж. М. Томпсона (John M. Thompson).

¹⁶⁵ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 243—245. Еще до этого, в ноябре 1770 г., Екатерина предложила совету наказать киргизов за их грабительские набеги. Обсудив этот вопрос, члены совета пришли к выводу, что пока идет война, нет возможности обуздать кочевников, но после ее окончания они будут обязательно наказаны, а эти земли надежно защищены (АГС. Т. I, ч. 2. Стб. 799—800). О политике России по отношению к киргизам до 1773 г. см.: Семенюк Г. И. *Политика царизма в Казахстане до начала Крестьянской войны 1773—1775 гг. (царизм и феодальная верхушка казахского общества) // Крестьянство и клас-*

енная коллегия проинформировала императрицу, что у Оренбургской, Сибирской и Астраханской губерний недостаточно сил для противодействия киргизским набегам и угрозам со стороны крымских татар и горцев Кавказа.

Согласно данным Военной коллегии, в Оренбургской губернии имелось только три драгунских полка и пять гарнизонных батальонов, т. е. всего 6700 солдат, которые были рассредоточены по 22 крепостям, растянувшимся на 870 миль. В рапорте говорилось, что такое распыление войск и отсутствие резервов означает, что всякий раз при проведении военных операций людей приходится набирать из нескольких крепостей, а это требует времени и ослабляет их защищенность. Расположенные вдали от районов военных действий, эти места не могут рассчитывать на скорую подмогу. Из-за дефицита личного состава командирам часто приходится использовать гарнизонных драгун, не имевших необходимой подготовки и снаряжения, а их тяжелая оснастка мешала быстрым маршам. Все это негативно влияет на боевой дух солдат. Хотя Военная коллегия предложила увеличить численность гарнизонов и сформировать три корпуса легкой кавалерии, к осени 1773 г. этого сделать не успели. В Оренбургской губернии числилось 9600 солдат, но большинство из них не имели военного опыта и были плохо оснащены¹⁶⁶.

Маленькие и рассеянные на больших пространствах, «крепости, в том краю выстроенные, были не что иное, как деревни, окруженные плетнем или деревянным забором. Несколько старых солдат и тамошних казаков, под защитой двух или трех пушек, были в них безопасны от стрел и копий диких племен, рассеянных по степям Оренбургской губернии и около ее границ»¹⁶⁷. Противостоять энергичным, хитроумным и имеющим огнестрельное оружие бунтовщикам эти укрепления не могли.

После июльских событий 1773 г., несмотря на правительственные репрессии, недовольство среди «непослушных» яицких казаков не утихло. Несколько зачинщиков январского бунта 1772 г. продолжали скрываться в степи. Примерно через месяц после казни бунтовщиков здесь появился Пугачев. А еще примерно через месяц, приняв имя императора Петра III Федоровича, он поднял восстание, ставшее известным как «пугачевщина».

совая борьба в феодальной России: сб. ст. памяти И. И. Смирнова. Л., 1967. С. 414–446. О национальной политике царизма в целом см.: Аполлова Н. Г. К вопросу о политике абсолютизма в национальных районах России в XVIII в. // Абсолютизм в России. С. 355–388.

¹⁶⁶ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. I. С. 250–251, 377–386.

¹⁶⁷ Пушкин А. С. Указ. соч. С. 17.

Казак Емельян Иванович Пугачев родился на Нижнем Дону приблизительно в 1740 г. В девятнадцать лет он участвовал в Семи-летней войне с Пруссией, а в 1769 г. осаждал Бендеры. Сославшись на болезнь, он отпросился домой, на Дон, где вскоре с ним случилась одна неприятность, за которую он был арестован и выпорот. Сбежав из заключения, он стал странствовать, оказался в Польше, затем вернулся оттуда с намерением поселиться у староверов в Нижнем Поволжье. Здесь он узнал о волнениях на Яике и побывал там в ноябре 1772 г. Увидев, как обозлены тамошние казаки и, вероятно, решив убедиться в их решимости, он пообещал им деньги, если они уйдут с ним в Турцию по примеру Некрасова и его соратников, сделавших это за пятьдесят с лишним лет до этого¹⁶⁸. Несомненно, он также слышал здесь о самозванце Богомолове. Возвращаясь из Яицкого городка на Волгу, Пугачев был схвачен и арестован в деревне Мальковка. Хотя на допросе он утверждал, что свои разговоры в Яицке вел на пьяную голову, его отправили в Казань для дальнейшего расследования. За свои непотребные речи и бегство в Польшу Пугачев был приговорен к битью кнутом и каторжным работам в западносибирском Пельме. Этот приговор был лично утвержден Екатериной, но еще до его получения в Казани 25 мая 1773 г. Пугачев сбежал. По непонятной причине донесение казанского губернатора фон Брандта об этом попало в Санкт-Петербург только в начале августа¹⁶⁹. Опасаясь, что Пугачев сбежит на юг, граф Чернышев приказал оренбургскому губернатору Рейнсдорпу узнать, не спрятался ли беглец у яицких казаков. 18 сентября Рейнсдорп ответил, что Пугачева на вверенной ему территории нет.

Но Пугачев как раз укрылся на Яике. Вскоре он сблизился с несколькими казаками, которые скрывались от уплаты штрафа, наложенного на участников январского бунта 1772 г. Они мечтали отомстить старшине и восстановить свою власть. Вероятно, тогда же Пугачев решил помочь казакам добиться этого, объявив себя царем Петром III, а они в ответ пообещали, что яицкие казаки примут его «с радостью». Между собой они решили, что Пугачев «пожалует» казаков, а казаки пообещали не выдавать его в случае неудачи. Это неписаное соглашение обозначило первоначальные цели восстания и

---

¹⁶⁸ После подавления Булавинского восстания в 1708 г. атаман Некрасов увел группу казаков, в большинстве своем старообрядцев, на Кубань, а затем в Турцию, где они прожили больше века (Новый энциклопедический словарь. Пг., 1916. Т. XXVIII. С. 265).

¹⁶⁹ Недатированные материалы о пребывании Пугачева в казанской тюрьме и побеге из нее см.: Российская национальная библиотека (далее — РНБ). Отдел рукописей. Ф. IV. 668. Папка 2. Л. 100–105 об.

нашло свое выражение в указах Пугачева, первый из которых появился 17 сентября 1773 г.¹⁷⁰

В нем Пугачев провозгласил себя «амператором» Петром Федоровичем (Петром III) и призвал яицких казаков («как вы, други мои, прежним царям служили до капли своей до крови») и состоявших среди них калмыков и татар служить ему. За это он пообещал простить им грехи и даровать «рякою с вершин и до уся и землею, и травами, и денежным жалованьям, и свинцом, и порохам, и хлебным правиянтам»¹⁷¹. Рождавшаяся в долгих муках, пугачевщина наконец разразилась.

После полудня 18 сентября Пугачев с почти сотней своих соратников подошел к Яицкому городку, надеясь арестовать местного коменданта, отомстить старшине и взять власть над Яицким войском. Не сумев запугать гарнизон из девяти сотен военнослужащих, повстанцы, однако, смогли схватить большую часть казачьего патруля, посланного за ними, а Пугачев приказал повестить 11 сторонников старшины. Этот акт скрепил кровью союз самозванца и казаков; Пугачев дал понять, что пойдет на все для достижения своих целей.

С самого начала восставшие повсюду искали поддержки. Указы Пугачева, составленные его соратниками на казацком наречии, обещали привилегии в обмен на помощь, а за неповиновение грозили расправой. Поэтому его второй указ (21 сентября), обращенный к казакам Илецкого городка, призвал их присоединиться к нему «в доказательство своей мне верноподданнической верности, положите оружие свое пред знаменами моими». То, что самозванец пытался воспользоваться противоборством казачьих группировок, видно из его заявления: «А когда атаман или старшины вам, редовым казакам, попредяствуют, то и самих их неволею пред меня привести, за что награжден тот, кто приведет их, будет». Наконец, он грозил, что «кто же, сверх чаяния моего, преслушает и не исполнит сего моего великаго повеления, тот вскоре почувствует, сколько жестоки приговорены муки изменникам моим»¹⁷².

Точно так же указ Пугачева к киргизам жаловал их «землею, водою и травами, и ружьями, и провиянтом, реками, солью и хлебом, и свинцом», даровал «свободу» для всех, кто ему будет служить, и просил прислать 200 вооруженных людей¹⁷³. А башкирам «сладозычной, милостивый, мяхкосердечный российский царь, император

---

¹⁷⁰ Андрущенко А. И. О самозванстве Е. И. Пугачева и его отношении к яицким казакам // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 146–150.

¹⁷¹ Пугачевщина. М.; Л., 1926. Т. I. С. 25.

¹⁷² Там же. С. 26, 273.

¹⁷³ Там же. С. 26–27.

Петр Федорович», говорил: «Заблудившись, изнурительныя, в печале находящияся, по мне скучившияся, услыша мое имя, ко мне иди». Воскресший император даровал их «во-первых, даже до последка землями, водами, лесами, жительствовами, травами, реками, рыбами, хлебами, законами, пашнями, телами [?], денежным жалованьем, свинцом и порохом, как вы желали, так пожаловал по жизнь вашу. И пребывайте так, как степныя звери». Он прощал им прежние «продерзости» и «всех вас пребывающих на свете» освобождал, дав «волю детям вашим и внучатам вечно». Раздав эти обещания, самозванец объявил о своем предстоящем прибытии к башкирам, приказав им: «С усердием вашим для смотрения моего светлаго лица встречю выезжайте»¹⁷⁴.

С помощью этих лукавых воззваний Пугачев разжег восстание, вспыхнувшее и покотившееся по сухой степи, как огонь по прерии. 21 сентября повстанцы взяли Илецкий городок, жители которого встретили их хлебом-солью. Оренбургский губернатор Рейнсдорп узнал о восстании только через четыре дня после того, как сообщил в Военную коллегию, что Пугачева здесь нет. Когда он направил помощь Илецку, Пугачев уже шел к Татищевой крепости¹⁷⁵. Численность его войска, вероятно, составляла к тому времени около тысячи человек. Ежечасно увеличиваясь, оно двинулось на восток и 5 октября осадило Оренбург, расположившись лагерем в Берде, в нескольких милях от городских стен.

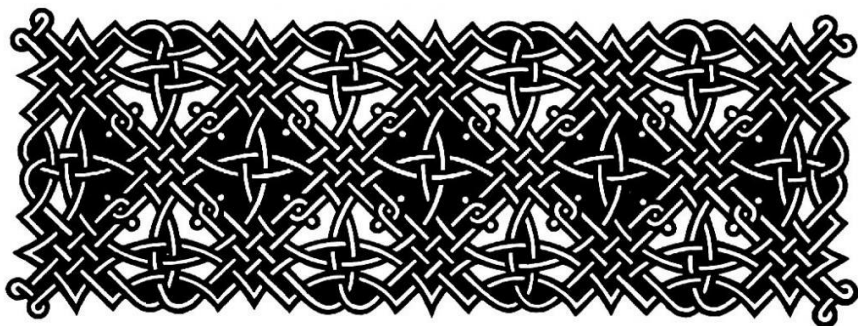
В городе имелось около 3000 мужчин, способных носить оружие. Из них, однако, только 174 были регулярными солдатами: 1300 являлись служащими гарнизонов, 100 — новобранцами, 400 — казаками, 350 — татарами, 500 — отставными солдатами и горожанами. Оборонительная система города находилась в плачевном состоянии, несколько бастионов были в полуразрушенном состоянии, а протяженная городская стена — более трех миль длиной — делала его особенно уязвимым при одновременной атаке с разных сторон¹⁷⁶. Казалось, что без помощи извне Рейнсдорпу будет худо, однако он ограничился информированием о передвижениях бунтовщиков сибирского, казанского, астраханского губернаторов и воеводы Исетской провинции, чтобы те успели организовать оборону, если повстанцы пойдут к ним. Очевидно, Рейнсдорп считал, что сможет легко отбить любой натиск неприятеля и разбить его разношерстные отряды. Но блокада Оренбурга растянулась почти на полгода.

---

¹⁷⁴ Там же. С. 29—30.

¹⁷⁵ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 25—27.

¹⁷⁶ Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч. 2. С. 14; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 32—35.

IV ЯЗВА XVIII ВЕКА

Отправленный из Санкт-Петербурга в ночь на 14 октября с карательной экспедицией, генерал Кар спешил выполнить данный ему приказ. Он прибыл в Москву 20 октября и уже следующим утром выступил в Казань. Несмотря на плохие дороги и холод, 31 октября он был менее чем в 300 милях от Оренбурга. Но если скорость передвижения его отряда вызывает удивление, то этого нельзя сказать о численности карательного войска, которое в этом отношении напоминало прошлогодний отряд генерала Фреймана. У Кара было всего около 3000 пехотинцев и 5 орудий, но большинство людей были либо гарнизонными служащими, либо плохо вооруженными гражданскими лицами. Только около 600 были настоящими солдатами. Остальные его силы до начала ноября все еще оставались в Москве. Отсутствие у Кара кавалерии крайне отрицательно сказалось на его действиях в этих обширных пространствах¹⁷⁷.

Оставив примерно 800 солдат в Кичуеве для защиты юго-восточных рубежей Казанской губернии, Кар 31 октября сообщил, что идет на Оренбург по Новой Московской дороге с почти 1700 человек. Комендант поволжского Симбирска полковник Чернышев (видимо, не имеющий никакого отношения к главе Военной коллегии графу Чернышеву) шел с примерно 1000 гарнизонными служащими, казаками и калмыками на Самарскую линию в Бузулук, а оттуда планировал подойти к Оренбургу с запада. Кар полагал, что бунтовщики не решаться напасть на Чернышева. Кроме того, Уфимская провинциальная канцелярия обещала предоставить Кару

¹⁷⁷ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 92–96.

2000 башкир¹⁷⁸. Кар не знал, что в Троицкую крепость (недалеко от верховьев Яика) из Сибирской губернии идет генерал Деколонг. Таким образом, наступление на повстанцев должно было начаться с трех сторон.

Кар планировал напасть на пугачевцев неожиданно. В противном случае отсутствие у него конницы и легкой пехоты, наряду с наступающими холодами и нехваткой продовольствия и фуража осложнило бы преследование противника. В письме, направленном 15 ноября Кару из Санкт-Петербурга, граф Чернышев высоко оценил его план по скорой поимке «бездельника Пугачева» и прилагал копии депеш генералу Деколонгу. Однако за пять дней до того, как Военная коллегия отправила эти приказы, ситуация в районе восстания коренным образом изменилась. Генерал Кар спешил к Оренбургу, надеясь атаковать Пугачева с двух сторон. Но незнакомый с этой местностью и не имея хорошей разведки, генерал недооценил своего недруга. Отсутствие связи между тремя карательными отрядами и единого командования над ними привело к катастрофе. 8–9 ноября около деревушки Юзеева, в 65 милях севернее Оренбурга, 2000 конных повстанцев с 9 пушками, взятыми с местных заводов, неожиданно напали на команду Кара со всех сторон и под шквальным огнем вынудили ее отступить. Кар срочно запросил подкреплений у Военной коллегии, особенно кавалерию, легкую пехоту и артиллерию. Против конных казаков пехота оказалась бессильной, поскольку не могла захватить артиллерию бунтовщиков: неприятель запрягал лошадей в лафеты, быстро перевозил их к следующему холму и открывал огонь снова, «что весьма проворно делают и стреляют не так как бы от мужиков ожидать должно было», — жаловался генерал¹⁷⁹. К чести Кара и Фреймана, в столь отчаянной ситуации им удалось провести отступление организованно. 11 ноября Кар писал графу Чернышеву, что он передает командование генералу Фрейману, а сам выезжает в Петербург, чтобы лично доложить о ситуации. В ответ Чернышев

---

¹⁷⁸ Кар — Екатерине, 31 октября 1773 г.: Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: бумаги Кара и Бибикова: со снимком с приписки Бибикова на последнем его донесении Екатерине // Записки имп. Академии наук. СПб., 1862. Т. I. Приложение 4. С. 21–22.

¹⁷⁹ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 99–101. Чернышев — Кару, 15 ноября 1773 г., Кар — в Военную коллегию, 6 и 11 ноября 1773 г.: Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: бумаги Кара и Бибикова: со снимком с приписки Бибикова на последнем его донесении Екатерине. С. 23–29.

приказал генералу вернуться к своим войскам и предписал генерал-губернатору Волконскому не пропускать его через Москву¹⁸⁰.

Как только бунтовщики разбили идущий против них отряд, Кар приказал полковнику Чернышеву не уходить из Переволоцкой крепости, а отступить в Сорочинскую, чтобы укрыться под защитой Самарской линии. Но в ночь на 13 ноября, прежде чем курьер Кара смог прибыть к нему, полковник Чернышев вышел со своей командой и большим обозом из Чернореченской, находившейся почти в двадцати милях от Оренбурга. Пугачев узнал о его марше за день до этого и решил воспользоваться столь удобным случаем. Около девяти часов утра, в трех милях от Оренбурга повстанцы напали на ничего не подозревающего Чернышева и за пятнадцать минут разбили его. Полковник и большинство офицеров были взяты в плен и повешены, а солдаты присягнули Пугачеву и вступили в его войско. Однако в тот же день бригадир Корф, выйдя из крепости Озерная на левом берегу Яика, спокойно привел в Оренбург примерно 2400 человек с 22 пушками — эта была третья шедшая на помощь городу команда. Устроив попойку по случаю утренней победы, осаждавшие проморгали отряд Корфа и не успели его перехватить. Эта тактическая ошибка, возможно, не позволила Пугачеву взять Оренбург¹⁸¹.

После разгрома Кара и Чернышева самозванец стал хозяином всего этого региона, за исключением разве что Оренбурга. Лидер повстанцев не сидел, сложа руки. Его «Военная коллегия» делала все, чтобы распространить восстание вширь. Волнения среди башкир достигли такой степени, что генералу Деколону пришлось отказаться от планов наступления на Оренбург и заняться обороной границ Исетской провинции. В декабре отряды восставших башкир появились под Уфой. Поскольку их стрелы, копья и дубинки не могли противостоять ружьям и пушкам защитников города, они попросили «Петра Федоровича» прислать им подкрепление и пушки. Для руководства восстанием в Башкирии Пугачев направил своего ближайшего сподвижника Ивана Зарубина (по прозвищу Чика). Чика, ставший вдруг «графом Иваном Чернышевым», разместил свою штаб-квартиру под Уфой, в деревне Чесноковка, откуда руководил осадой города и рассылал отряды для взятия Красноуфимска и Челябинска. Со всех концов к нему приходили башкиры и русские заводские крестьяне. Отряды башкир угрожали Кунгуру и Екатеринбург. На се-

---

¹⁸⁰ Кар — Чернышеву, 11 ноября 1773 г., Чернышев — Кару, 25 ноября 1773 г.: Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: бумаги Кара и Бибилова: со снимком с приписки Бибилова на последнем его донесении Екатерине. С. 31–33.

¹⁸¹ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 105–111.

веро-западе региона повстанцы взяли Заинск и присматривались к Бирску и Мензелинску. На юго-западе Пугачев послал атамана Илью Арапова на беззащитную Самарскую линию, где тот занял пригород Алексеевск и 25 декабря торжественно вступил в Самару. Хотя у восстания имелись локальные особенности, оно быстро приобрело антидворянский характер, сопровождавшийся грабежом усадеб, захватом заводов, вербовкой в свои ряды новых сторонников, роспуском приписных крестьян по домам (где они иногда также организовывали беспорядки). К 7 декабря генерал Фрейман, скрывавшийся на границе Казанской губернии близ Кичуева, уже не влиял на распространение восстания и помощь Уфе, ибо сам в любой момент мог оказаться отрезанным от Казани¹⁸².

Сокрушительное поражение генерала Кара, 21 ноября проехавшего через Казань, и новости о разгроме полковника Чернышева не могли затмить слухов о предстоящем походе повстанцев на Казань. 28–29 ноября город охватила паника. Власти были деморализованы, дворяне бежали, а несколько тысяч преступников, содержавшихся в городе, с нетерпением ждали прибытия «мужицкого царя». Уверениям губернатора фон Брандта, что бунтовщики нисколько не опасны, никто не верил, ибо все знали, что сам он уже вывез свою жену и имущество из города. Мелкие дворяне, купцы, чиновники и горожане были готовы сделать или уже сделали то же самое. В городе остались лишь часть духовенства и простонародье. 5 декабря настоятель Платон Любарский нашел город полупустым, хотя паника понемногу уже улеглась¹⁸³. Если бы повстанцы двинулись на Казань сейчас, они легко бы смогли ее взять.

Прибытие 30 ноября в Москву генерала Кара наряду со слухами о чудовищной жестокости восставших по отношению к дворянам и офицерам вызвали небывалую панику в старой столице. Несмотря на то что Екатерина сразу же приказала Военной коллегии уволить генерала, который тяжело больной лежал в постели, многие дворяне были возмущены его трусостью¹⁸⁴. Кар своим «беспутным поступ-

---

¹⁸² Там же. С. 122–124. Фрейман — в Военную коллегию, приблизительно 6 декабря 1773 г.: Пугачевщина. М.; Л., 1931. Т. III. С. 12–13.

¹⁸³ Фон Брандт — Чернышеву, 25 ноября 1773 г.: Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: бумаги Кара и Бибикова: со снимком с приписки Бибикова на последнем его донесении Екатерине. С. 35. Любарский — Бантыш-Каменскому, 5 декабря 1773 г.: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Госархив. Разряд VI. Д. 527. Л. 30.

¹⁸⁴ Ю. В. или В. Ф. Бибиков — Чернышеву, 30 ноября 1773 г.: Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: бумаги Кара и Бибикова: со снимком с приписки Бибикова на последнем его донесении Екатерине. С. 36. Позднее Екатерина раздраженно писала, что Кар «так худо

ком, — писала из Москвы своему родственнику княгиня Куракина 8 декабря, — сделался в публике единогласно ненавидим, и все ропщут, что так снисходительно с ним решили»¹⁸⁵. Несомненно, большая часть этого негодования была вызвана страхом и растерянностью перед лицом угрозы общественному порядку; вскоре стало известно и об антидворянской направленности восстания, что произвело большое впечатление на правящий класс. Поэтому, когда в начале декабря князь Степан Куракин получил в Москве приказ отправиться в Казань для борьбы с бунтовщиками, он признался своему брату Александру:

Я желал бы лучше сделать две кампании против неверных турков, чем нежели противу оного злодея, для того что, ежели бы несчастье мое было, чтоб я попался в неволю к туркам, то я б еще ласкался пользоваться своей жизнью; но, напротив того, когда я попадусь к оному злодею, то я уже знаю, что мне не миновать виселицы¹⁸⁶.

С поражением Кара проблемы для правительства не закончились. Сразу после его отъезда пришли новые тревожные известия из осажденного Оренбурга. Отправленный губернатором Рейнсдорпом 25 сентября рапорт шел до Петербурга долго из-за болезни, случившейся с курьером по дороге, захвата Пугачевым Илецка и расширения восстания. В рапортах от 7 и 9 октября сообщались еще худшие новости. Рейнсдорп писал о взятии самозванцем Татищевой, признавался, что бессилен противостоять бунтовщикам, численность которых достигла уже почти 2000 человек. В восстании активно участвовали башкиры, а киргизы пока колебались; Оренбург был отрезан от внешнего мира. Прося выделить срочную помощь, губернатор опасался, что Пугачев может вызвать раздрай во всем государстве¹⁸⁷.

Донесения из соседних с Оренбургской губернией территорий свидетельствовали о том, что восстание ширится и чтобы лучше отслеживать этот процесс, Екатерина попросила дать ей новейший атлас России и карты. Она хотела знать, что и где происходит в ее стране¹⁸⁸.

действовал, что только увеличил зло вместо того, чтобы уменьшить его; я выключила его с бесчестьем из службы своей» (Екатерина — г-же Бельке, 16 января 1774 г.: РИО. Т. XIII. С. 383).

¹⁸⁵ Княгиня А. А. Куракина — князю Александру Куракину, 8 декабря 1773 г.: Архив Куракина. Саратов, 1898. Т. VII. С. 255.

¹⁸⁶ Степан Куракин — Александру Куракину, 5 декабря 1773 г.: Там же. С. 252—253.

¹⁸⁷ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 440—441. Рейнсдорп — Екатерине, 7 октября 1773 г.: РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 8—10 об.

¹⁸⁸ Повеление Екатерины 21 октября 1773 г.: РИО. Т. XIII. С. 365.

Чтобы предотвратить дальнейшее распространение восстания, Санкт-Петербург решил блокировать охваченные волнениями районы. Для нейтрализации призывов повстанцев к населению бунташного Волго-Донского региона императрица объявила прощение всем беглым донским и яицким казакам. По настоянию графа Чернышева прощению подлежали также беглые солдаты, если они вернуться в армию до 1 апреля 1774 г. Кроме того, на восток страны были переброшены силы для создания заградительного кордона вдоль Волги. В Казань из Москвы была направлена гренадерская рота, четыре легких полевых корпуса переводились из недавно образованных западных губерний в Саратов, два гусарских эскадрона были отозваны с Дона в Царицын. Находившийся в Москве генерал Кречетников был назначен астраханским губернатором и направлен в Саратов, чтобы устроить там свою штаб-квартиру по борьбе с восстанием. Наконец, 700 башкирским воинам было приказано немедленно отправиться из Смоленска в Оренбург. Продолжая добиваться максимальной секретности, Военная коллегия сообщила командирам этих отрядов, для чего их отправляют на восток, но потребовала держать это в тайне¹⁸⁹.

В первые недели ноября известия с мест восстания стали более обнадеживающими. Занятая охотой на рябчиков в Царском Селе, Екатерина полагала, что опасаться нечего: 14 ноября Военная коллегия получила от Кара рапорт, что он собирает силы на границе Оренбургской губернии для разгрома самозванца, генерал Деколонт сообщал с верхнего Яика о своем движении к Оренбургу¹⁹⁰. Однако вечером 24 ноября в столицу пришло известие о разгроме Кара.

В то воскресенье, в день своих именин, Екатерина получила в подарок от Григория Орлова удивительный алмаз, который, по словам ее бывшего фаворита, стоил 500000 руб.¹⁹¹, а ночью ей вручили депеши от Кара и Рейнсдорпа. Из рапорта Кара она узнала, что он отбивался от бунтовщиков и в итоге был вынужден отступить, а из сообщения Рейнсдорпа следовало, что численность осаждавших Оренбург достигла 10000 человек, включая 4000 башкир, 1400 казаков и 700 калмыков. К ним следовало добавить около 3000 солдат, татар и заводских крепостных и почти 80 пушек. Рейнсдорп признавал, что под влиянием агитации восставших их ряды росли, а отсутствие кавалерии у осажденных серьезно сказывалось на обороне города.

---

¹⁸⁹ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 439–440; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 67–68.

¹⁹⁰ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 441. Двор находился в Царском Селе с 9 по 25 ноября: Камер-фурьерский журнал 1773 года. СПб., 1863. С. 858, 893.

¹⁹¹ Гуннинг — Суффолку, 28 ноября 1773 г.: РИО. Т. XIX. С. 390.

Поэтому он ждал прихода отрядов генералов Кара и Фреймана, «толко, в каком они состоянии и количестве людей, далеко ль отсель находятца, и скоро ль сюда придут, известия не имею»¹⁹².

Эти печальные известия сильно встревожили императрицу. Стало ясно, что первоначально расцененное ею и ее советниками как обычный казачий бунт выступление на самом деле оказалось крупномасштабным восстанием, страшным пожаром, охватившим всю юго-восточную границу империи. Правительство совершенно недооценило характер и силу этого взрыва. Оно послало генерала Кара с обычной карательной экспедицией для усмирения бунтовщиков, но вместо неорганизованной толпы разношерстное войско Кара столкнулось с хорошо вооруженным и имевшим опытных командиров противником, который сразу взял инициативу в свои руки, отбросил и разгромил правительственную команду. В тот же день Екатерина начала собирать новое войско для подавления бунта. После ужина она предложила возглавить борьбу с самозванцем генералу Александру Ильичу Бибикову¹⁹³.

Бибиков, лишь недавно оказавшийся при дворе после возвращения из Польши, был тем человеком, в котором так нуждалась сейчас Екатерина. Выходец из семьи московских дворян, он получил боевой опыт в Пруссии во время Семилетней войны, а в 1764 г. сменил князя Вяземского (напомним, тот в 1763 г. стал генерал-прокурором Сената) во главе комиссии по подавлению волнений крепостных на заводах Казанской губернии. Но он проявил себя не только на войне. Хорошо образованный, обучавшийся в Саксонии вельможа, Бибиков был близким другом братьев Паниных и разделял их реформистские идеи. Это, а также личное доверие к нему Екатерины способствовали его назначению главой Уложенной комиссии 1767–1768 гг. Позже, в 1770–1771 гг. он сопровождал прусского принца Генриха в ходе визита последнего в Санкт-Петербург. С 1771 по август 1773 г. Бибиков воевал против польских конфедератов, затем Военная коллегия планировала направить его на Дунай, но Бибиков не захотел служить под командованием своего недоброжелателя Румянцева и получил разрешение прибыть ко двору, чтобы получить другое назначение¹⁹⁴.

---

¹⁹² Рейнсдорп — Екатерине, 16 ноября 1773 г.: Пугачевщина. Т. III. С. 231–233; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 173, прим. 3.

¹⁹³ Нам известно, что генерал Бибиков 24 ноября находился в Царском Селе. Следовательно, в этот день он и мог получить свое назначение: Камерфурьерский журнал 1773 года. С. 887–890.

¹⁹⁴ Бибиков А. А. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. 2-е изд. М., 1865. *Passim*; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 170–173.

Таким образом, Бибиков был идеальным кандидатом на должность руководителя борьбы с восстанием. Он был хорошо известен и уважаем как столичными, так и провинциальными дворянами. Ранее он уже подавлял народные выступления в этих местах. Кроме того, его назначение должно было примирить Екатерину со сторонниками Панина. Под нажимом государыни Бибиков согласился принять ее предложение.

В то же время императрица всерьез полагала, что восстание можно подавить, если отправить в бунтующие области гражданское лицо — сенатора Д. В. Волкова. Опытный чиновник, а ныне президент Мануфактур-коллегии, Д. В. Волков хорошо знал Оренбуржье, поскольку в 1763–1764 гг. служил там губернатором. Вероятно, Екатерина хотела, чтобы Бибиков сосредоточился исключительно на военных вопросах, а гражданскими занимался бы Волков. Так или иначе, она составила временные инструкции для сенатора, наделив его обширными полномочиями¹⁹⁵. Подводя итоги дня, Екатерина заметила одному из своих секретарей, Сергею Козьмину:

Кару не суще удачно было: он был окружен, людей немалое число потерял; у злодеев сказывают 70 пушек. Я посылаю Бибикова и с 3-мя полками, да Волкова, к которому приложенное письмо приговорила. Пока указы пишут о Бибикове и Волкове, прошу оное переправить и князю Орлову показать завтра. Добра ночь. Понедельник, в 10 часов по полудни. Каро (sic) потерял трамонтан [сбился с толку], сюда скачет¹⁹⁶.

Утром 25 ноября Императорский совет собрался для обсуждения поражения Кара. Хотя члены совета были возмущены его бегством и просьбой об отставке, они поддержали просьбу генерала о посылке в Оренбург подкрепления и поручили выделить для этого несколько регулярных полков. Совет приказал Кару вернуться к своему войску, одновременно признав необходимым послать «именитого генерала» на место восстания¹⁹⁷. Тем временем Екатерина занималась подготовкой нового манифеста против повстанцев. 27 ноября Изюмскому гусарскому (из Ораниенбаума), 2-му гренадерскому (из Нарвы) и Владимирскому пехотному (из Шлиссенбурга) полкам было приказано немедленно выступить в Казань через Москву, используя, если нужно, ямские подводы. В тот же день было решено отправить из столицы в

---

¹⁹⁵ Amburger E. Op. cit. S. 229, 403. Черновик письма Екатерины Волкову и указ, извещавший московский департамент Сената о его миссии, вероятно, так и не отосланные, см.: РГАДА. Ф. Тайная экспедиция. 1-й департамент Сената. Д. 1657. Л. 6–7.

¹⁹⁶ Екатерина — Козьмину, [24] ноября 1773 г.: РИО. Т. XIII. С. 367.

¹⁹⁷ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 442.

Казань шесть шестифунтовых пушек с полным числом прислуги. Еще два полка были переведены из Польши в Смоленск, а три гусарских эскадрона отправлены в Санкт-Петербург. Через несколько дней генералу Петру Голицыну было приказано присоединиться к Бибикову в Москве, а генералу Мансурову — встретить смоленские команды в поволжском Симбирске¹⁹⁸.

В четверг, 28 ноября, Екатерина, открывая заседание совета, выразила сомнение, что Оренбург сможет продержаться три месяца до прибытия подкрепления. Однако граф Чернышев заверил ее, что посланные туда войска уже через два месяца освободят город, а тем временем его защитники будут покупать продовольствие у киргизов. Полагая, что восстание инспирировано из-за рубежа, князь Орлов предположил, что оно, вероятно, зародилось в Казани, ибо перехваченные письма повстанцев были написаны по-татарски, а у самозванца не могло оказаться столько сторонников¹⁹⁹. Чтобы узнать мнение об отправке против повстанцев сенатора Волкова, Екатерина спросила своих советников, нужно ли направить в мятежный край человека для ведения гражданских дел или следует все отдать в руки генерала Бибикова. Совет признал целесообразным последнее, ибо было ясно, что с восставшими придется бороться в основном силой оружия.

В этот момент Екатерина пригласила в зал заседаний генерала Бибикова, после чего огласила перечень его полномочий и инструкций. В отличие от Кара, Бибикову была предоставлена вся полнота власти в гражданских, военных и духовных делах на мятежных территориях, его приказы приравнивались к указам императрицы. Ему было обещано предоставить в самое ближайшее время людей и солдат, и разрешалось использовать налоги, собранные в Казанской и Нижегородской губерниях²⁰⁰. Бибикову было приказано немедленно двинуться в Казань, набрать там местных дворян, указывая, что

не может им быть закрыто, что дворяне и чиновные люди, попавшие доныне по несчастию в руки мятежников, все без изъятия и без малейшей

---

¹⁹⁸ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 167, 178.

¹⁹⁹ Будучи генерал-фельдцейхмейстером артиллерии и главой Канцелярии опекунства иностранных поселенцев, Григорий Орлов располагал некоторыми независимыми источниками информации и получал отчеты о восстании от своих подчиненных из пограничных с Оренбургской губернией мест. См., например, отчет ему от генерала Баннера из Казани 10 октября 1773 г., опубликованный в качестве приложения к работе: Каложный И. Д. Общие предпосылки крестьянской войны в России в XVIII в. // Записки Удмуртского науч.-исслед. ин-та истории, языка, лит. и фольклора при СНК Удмуртской АССР. Ижевск, 1940. Т. IX. С. 55–56.

²⁰⁰ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 442–443.

пощады преданы лютейшей и поносной смерти, которого жребия натурально и они все один по другому ожидать должны, если б, от чего Боже сохрани, восстание и мятеж черни при самозванце Пугачеве иногда собственным их нерадением и небрежением мог переступить пределы Оренбургской губернии и заразить ядом своим Казанскую²⁰¹.

Ожидая свои войска в Казани, Бибииков должен был наблюдать за передвижением повстанцев, «познав прямо их силы, их связь в земле, их ресурсы пропитания; их внутреннее между собою управление, словом физическое и моральное их положение во всех частях». Затем ему предстояло перейти в наступление против этой «черни, движущейся одним бурным фанатизма духовного или политического вдохновением и помрачением». К жалованью Бибиикова Екатерина добавила еще 5000 руб. ежегодно²⁰².

После этого совет обсудил текст манифеста императрицы против Пугачева. Он был составлен в привычном для Екатерины вычурном стиле. В документе особо отмечалось значение для общества «внутреннего благоустройства, покоя и тишины», затем оправдывался политический курс властей, в частности, война с турками. Если раньше, отмечала Екатерина, русские считались в Европе варварами, «подобно туркам и другим нечестивым народам», то теперь «труды наши в сем великом подвиге начинали, по благодати Всевышнего, приносить действительные плоды, превращая презрение и отчуждение других христианских народов к имени россиян в прямое и многих из окрестных народов завидное уже почтение». «Кто не утоплен в невежестве, — заявляла императрица, — и у кого не окаменело совсем сердце к отечеству, тот не может не познать сей для славы и величества империи толь важной и полезной перемены. Но чем более по времени и по продолжительным нашим неутомленным стараниям, в коих обыкли мы ни мало не щадить собственного нашего покоя в угодную жертву всевышнему подателю всех благ, приближалось то время, когда просвещение, человеколюбие и милосердие, насажденные и еще насаждаемые нами во нравах и в законах, предвещали и готовили на будущее время нам самим и потомству нашему богатую жатву сих сладчайших плодов: с тем вящим оскорблением и поражением матернего нашего сердца принуждены мы ныне слышать, что беглый с Дону казак Емельян Пугачев, скитавшийся пред сим в Польше, по примеру прежнего государственного злодея и предателя Гришки Расстриги, отважившись, даже без всякого подобия и вероятности, взять на себя имя покойного императора Петра III, тем не меньше предупредил в своем изменническом и злодейском умысле сначала присоединить к себе

---

²⁰¹ Екатерина — Бибиикову, 29 ноября 1773 г.: РИО. Т. XIII. С. 370.

²⁰² Там же. С. 369–373.

толпу бродяг и подобных ему злодеев, а потом с помощью оных обольстить и принудить в сообщении себе и некоторую часть жителей Оренбургской губернии». И это в то время, когда империя ведет тяжелую войну с нечестивым и непримиримым врагом! Затем Екатерина дала мрачное описание картины Смутного времени с его страшными последствиями гражданской войны, самозванцев и иностранной интервенции, завершив его словами: «О! удали от нас, Боже, возобновление подобных плачевных позорищ».

Успехи Пугачева царица объясняла тем глубоким невежеством, «в коем тамошний край по удалению своему более других погружен еще был». Однако она надеялась, что «прилепившиеся» к Пугачеву «скоро познают заблуждение свое, и не захотят до конца и истребления своего пребыть орудиями скарднейшего и злейшего врага государственного». Она убеждала своих верноподданных оказать сопротивление Пугачеву, призвала его соратников покинуть самозванца и дать новую присягу на верность ей. В противном случае его соратникам стоит ждать не пощады, а «самой строжайшей и неизбежной казни, так и в будущем веце бесконечной, но праведной и достойной муки от страшного судии всего рода человеческого, яко изверги оного и разрушители священнейших союзов гражданского общежития, следовательно же и оскорбители самых божественных законов и самой церкви христовой»²⁰³.

Князь Орлов и граф Чернышев упрекнули Екатерину за ее аналогии со временами Лжедмитрия, возражая, что тогда все государство было в смятении, а теперь речь идет только о черни, да и то лишь в одном месте. Это сравнение, считали они, может освежить воспоминания у людей о тех временах и даже «возгордить» мятежников. Однако императрица продолжала настаивать на своем, полагая, что сравнение Пугачева с Лжедмитрием вызовет у народа «омерзение» к самозванцу. Но она согласилась на некоторое смягчение фразеологии. Екатерина также решила не присуждать награду за мертвого Пугачева и поручила генералу Бибикову сообщить всем, что вознаграждение получит только тот, кто приведет самозванца живым. Совет предписал Бибикову взять с собой несколько офицеров охраны и двенадцать grenадер²⁰⁴. Среди них был молодой поручик Гавриил Романович Державин, уроженец Казанской губернии, ставший впоследствии знаменитым поэтом и администратором.

Вероятно, Екатерина надеялась, что ее манифест окажет большое воздействие на повстанцев, однако этого не произошло из-за его мно-

---

²⁰³ Его публикацию (с ошибочной датой 23 декабря) см.: Пушкин А. С. Указ. соч. С. 168–172.

²⁰⁴ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 443–444.

гословности и витиеватого стиля. Совсем иную форму имели просто-народные по стилю указы неграмотного «мужицкого царя». Екатерининский манифест с соблюдением строжайшей секретности был напечатан церковно-славянским шрифтом в Синодальной типографии в Москве. 18 декабря генерал-губернатор Волконский лично передал в Москве 1200 экземпляров этого документа генералу Бибикову²⁰⁵.

Датированный 29 ноября, этот новый манифест против Пугачева, как и предшествовавший ему документ от 15 октября, не был рассчитан на всеобщее оглашение. Императрица поручила Бибикову распространять его только в охваченных восстанием местах. Возможно, она считала, что старинный шрифт документа придаст ему больше убедительности и будет лучше понятен местному духовенству, которое должно было громко читать его в деревнях.

Получив сообщения о начале восстания, правительство попыталось сделать все, чтобы об этом никто не узнал. Оно полагало, что бунт инспирирован извне — возможно, Турцией, Польшей, Францией или Швецией — чтобы помешать действиям России в Польше и Причерноморье. По мнению князя Орлова, эти державы сделали ставку на различные татарские народности, проживавшие вокруг Казани, и находившихся здесь многочисленных ссыльных польских конфедератов²⁰⁶. За год до этого Тайная экспедиция раскрыла заговор между конфедератами и старшиной запорожских казаков Максимом Высоцким, сосланным за это в Сибирь²⁰⁷. Екатерина была настолько

---

²⁰⁵ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 169; Бибиков — Вяземскому, 18 декабря 1773 г., Вяземский — Волконскому, 5 декабря 1773 г., Вяземский — Волконскому, 19 декабря 1773 г., Волконский — Вяземскому, 20 декабря 1773 г.: РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 35–36, 46–47.

²⁰⁶ Видимо, у русских были все основания подозревать казанских татар в сочувствии Османской империи. Один турецкий военнопленный вспоминал, что среди тех, кто брал его в плен, были казанские татары, сообщившие ему, что их муллы тайно приказали им переходить на сторону турок при первой же возможности. Однако шпионы среди них донесли об этом русским, в результате чего татар поделили на небольшие отряды и распределили их по всей армии (Записки Мухаммеда Неджати-эффенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // Русская старина. 1894. Т. LXXXI. Апрель. С. 199). Что касается польских конфедератов, то согласно В. А. Спиркову, они почти не участвовали в восстании ни с какой его стороны (Спирков В. А. Участие пленных польских конфедератов в Крестьянской войне в России в 1773–1775 гг. // Вестник Ленинградского университета. Сер. истории, языка и литературы. 1963. № 14, вып. 3. С. 19–30).

²⁰⁷ Джинчарадзе В. З. Указ. соч. С. 103–104.

сбита с толку внезапностью и жестокостью восстания, что решила, будто бы за ним стоят либо иностранцы, либо внутренние враги.

Чтобы выяснить это, императрица приказала Бибикову допросить несколько содержащихся в Казани пугачевских «разглашателей». Она поручила гвардии капитану Александру Лунину и опытному сотруднику Тайной экспедиции Сената Ивану Зряхову помочь Бибикову выявить корни восстания. С согласия Екатерины Бибиков выбрал еще двух гвардейских офицеров — капитан-поручика Савву Маврина и подпоручика Василия Собакина, чтобы полностью укомплектовать штатом этот следственный орган, позже названный Казанской секретной комиссией²⁰⁸.

Став филиалом Тайной экспедиции Сената, эта комиссия непосредственно подчинялась личному представителю Екатерины генералу Бибикову. 30 ноября он приказал капитану Лунину и остальным ее сотрудникам немедленно выехать из Казани, поручив губернатору фон Брандту передавать пленных в руки комиссии. Бибиков проинструктировал своих сотрудников, что делать с пленными пугачевцами. Сначала требовалось выяснить, посланы ли они были Пугачевым, и если да, то с какой целью, затем, тщательно изучив намерения бунтовщиков, определить причины восстания и выявить, не было ли при этом какого-то иностранного умысла. При этом в ходе следствия следовало использовать кнут и пряник.

Далее Бибиков предписывал, чтобы члены комиссии были готовы к работе в любое время суток. В частности, они ни с кем не должны обсуждать свои дела. Вести переписку мог только один Лунин. Вся деятельность комиссии была строго засекречена и о ней знала только императрица²⁰⁹.

Ситуация в районе мятежа с каждым днем становилась все тревожнее и вскоре слухи об ужасах восстания дошли до Санкт-Петербурга и Москвы. Князь Волконский писал из Москвы, что отправил в Казань еще двести grenадеров и два орудия, однако прямо заявил Екатерине, что для пресечения беспорядков необходимо несколько полков²¹⁰. В это время императрица узнала о разгроме и гибели полковника Чернышева и о нападениях повстанцев на Уфу²¹¹. Хотя шок от поражения Кара уже прошел, новые известия произвели

---

²⁰⁸ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 178; Екатерина — Бибикову, 29 ноября 1773 г.: РИО. Т. XIII. С. 372.

²⁰⁹ Бибиков — Лунину, 30 ноября 1773 г., Лунин — гвардейскому капитану в Казани, 20 декабря 1773 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 507, ч. I. Л. 1—3 об.

²¹⁰ Волконский — Екатерине, 23 ноября [оригинал в РГАДА помечен 27 ноября] 1773 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 100.

²¹¹ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 444.

большое впечатление на императрицу и ее окружение. Чтобы пресечь вредные слухи и успокоить население, Екатерина стала готовиться к публичному заявлению по поводу восстания. 10 декабря она поделилась своими мыслями с близким другом, новгородским губернатором Яковом фон Сиверсом:

Два года тому назад я имела чуму в сердце государства, в настоящую минуту у пределов царства Казанского у меня такая политическая чума, из-за которой много хлопот: ваш любезный и достойный сотоварищ Рейнсдорп уже целые два месяца как осажден скопищем разбойника, который производит страшные жестокости и разорения. Генерал Бибииков отправляется туда с войсками, прошедшими через вашу губернию, дабы укротить эту язву XVIII века, которая не принесет ни славы, ни выгоды России. Надеюсь, однако, что с помощью Божьей мы одержим верх, потому что эти мерзавцы (*canailles*) не имеют на своей стороне ни порядка, ни искусства: это сброд негодяев, имеющих во главе обманщика столь же наглого, сколь невежественного; вероятно все кончится виселицами; но каково это ожидание, господин губернатор, для меня, которая не любит виселиц? Европа, в мнении своем, причтет нас ко времени царя Ивана Васильевича! Таков почет, которого должны мы ожидать от этой презренной проделки. Я повелела более не делать тайны из этого происшествия, потому что полезно, чтобы люди степенные высказывали о нем свои мнения и говорили о нем в том духе, как оно должно было рассматриваемо...²¹²

Поскольку восстание все расширялось, Екатерине пришлось принять дополнительные меры против него. На заседании Императорского совета 9 декабря генерал-прокурор Вяземский доложил о ее предложении поручить Сенату издать указ о возобновлении в соседних с мятежными областями мер безопасности, использовавшихся во время эпидемии чумы в 1771 г. В деревнях предполагалось установить рогатки и заставы, чтобы ловить разбойников и всех подозрительных людей. С этим не согласился князь Орлов. Он полагал, что это лишь создаст множество помех и раздражений, которые подстрекнут народ к беспорядкам. Зачем издавать указы, если власть не пользуется поддержкой народа, а без войск их никто не будет исполнять? Но «если оно сделать рассуждено будет, положить ему предел исполнением в самых только ближних к Оренбургу местах»²¹³.

Приняв предложение императрицы, совет одновременно согласился с мнением Орлова ограничить область его применения. На следующий день Сенат одобрил этот план; он был напечатан 13 декабря и разослан в Астраханскую, Казанскую и Нижегородскую губернии, Исетскую провинцию и Екатеринбургское горное правление — т. е.

---

²¹² Екатерина — фон Сиверсу, 10 декабря 1773 г.: Бибииков А. А. Указ. соч. С. 115–116.

²¹³ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 444–445.

во все соседние с Оренбуржьем области²¹⁴. Не упоминая о восстании, этот манифест призывал местные власти внимательно следить за всеми недавно появившимися подозрительными личностями. Лица без паспортов и распространители слухов должны доставляться в городские канцелярии для разбирательства. Местные стражи закона должны были отлавливать злодеев, вошедших в деревни, и немедленно сообщать об этом своим начальникам. Запрещалось снабжать разбойников пищей, давать им ночлег и сообщать им о приближении войск.

«Долг звания дворянского обязывает оных более пецись о спасении невинных крестьян своих от угрожаемого от таковых злодеев разврата, мучительств и разорения, и о скорейшем и совершенном истреблении сих бесчеловечных злодеев... чем они точно докажут прямую верность к ее императорскому величеству, прямую любовь к отечеству, и явятся достойными того именитого звания, которое достохвальные предки их верностию, ревностию, любовию и усердием к государям и отечеству получили», — говорилось в указе. Этот «вышеписанный непуск в селения и осмотр начальника касается единственно до скитающихся бродяг и тунеядцев из воровских и разбойнических, и за сими-то наистрожайше смотреть и все вышеписанные предосторожности принимать потребно; ибо от таковых шатающихся бродяг и беспашпортных более всего умножаются означенные воровские шайки и происходят вредные разглашения»²¹⁵.

На том же самом заседании совета было заслушано предложение главы внешнеполитического ведомства графа Никиты Панина. Признав, что поскольку всей стране, несомненно, уже известно о восстании, сокрытие правды об этом лишь придает ему важности, которой оно на самом деле не заслуживает. Для противодействия пропаганде восставших и сохранению спокойствия в соседних областях он предложил публично объявить Пугачева разбойником и самозванцем, а его соратников — ворами. Совет согласился с этим предложением и через неделю утвердил проект соответствующего манифеста, который был объявлен в столице 24 декабря 1773 г., на Рождество²¹⁶.

Идентичный по содержанию манифесту Екатерины, он был более кратким и конкретным. Он извещал, что донской казак Емельян Пугачев делает в Оренбургской губернии ужасные разбои и дерзнул принять на себя имя Петра III. «Излишне было бы, — отмечалось в манифесте, — обличать и доказывать здесь нелепость и безумие тако-

---

²¹⁴ Заседание Сената 10 декабря 1773 г., Вяземский — Бибикову, 15 декабря 1773 г.: РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 37—39.

²¹⁵ Пушкин А. С. Указ. соч. С. 165—168.

²¹⁶ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 445—446.

го обмана, который ни малейшей вероподобности не может представить человеку, имеющему только общий смысл человеческий». Используя текст манифеста Екатерины, этот документ также проводил аналогии с Лжедмитрием, призывал всех бороться с мятежниками, уверяя вскоре генерал Бибииков восстановит спокойствие в губернии²¹⁷. Таким образом, лишь через три с лишним месяца после начала восстания правительство было вынуждено признать факт его распространения.

Публикация манифеста 24 декабря означала, что отныне покров тайны с восстания сброшен. Но если Екатерина тем самым хотела успокоить общественное мнение империи, то граф Панин преследовал иные цели. Будучи главой Коллегии иностранных дел, он знал, что многим иностранным дипломатам в столице давно известно об этом событии, ибо они уже с начала ноября спрашивали его о нем. Очевидно, что вскоре об этом вскоре узнают и турки: их обязательно постарается проинформировать французский посол Дюран или кто-то еще. Панин боялся, что Франция сама, или подстрекаемая другими недругами России, воспользуется раздутыми слухами о восстании, чтобы убедить турок отклонить российские условия мира. Поэтому он полагал, что если правильно организовать подачу информации об этом мятеже, то это сведет к минимуму его значимость и продемонстрирует уверенность правительства в своих силах, а также опровергнет всякие измышления о бунте и не позволит туркам и их сторонникам воспользоваться ситуацией. Несомненно, последнее обстоятельство имело особое значение в связи с дипломатической обстановкой, которая сложилась в ноябре.

Напомним, что рейды русской армии в сентябре и октябре за Дунай не повлияли на позицию турецкой стороны. Поэтому Екатерина и ее окружение, не желая дальнейшей дорогостоящей эскалации военных действий, стали задумываться над уступками туркам с целью скорейшего подписания мирного договора. В частности, они планировали передать города Керчь и Еникал крымским татарам в обмен на турецкую крепость Кинбурн. Григорий Орлов был против этого, однако никакого решения пока принято не было. А 11 ноября из Константинополя пришло известие, что султан готов рассмотреть предложения русских²¹⁸.

Эти планы обострили давние разногласия в екатерининском совете. Граф Панин полагал, что Кинбурн мог бы стать Кронштадтом для нового торгового города в низовьях Днепра, если для обеспечения

---

²¹⁷ Пушкин А. С. Указ. соч. С. 172–173.

²¹⁸ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 264.

его коммуникаций татары уступят полосу земли шириной три мили на левобережье Днепра. Князь Орлов по-прежнему выступал против такого обмена, поскольку Кинбург являлся маленькой и далекой крепостью и ее приобретение не уравнивало уступки русских туркам; надо требовать Кинбурн, Очаков и турецкие земли между Днепром и Днестром. Другие члены совета заметили, что турки вряд ли согласятся на это или на снос Очакова. Поэтому придти к единому мнению опять не удалось²¹⁹.

Дебаты об условиях заключения мира возобновились через четыре дня, уже в присутствии Екатерины, выразившей сомнение, что Оттоманская Порта уступит Очаков. На это князь Орлов, оговорившись, что «не зная, в состоянии ль мы, или нет, продолжать войну для получения полезного мира, а единственно помышляя о возможных от нее выгодах», заметил, что тогда можно согласиться на его срытие, после чего построить там новую крепость. Затем Екатерина заговорила о независимости Крыма от турок, заявив, что пока сохраняется сюзеренитет султана над ханом, этот вопрос нельзя считать окончательно решенным. Панин в этой связи заметил, что быстро добиться этого невозможно, ибо для того потребуются большие усилия. Подводя итог обсуждению, императрица поручила через прусского министра в Константинополе довести до турок, чтобы взамен Еникала и Керчи они отдали России Кинбурн и Очаков. При этом нужно было твердо заявить, что Екатерина никогда не откажется от идеи независимости Крыма и от плавания русских по Черному морю, «хотя б война еще десять лет продолжилась»²²⁰.

После этого государыня покинула заседание совета, а граф Панин предложил обсудить два различных варианта достижения мира: либо действовать в одиночку, опираясь на силу и дипломатию, либо просить посредничества у австрийцев или французов. Последний вариант ничего хорошего для России не сулил, но выбора у нее не было. Помня о рекомендациях государыни, члены совета, естественно, утвердили первое предложение, «не взирая и на то, если б оно не принесло нам таких выгод, кои б чрез постороннее посредство получить могли»²²¹. Несомненно, события, связанные с недавним разделом Польши, когда Австрия и Пруссия пытались навязать России свою волю, сказались на решении совета действовать самостоятельно.

Будучи главным советником Екатерины в области дипломатии, граф Панин вскоре представил совету свое рассуждение об условиях мира. Он вновь поднял вопрос об уступке Керчи и Еникала крым-

---

²¹⁹ Там же. С. 264–265.

²²⁰ Там же. С. 265–267.

²²¹ Там же. С. 267.

ским татарам в обмен на Кинбурн. Панин раскритиковал стратегическое и торговое значение этих крымских городов, отметив, что их гавани были мелкими, зимой покрывались льдом и потому не подходили для российского мореплавания. Здесь также не было никакой возможности для судостроения. Далее Панин отметил, что эти два города не только не защитят крымских татар, но и вызовут у турок озабоченность за судьбу недалеко расположенного отсюда Константинополя. С другой стороны, Кинбурн может стать инструментом давления на крымских татар, противовесом турецкому Очакову и гаванью для судоходства по Днепру, что позволит развивать торговлю в этом регионе лучше, чем на Дону.

Граф Панин сообщил, что турки готовы принять эти предложения и данный вопрос можно будет решить уже ближайшей зимой через прусского министра в Константинополе, который постарается убедить Оттоманскую Порту обменять Кинбурн на Еникал и Керчь. При этом Очаков остался бы турецким, крымские татары получили бы независимость и в придачу все крепости в Крыму и на Таманском полуострове, а турки отдали бы России земли вокруг Кинбурна и степи между Днепром и Бугом. Россия должна была передать Турции Бендеры и другие города Бессарабии. Это, по мысли Панина, побудило бы турок возобновить переговоры и принять русские условия мира. Императрица согласилась с этими доводами и 23 ноября 1773 г. утвердила предложения графа²²².

Панин сдвинул с мертвой точки заржавевший дипломатический механизм, а другие в это время запустили остановившуюся было военную машину. В начале декабря фельдмаршал Румянцев, наконец, представил свои соображения. Его планы походили на те, что три месяца назад в общей форме излагал граф Чернышев. Если говорить кратко, то он предложил отвлечь внимание турок приготовлениями к захвату Очакова, а когда они перебросят туда свои основные силы, внезапно атаковать турецкие крепости за Дунаем, заблокировать их и закрепиться на тех землях. В случае удачи можно будет двинуться на юг, но не переходить Балканы²²³. Совет заслушал Румянцева 16 декабря, а 25 декабря рассмотрел ситуацию в целом и одобрил его план, разрешив все же фельдмаршалу вторгнуться в Болгарию. Граф Панин предложил действовать против Очакова осторожно, чтобы не

---

²²² Меморандум Панина об условиях заключения мира, утвержденных Екатериной, 23 ноября 1773 г.: РИО. Т. СХVIII. С. 490–491.

²²³ Румянцев — Екатерине, 28 ноября 1773 г.: П. А. Румянцев. Т. II (1768–1775) / под. ред. К. Фортунатова. М., 1953. С. 684–689.

раздражать Крым, и ему было сообщено о невозможности взятия сей крепости ранее будущей осени²²⁴.

У турок, разумеется, были свои планы. Поскольку они, конечно же, знали о том, что происходит на юго-восточной окраине России, то, естественно, попытались воспользоваться этим в своих целях. В начале января 1774 г. Императорский совет получил предупреждение от командующего Второй армией в Крыму генерала Долгорукого о вероятности инспирированного турками набега татарских ногайских орд на Дон или Кизляр (российская застава на Северном Кавказе). «Уважая опасность от нападения ногайцев при настоящих обстоятельствах», совет поручил генерал-поручику Щербинину потратить 35000 руб. из имеющихся у него в Слободской губернии (низовья Дона) на подкуп татар для удержания их от этого²²⁵.

Своим рескриптом от 17 января 1774 г. Екатерина одобрила план Румянцева и разрешила ему в случае необходимости перейти Балканы, что должно было облегчить действия русского флота в Греческом Архипелаге и Второй армии в Крыму. Оренбургское «неустройство», отмечала императрица, к сожалению, не позволяет применить армию против татарских орд Кубанской степи. Екатерина не верила в успех мирных переговоров и поскольку «достижение мира на честных и полезных отечеству условиях — есть единый предмет желаний наших», приказала Румянцеву «приготовить и устроить заранее сильнейшие средства к вынуждению сего драгоценного блага силою оружия и новыми его успехами»²²⁶.

Хотя восстание на юго-восточной границе сильно расстроило Екатерину, она надеялась, что оно не повлияет на ход войны с турками. Императрица верила, что генерал Бибииков сможет справиться с ситуацией, и после его отъезда ее настроение заметно улучшилось. 6 декабря она сообщала фельдмаршалу Румянцеву, «что касается о башкирских замешательствах около Оренбурга, о которых может стать-ся, до Вас слух дошел, то по наряду, отсель сделанному, надеяться можно, что вскоре желаемый вид возьмет и все в прежнее состояние придет»²²⁷. Императрица была неисправимой оптимисткой, да и паниковать пока было рано.

Однако, будучи опытным политиком, она не расслаблялась. Екатерина понимала, какая опасность угрожает стране и поэтому добива-

---

²²⁴ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 268–269.

²²⁵ Там же. С. 270–271.

²²⁶ Екатерина — Румянцеву, 17 января 1774 г.: П. А. Румянцев. Т. II (1768–1775). С. 697–700.

²²⁷ Екатерина — Румянцеву, 6 декабря 1773 г.: РИО. Т. XIII. С. 375–376.

лась заключения мира как можно скорее. Императрица знала, что беда не приходит одна и была готова к новым трудностям. В этих условиях ей рядом был нужен человек, на которого она могла бы полностью положиться. В ее нынешнем окружении таковых не было. Князь Орлов выступал за победоносное завершение войны силой оружия, его оппоненты графы Чернышев и Панин, наоборот, были готовы пойти на определенные уступки туркам. Орлов был рубакой-воином, но не политиком, Чернышев отличался умом, но утратил доверие из-за допущенных им ошибок в оренбургских делах²²⁸, Панин являлся опытным дипломатом, но не военным. Об остальных членах совета вообще сказать было нечего. Поэтому Екатерина искала человека, который бы обладал широтой взглядов, новизной подходов и имел собственный взгляд на вещи. В это трудное для нее время она послала коротенькую записку генералу Григорию Александровичу Потемкину, одному из подчиненных Румянцева на Дунае. В ней говорилось:

Господин генерал-поручик и кавалер, Вы, я чаю, столь упражнены глазеньем на Силистрию, что вам некогда письма читать; и хотя я по сю пору не знаю, предупела ли ваша бомбардирада, но тем не меньше я уверена, что все то, что вы сами предприимаете, ничему иному приписать не должно, как горячему вашему усердию ко мне персонально и вообще к любезному отечеству, которого службу вы любите. Но как с моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранный, то вас прошу по пустому не вдаваться в опасности. Вы, читав сие письмо, может статься сделаете вопрос: к чему оно писано? На сие Вам имею отвечать: к тому, чтоб вы имели подтверждение моего образа мыслей об Вас; ибо я всегда к Вам весьма доброжелательна.

Екатерина²²⁹.

Об отношениях между Екатериной и Потемкиным до появления этого письма известно мало²³⁰. Судя по тону записки, они давно бы-

---

²²⁸ 29 ноября 1773 г. посол Гуннинг сообщал лорду Суффолку, что «все-го более осуждают графа Захара Чернышева, которого казаки обвиняют в том, что по его повелению был арестован их атаман, что и послужило поводом к их неудовольствию» (РИО. Т. XIX. С. 391–392).

²²⁹ Екатерина — Потемкину, 4 декабря 1773 г.: РИО. Т. XIII. С. 373.

²³⁰ Очевидно, что они до этого уже обменивались записками, но когда это началось и о чем была их переписка — неизвестно. В самом раннем из известных их писем (24 мая 1769 г.) Потемкин благодарит Екатерину за разрешение участвовать в войне с турками (Русская старина. 1878. Декабрь. С. 716–717). 21 августа 1770 г. он с восторгом отзываясь о ее решении наградить его орденом Св. Георгия (РГАДА. Госархив. Ф. 1. Д. 43. Л. 1–1 об.). Остальные письма, в том числе, вероятно, предшествовавшие этим двум, хранятся в РГАДА и нам не разрешили с ними ознакомиться. <Сейчас см.: Екатерина II и

ли близкими друзьями. Но каковыми бы ни были их отношения, нежное и в то же время откровенное послание Екатерины являлось приглашением Потемкину подняться к вершинам власти. Некоторые сразу почувствовали это. Архимандрит Платон Любарский писал из Казани своему московскому другу Н. Н. Бантыш-Каменскому, что удивлен столь скорым отъездом Потемкина в Петербург и не ждет от этого ничего хорошего²³¹.

Императрица воспользовалась возникшими в империи трудностями для устранения группировки Орлова — Чернышева и одновременно остановила рост влияния Панина — Павла. Путем искусной интриги она вышла победителем в войне дворцовых группировок.

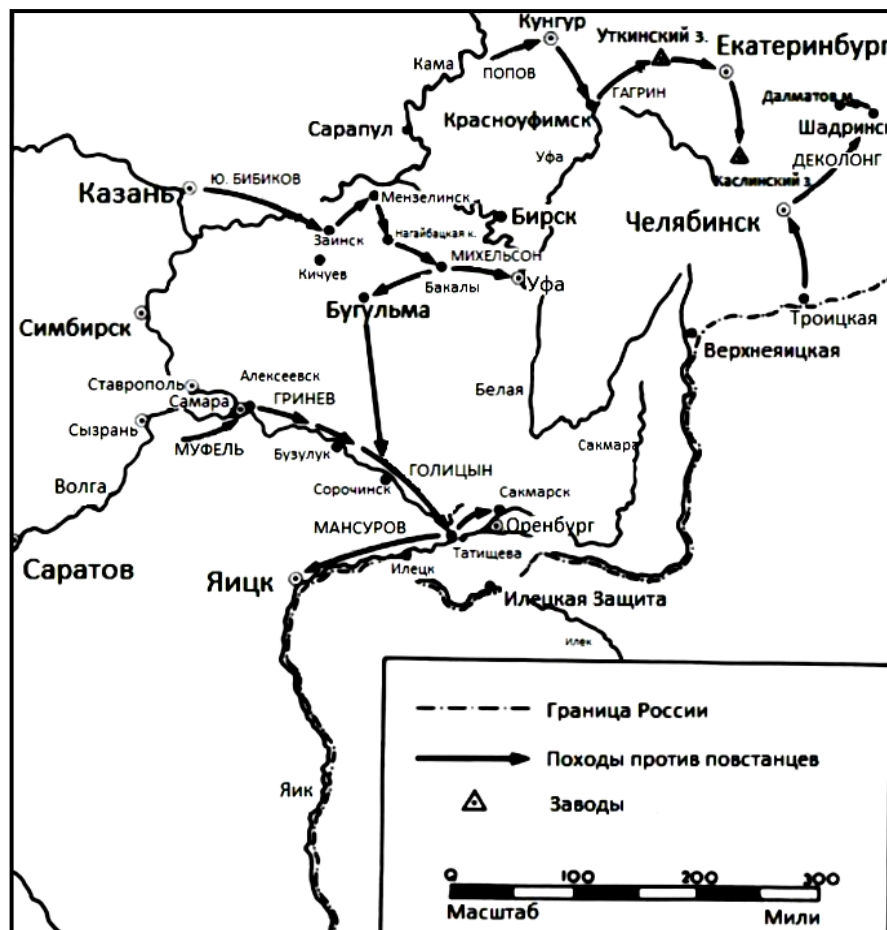

Г. А. Потемкин: личная переписка 1769–1791 / подготовил В. С. Лопатин. М., 1997>. Известно, что во время войны с турками Потемкин бывал в столице зимой 1770–1771 г., весной 1771 г., и, вероятно, еще несколько раз. Письмо Екатерины, вероятно, подводило итог определенному периоду их предшествующих отношений: Adamczyk T. Fürst G. A. Potemkin. Emsdetten, 1936. С. 15; Ловягин А. Потемкин Григорий Александрович // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. XIII. С. 650–651.

²³¹ Платон Любарский — Бантыш-Каменскому, 18 декабря 1773 г.: РГА-ДА. Госархив. Разряд VI. Д. 527. Л. 32.

Походы правительственных сил против восставших

V

ПОМЕЩИЦА КАЗАНСКАЯ

Генерал Бибиков отбыл из Санкт-Петербурга 9 декабря, через пять дней он был уже в Москве и 26 декабря выехал в Казань. Члены Секретной комиссии отправились туда на две недели раньше. И хотя паника в Казани уже прошла и многие дворяне вернулись в город, ситуация оставалась напряженной. Казалось, что ничто не остановит дальнейшего распространение восстания. 2 декабря уфимские власти сообщили, что бунтовщики встали лагерем в Чесноковке, заблокировав город. 15 декабря челябинский воевода писал, что его городу, не имеющему сил для обороны, угрожают восставшие башкиры. Генерал Фрейман послал войска для снятия блокады с окруженного башкирами Мензелинска; 19 декабря воевода Сарапула проинформировал Казань о том, что многочисленные отряды башкир рыщут вокруг, забирая с пяти дворов по одному человеку в свои ряды. Власти поволжского Ставрополя 19 декабря сообщали, что у них все спокойно, но шедший вдоль Самарской линии отряд крепостных, казаков и беглых солдат взял крепости Бузулукская, Борская и Елшанская. Хотя самарский воевода 20 декабря заявлял, что его город неприступен, он был взят через пять дней этим же отрядом восставших во главе с атаманом Араповым. Из Яицка полковник Симонов писал, что кроме набегов киргизов никто городку не угрожает²³². Повстанцы прекратили штурмовать Оренбург и перешли к его осаде. К северо-востоку от Казани отряды повстанцев угрожали центрам металлургии — Кунгуру и Екатеринбург, но Бибиков пока еще об этом не знал.

Скорое прибытие и обустройство в Казани Секретной комиссии способствовали прекращению там паники. Ее члены, однако, были встревожены тем, что увидели вокруг — простой народ предался

---

²³² Экстракт из последних рапортов в каком состоянии лежащие в окружности Оренбурга города и другие знатные места находятся, 26 декабря 1773 г. // РНБ. Отдел рукописей. Собрание Эрмитажное. Ф. IV. 668. Папка 2. Л. 110–111 об.

пьянству, а чиновники находились в состоянии уныния и отчаяния. Когда капитан Маврин явился к губернатору фон Брандту, то был удивлен, что его дом пуст и в нем не было никакой мебели; губернатор простодушно признался, что все отправил в Козьмодемьянск. С печалью фон Брандт сообщил, что порядка в городе нет, а дворянство сбежало. Он просил дворян сформировать отряд из их крепостных, но удалось собрать лишь немного увечных новобранцев, поскольку в целом дворяне не откликнулись на его призыв. В итоге фон Брандту пришлось самому снарядить и привести к оренбургской границе отряд черни, приказав дворянам последовать его примеру. В результате этого безрассудного поступка Казань осталась без губернатора и в городе началась паника. Кроме того, губернатор разрешил всем не занятым чем-то людям покинуть город²³³. В других местах все было аналогично, что позволяет выявить причины быстрого распространения восстания: это и нехватка войск для поддержания порядка, и отсутствие твердой власти на местах, и бегство дворян из мест восстания. Благодаря всему этому повстанцы могли действовать безнаказанно.

Не имея пока возможностей для ведения военных действий, генерал Бибииков решил воззвать к чувствам павшего духом дворянства. Следуя инструкциям Екатерины, 1 января 1774 г. он собрал казанских дворян, сообщил им о грозящей всем опасности и напомнил об обязанности каждого из них пожертвовать не только своим именем, но и жизнью ради отечества. При этом он намекнул, что государыня, конечно, не забудет об этом патриотическом порыве. В ответ дворяне выразили готовность сформировать из своих крепостных кавалерийский эскадрон, для чего каждый помещик должен был снарядить за свой счет одного конного воина (улана) от двухсот душ мужского пола. Было подсчитано, что это позволит сформировать конный корпус из приблизительно трехсот рядовых. Офицерами в нем должны были стать дворяне, имеющие боевой опыт, а командиром корпуса назначался генерал Александр Ларионов, единокровный брат Бибиикова. Подражая своим казанским коллегам, дворянство Пензы, Симбирска и Свияжска обязалось сформировать аналогичные отряды. Чтобы не отстать от них, казанские купцы также согласились экипировать за свой счет эскадрон конных гусар.

Разумеется, командиром всех этих отрядов стал генерал Бибииков. Восхищенная ответной реакцией на ее призыв, Екатерина приказала сформировать такую же команду и из дворцовых крестьян Казанской губернии и прислала офицеров, чтобы ими командовать²³⁴. Наконец,

---

²³³ Маврин — Екатерине, 21 мая 1774 г.: Там же. Л. 125—129 об.

²³⁴ 20 января 1774 г. Императорский совет решил набирать рекрутов из дворцовых крестьян Казанской губернии, но, опасаясь возникновения волнений,

она объявила о своем особом покровительстве казанскому дворянству, провозгласив себя «помещицей казанской» и уверив, что считает своей обязанностью целость, благосостояние и безопасность дворянства «ничем неразделимо почитать с собственной нашей и империи нашей безопасностью и благосостоянием». В ответ казанское дворянство преподнесло Екатерине подготовленную Г. Р. Державиным «речь благодарственную», в которой оно рассматривалось как «щит» отечества, «подпора престола царского»²³⁵. Более искренних заявлений о единстве монархии и дворянства было трудно найти.

9 декабря Секретная комиссия прибыла в Казань. Капитан Лунин определил местом ее пребывания здание семинарии. Платон Любарский с удовлетворением отметил, что для комиссии все равны, невзирая на чин²³⁶. Она немедленно принялась за работу. Со всех ее сотрудников была взята расписка о неразглашении тайны. Все захваченные в плен пугачевцы — приблизительно 20 человек — были переданы в руки комиссии, а к 28 декабря к ним прибавилось еще 44 мятежника. Со всех сторон в комиссию пошел поток бумаг от местных властей, духовенства и дворян. Многие дворяне, чье имущество было разграблено повстанцами, требовали компенсации убытков. Так, отставной коллежский регистратор Федор Маскалев оценил убытки в своем поместье под Мензелинском в 1493 руб. Неизвестно, как на это реагировала комиссия²³⁷.

избавил от этого «экономических» крестьян (АГС. Т. I, ч. 2. Стб. 24–25). По данным штаба генерала Ф. Ф. Щербатова, возглавлявшего борьбу с повстанцами с апреля по июль 1774 г., в иррегулярные войска было набрано: от казанского дворянства — 8 офицеров и 300 рядовых, от казанских купцов — 12 офицеров и 68 рядовых, из дворцовых имений Казанской губернии — 9 офицеров и 247 рядовых, от симбирского дворянства — 8 офицеров и 300 рядовых, от пензенского — 15 офицеров и 522 рядовых, от саранского — 6 офицеров и 227 рядовых. Таким образом, общее число мобилизованных составило 1722 человека (Журнал... Щербатова... // РНБ. Отдел рукописей. Собрание Эрмитажное. № 352. Л. 20 об.).

²³⁵ Санктпетербургские ведомости. 1774. 25 февр.: Бибиков А. А. Указ. соч. С. 45–48; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 230–233; Речь благодарственная императрице от общества дворянства Казанского: Бибиков А. А. Указ. соч. С. 53. Другие документы о создании ополчения из казанских дворян см.: Подлинные бумаги, до бунта Пугачева относящиеся // Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1860. Кн. 2. С. 61–66.

²³⁶ Любарский — Бантыш-Каменскому, 12 декабря 1773 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 527. Л. 31.

²³⁷ Лунин — капитану гвардии (20 декабря 1773 г.), он же — Бибикову (25 декабря 1773 г.), «Журнал Казанской секретной комиссии» (21–28 декаб-

Но генерала Бибикова и секретную комиссию больше интересовали не жалобы и убытки дворян, а решительные действия, которые должны были оказать влияние на общественность. В конце 1773 г. двое крепостных, обвиненных в соучастии в убийстве повстанцами их владелицы, предстали перед Секретной комиссией. Младший из них был приговорен к битью кнутом и вечной каторге, другого, некоего Леонтия Назарова, повесили, и его труп две недели было запрещено хоронить. Исполненные 4 января 1774 г., эти наказания должны были удержать людей от присоединения к повстанцам и заставить их подчиняться своим помещикам и губернаторам. Комиссия также объявила, что всякий, кто будет распространять манифесты Пугачева, исполнять их или признает самозванца за царя, будет казнен независимо от своего социального происхождения. В конце января по решению комиссии был повешен солдат Абрешит Бикеев, вступивший в отряд повстанцев вблизи Мензелинска²³⁸. Его казнь, несомненно, должна была запугать местное татарское население. В то же самое время несколько пленных пугачевцев были биты кнутом и заклеены литерами «З», «В», «И» («Злодей», «Вор», «Изменник»). В соответствии с указом Екатерины от 4 января палачи публично сжигали захваченные манифесты повстанцев, а их знамена разрывали на части²³⁹.

Ненадежность местных гарнизонов, легко переходивших на сторону Пугачева, привела Бибикова в ужас. «Скареды и срамцы, здешние гарнизоны всего боятся, — писал он другу 24 января, — никуда носа не смеют показать, сидят по местам как сурки и только что рапорты страшные присылают»²⁴⁰. Хуже всего было то, что многие гарнизоны позволяли мятежникам вести среди них агитацию и даже переходили на их сторону. Бибиков видел только один путь борьбы с этим — террор, «способ, конечно, жестокий, но в настоящей крайности неминуем»²⁴¹. Так, 29 января он послал императрице экстракт по делу четырех гарнизонных офицеров: поручика Ильи

ря 1773 г.), реестр убытков Маскалева (20 декабря 1773 г.): РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 507, ч. I. Л. 3 об, 10–15, 28 об–29 об, 74–88.

²³⁸ Допрос Назарова 18 декабря 1773 г., допрос Бикеева 29 января 1774 г.: Там же. Л. 44–50; Пугачевщина. Т. III. С. 9–12.

²³⁹ Указ Бибикову, 4 января 1774 г.: Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: бумаги Кара и Бибикова: со снимком с приписки Бибикова на последнем его донесении Екатерине. С. 45–46; Екатерина — Бибикову, 15 января 1774 г.: РИО. Т. III. С. 81–82.

²⁴⁰ Бибиков — М. М. Философову, 24 января 1774 г.: Бибиков А. А. Указ. соч. С. 86.

²⁴¹ Бибиков — Екатерине, 5 февраля 1774 г.: Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: бумаги Кара и Бибикова: со снимком с приписки Бибикова на последнем его донесении Екатерине. С. 58.

Щепачева, прапорщика Ивана Черемисинова, отставного поручика Ефима Воробьевского и отставного подпрапорщика Богдана Буткевича. Екатерина утвердила смертные приговоры им, рекомендованные комиссией, но оставила их исполнение на усмотрение Бибикова. В замечании на полях она прокомментировала, что крайне необходимо строго наказывать местных офицеров, поскольку они действовали не как офицеры, а как пленники²⁴².

Пример поручика Ильи Щепачева свидетельствует, что восстание затронуло множество гарнизонов, и что Секретная комиссия широко применяла террор. Щепачев сообщил комиссии, что в армии служил с 1748 г., в 1771 г. получил чин поручика. Из-за болезни он уволился со службы в Ставрополе в чине капитана, но был позже понижен до поручика, поскольку разрешил яичким казакам проходить без паспортов. Он был с корпусом капитана Балахонцева в Самаре 24 декабря, когда стало известно, что атаман бунтовщиков Арапов находится в соседнем Алексеевске, готовясь напасть на Самару. Обсудив ситуацию с офицерами, Балахонцев решил сопротивляться мятежникам.

Проснувшись следующим утром, Щепачев узнал, что Балахонцев предыдущим вечером сбежал вместе со всем корпусом²⁴³. Поскольку сопротивление теперь было бесполезно, Щепачев вышел вместе с горожанами приветствовать бунтовщиков, как они требовали: с крестами, иконами и хлебом-солью (Щепачев утверждал, что шел не по своей воле, а насильно). Поприветствовав Арапова, они вернулись в город, где духовенство отслужило молебен в честь Петра III и Павла с супругой, не упоминая имени Екатерины. Затем был зачитан указ повстанцев о вступлении на престол Петра III, даровании жизни тем, кто сдался ему добровольно, и вербовке в его ряды новых сторонников. После этого толпа вознесла молитву, выпила за здоровье Петра и дала залп из пушки. Пугачевцы открыли казенные соляные склады и раздали примерно пять тонн соли приблизительно четыреста человек. После обедни они выкатили всем бочки с вином, а Щепачев и другие «лучшие» люди, припав на колени перед Араповым, были им прощены и угощены водкой. По словам Щепачева, Арапов ничего не говорил о Пугачеве, поскольку был занят верстанием приблизительно трехсот жителей в казаков. Опасаясь за свою жизнь, Щепачев вступил в ряды бунтовщиков. Он не участвовал в последующем сражении Арапова с правительственными войсками и

---

²⁴² Бибилов — Екатерине, 29 января 1774 г.: Там же. С. 53.

²⁴³ Капитан Балахонцев был арестован за сдачу Самары (Бибилов — Екатерине, январь 1774 г.: Там же. С. 52), о его дальнейшей судьбе ничего неизвестно.

признавался, что был вынужден примкнуть к мятежникам из-за страха, а не умышленно²⁴⁴.

Комиссия рассмотрела действия Щепачева на основании Соборного Уложения 1649 г. и Артикула воинского. В соответствующих статьях Уложения назывались меры наказания за бунт и измену. Согласно Артикулу воинскому, Щепачев совершил множество преступлений: без приказа покинул поле боя, не воспользовался имеющимися возможностями для отражения неприятеля, самолично сдал крепость, участвовал в заговоре, подстрекал к бунту, отказался осудить бунтовщиков и их мятеж. Комиссия полагала, что, во-первых, чем выше чин и статус преступника, тем более суровым должно быть ему наказание, поскольку командир обязан подавать хороший пример другим и показывать им, что делать. И, во-вторых, перешедшие на сторону бунтовщиков офицеры должны быть казнены на месте своих преступлений, чтобы, таким образом, внушить всем страх и не допустить этого впредь. Все законы предусматривали за эти преступления смертную казнь.

Вина Щепачева считалась доказанной. Он не защищал город, хотя имел в подчинении сорок человек и шесть орудий; не сопротивлялся бунтовщикам, хотя их было мало, встретил их и кланялся их вожаку; нарушил свою присягу, встречая мятежников и слушая их ложный манифест; пил водку с атаманом мятежников и признавал Пугачева императором²⁴⁵. Наконец, его прежнее разжалование в поручики подтверждало его порочность. За эти преступления комиссия приговорила Щепачева к лишению чина и повешению²⁴⁶. Как отмечалось выше, Екатерина утвердила этот приговор, оставив его исполнение на усмотрение Бибикова, «и сколько польза и благосостояние империи по нынешним в тамошнем краю обстоятельствам того требуют»²⁴⁷. В итоге Щепачеву заменили смертную казнь на шпицрутены, которых все боялись, ибо нужно было пройти шесть раз через строй из тысячи солдат. Затем его навечно сослали в сибирский гарнизон. Его соратники получили меньшие наказания. Черемисинова лишили звания, высекали батогами и также навечно сослали на сибирскую за-

---

²⁴⁴ РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 485. Л. 172–174; Там же. Д. 507, ч. I. Л. 109–114 об.

²⁴⁵ Пугачевщина. Т. I. С. 86–87.

²⁴⁶ РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 485. Л. 172–176 об, 244.

²⁴⁷ Екатерина — Бибикову, 9 февраля 1774 г.: РИО. Т. XIII. С. 386; Екатерина — Бибикову, 15 февраля 1774 г.: Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: бумаги Кара и Бибикова: со снимком с приписки Бибикова на последнем его донесении Екатерине. С. 54.

ставу, Воробьевского освободили от наказания в силу преклонного возраста, а Буткевичу наказание было отложено²⁴⁸.

То, что генералу Бибикову пришлось применять к служащим гарнизонов особые меры устрашения, говорит о том, что он понял саму суть восстания. В отличие от властей в Санкт-Петербурге, генерал сразу сообразил, что причины бунта и его успех вызваны широким социальным недовольством. Кроме того, он увидел, что распространению восстания способствовали слабость власти и ее некомпетентность. В первую очередь было необходимо принять решительные и скорые меры против восставших; успехи бунтовщиков были обусловлены пассивностью и робостью властей.

Сотрудники Секретной комиссии Лунин, Маврин, Собакин и Зряхов работали день и ночь, чтобы выявить источники и скрытые пружины восстания²⁴⁹. Поскольку в январе и феврале 1774 г. правительственные войска провели ряд успешных наступлений, в руки комиссии попало множество пленных пугачевцев. Время, расстояние и отсутствие коммуникаций не позволили доставить их всех в Казань, поэтому значительную часть пленников оставили на попечение уездных и губернских властей. Например, тобольский губернатор Чичерин вынес приговоры 151 бывшему пугачевцу²⁵⁰. 25 января Бибиков приказал, чтобы все бунтовщики, захваченные в Кунгуре, были допрошены на месте и два-три наиболее активных из них повешены²⁵¹.

В большинстве случаев все захваченные в плен пугачевцы, чьи дела были рассмотрены Казанской секретной комиссией, в соответствии с ее практикой были наказаны на местах своих преступлений. Однако комиссия оставалась главным карательным органом. Она изучала и утверждала все приговоры бунтовщикам и информировала об этом Екатерину. Иногда комиссия командировала своих сотрудников на места или назначала там своих представителей, чтобы следить за ходом дознания в отношении повстанцев. Так, она направила поручика Собакина в Симбирск и сделала поручика Державина своим представителем в Самаре (январь) и в Мальковке (март)²⁵². Чтобы подавить бунт башкир, комиссия послала к ним в качестве агитаторов

---

²⁴⁸ Бибиков — Екатерине, 15 февраля 1774 г.: Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: бумаги Кара и Бибикова: со снимком с приписки Бибикова на последнем его донесении Екатерине. С. 55.

²⁴⁹ Бибиков — Вяземскому, 21 января 1774 г.: Там же. С. 50.

²⁵⁰ Филиппов А. Н. Пугачевское движение в Сибири // Северная Азия. 1926. Кн. 3. С. 68.

²⁵¹ Бибиков — в Пермскую провинциальную канцелярию, 25 января 1774 г.: РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 177.

²⁵² Рапорт Казанской Секретной комиссии, 31 января 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 507, ч. I. Л. 174—174 об.

множество татар, в том числе мулл, и даже перевела один из правительственных манифестов на татарский язык²⁵³.

Секретная комиссия придавала большое значение такого рода работе. Взывая к пленникам, распространяя правительственные указы и увещевания через духовенство, она пыталась подорвать веру населения в Пугачева и в его призывы. Прежде чем освободить тех, чье участие в восстании не подтвердилось или кто не был в нем активным, комиссия обычно требовала от них принести новую присягу и называть Пугачева не иначе как самозванцем, вором и злодеем²⁵⁴. Комиссия также попыталась использовать — особенно после того, как стало известно о его новой женитьбе в Берде — в своей пропаганде жену и детей самозванца, схваченных на Дону в январе 1774 г. и доставленных в Казань. 19 марта Бибиков предложил Лунину разрешить жене Пугачева посещать базар, «чтоб она в народе, а паче черни, могла рассказывать, кто Пугачов и что она его жена. Сие однакож надлежит сделать с манерою, чтоб не могло показаться с нашей стороны ложным уверением»²⁵⁵.

С самого начала восстания правительство прибегло к выпуску манифестов. Екатерина полагала, что если выставить Пугачева перед всеми в качестве мошенника и призвать людей уходить от него, то его все сразу покинут и в рядах повстанцев начнется раздор. Ее печатные объявления широко распространялись в районах, охваченных восстанием, они зачитывались на городских площадях и в церквях. В деревнях местным властям было приказано читать их на сельских сходах, после чего крестьяне должны были в них расписываться.

Но эти меры почти ничего не дали. Наоборот, они почти всегда приводили к новым волнениям и даже к восстаниям. Когда, например, власти Бугульмы послали подпоручика Романовского в деревню Изакла, чтобы зачитать там правительственный манифест от 15 октября 1773 г., местные крестьяне отказались слушать и подписывать его. Они сообщили, что отправили свою делегацию в Оренбург и хотели выдать в руки самозванца офицера²⁵⁶. Витиеватый манифест Екатерины от 29 ноября 1773 г. привел к такому разгулу фантазии у простых людей, что Казанская комиссия поспешила выпустить собст-

---

²⁵³ Объявление Бибикову (январь 1774 г.), Бибиков — Вяземскому, 21 января 1774 г.: Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: бумаги Кара и Бибикова: со снимком с приписки Бибикова на последнем его донесении Екатерине. С. 49–50. Приказ подполковнику Лазареву, 28 января 1774 г.: Пугачевщина. Т. III. С. 100–103.

²⁵⁴ См. пример из работы Казанской секретной комиссии, январь 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 507, ч. I. Л. 100–103.

²⁵⁵ Бибиков — Лунину, 19 марта 1774 г.: Письма А. И. Бибикова к А. М. Лунину // Русский архив. 1886. Вып. 3. С. 385.

²⁵⁶ Ведомость... декабрь (?) 1774 г.: Пугачевщина. Т. III. С. 360.

венный указ, чтобы рассеять «глупые и кривые толки». Подтвердив в нем все положения указа императрицы, комиссия призвала повстанческих пропагандистов прекратить «быть врагами своему отечеству... Но буде паче чаяния и за сим увещанием найдутся таковые рода человеческого изверги и разрушители блаженного спокойствия и тишины, то все оные, какого бы кто звания ни был, безо всякой милости преданы будут жесточайшему по закону осуждению»²⁵⁷.

С самого начала императрица обратилась с просьбой к подконтрольной ей православной церкви помочь в борьбе с восстанием и уже 5 октября 1773 г. архиепископ казанский Вениамин публично предал Пугачева анафеме²⁵⁸. 3 ноября он получил письмо от Екатерины, в котором она приказывала обязать местное духовенство увещевать свою паству против самозванца. Вениамин, а также нижегородский и тобольский архиепископы активно боролись с восстанием. Как отмечалось выше, местное духовенство играло важную роль в распространении обращений правительства и агитации против Пугачева. Кроме того, священники снабжали местные власти информацией о передвижениях и планах повстанцев. Они доносили на повстанцев властям, а некоторые даже сражались против пугачевцев с оружием в руках²⁵⁹.

Но если верхушка церкви и часть приходского духовенства являлись врагами мятежников, то местное духовенство оказалось втянутым в водоворот восстания, подобно тому как в него попал несчастный поручик Щепачев. Так, поручик Державин, которого Бибиков в конце декабря 1773 г. послал со специальной миссией в Самару, убедился, что все местное духовенство принимало участие в восстании в городе. Он предостерег против немедленного ареста священников, опасаясь, что столь откровенное преследование церкви может возбудить население. В связи с этим Бибиков приказал архиепископу Вениамину заменить самарских священников новыми, а десять их были

---

²⁵⁷ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 225. Еще одним доказательством того, с какими проблемами сталкивались власти в попытках общаться с преимущественно неграмотным крестьянством, является письмо нижегородского губернатора Ступишина 18 февраля 1774 г. ядринскому воеводе, что по его данным курьеры, которые читали указы Екатерины и Сената, делали это не полностью и без пояснений. В результате среди простого народа от грубости и невежества его стали распространяться различные неверные слухи. Для борьбы с ними воевода должен был приказать всем местным чиновникам представить надежные доказательства того, что они читали указы в деревнях по нескольку раз и разъясняли их людям (губернатор Ступишин — в Ядринскую воеводскую канцелярию, 18 февраля 1774 г.: ГПБ. Ф. IV. 790. Л. 1).

²⁵⁸ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 50.

²⁵⁹ Кадсон И. Э. Церковь — активный участник подавления Крестьянского восстания под руководством Е. Пугачева // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1962. Сб. 6. С. 294—300.

доставлены в Казанскую секретную комиссию. Он также приказал генералу Мансурову повесить несколько наиболее активных повстанцев и выпороть остальных²⁶⁰.

Вопрос о том, что делать со священниками, участвовавшими в восстании, занимал правительство в течение всего восстания и был частью более широкой проблемы применения карательных мер. Первоначально власти жестоко расправлялись со всеми восставшими. Но разобравшись в характере, размахе и причинах движения, а также добившись военных побед над повстанцами, они стали применять репрессии избирательно, ведь сегодняшний бунтовщик завтра станет мирным мужиком.

Чтобы избежать ошибок Кара, плохо подготовившегося к наступлению на Оренбург, генерал Бибиков дожидался в Казани прибытия регулярных войск. Увидев, насколько эффективно действуют мобильные отряды Пугачева, он постоянно требовал от Военной коллегии предоставить ему побольше кавалерии²⁶¹. К 21 января основная часть его сил пришла в Казань. В это время две команды, прибывшие в Сызрань и Симбирск, нанесли поражения отрядам повстанцев. 26 декабря в двадцати милях от Сызрани майор Карл Муфель и 24-я легкая полевая команда наткнулись на капитана Балахонцева и других беглецов из Самары, которые сообщили о торжественном въезде атамана Арапова. Стремительным маршем Муфель направился к Самаре и 28 декабря встал лагерем в трех милях от нее. Ранним утром следующего дня в условиях сильной метели он двинулся против восставших и встретил их недалеко от города. Хотя драгунам Муфеля удалось отбить контратаки противника, они встретили сильный огонь из восьми орудий, поддержанный пехотой. Но перейдя в атаку, правительственные войска оттеснили повстанцев в город, где царские казаки перекололи множество их копьями. После небольшого сопротивления повстанцы вместе с Араповым побежали. Поскольку трупы многих убитых пугачевцев занесло снегом, Муфель не мог определить их потери, но захватил более двухсот пленных и всю артиллерию мятежников, а сам лишился трех человек убитыми и пятнадцати ранеными. Воодушевленный этим успехом, Бибиков приказал Муфелю

---

²⁶⁰ Бибиков — Державину, 29 декабря 1773 г. и 10 января 1774 г., Державин — Бибикову, 30 декабря 1773 г., 5–6 января 1774 г.: Сочинения Державина / под ред. Я. К. Грота. 2-е изд. СПб., 1869. Т. V. С. 1–6.

²⁶¹ Бибиков — Чернышеву, 30 декабря 1773 г.: Бибиков А. А. Указ. соч. С. 80; Бибиков — Чернышеву, 18 декабря 1773 г., 5 января 1774 г.: Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: бумаги Кара и Бибикова: со снимком с приписки Бибикова на последнем его донесении Екатерине. С. 43, 47.

выпороть наиболее активных бунтовщиков из числа горожан, прочитав им правительственный манифест и взять с них новую присягу²⁶².

Несколько дней спустя подполковник Гринев присоединился к Муфелью с 22-й легкой командой и двумя гусарскими эскадронами. Ранним утром 7 января он выступил в Алексеевск ловить Арапова. Темная ночь и сильная метель замедляли движение, и отряд остановился в пяти милях от цели. На него сразу напали повстанцы. Гринев построил каре, открыл огонь и стал оттеснять их к городу. Заняв Алексеевск, Гринев обнаружил, что Арапов перегруппировал свои силы, расположив их на соседнем холме. Избегая прямого столкновения, поскольку у его противника насчитывалось приблизительно две тысячи человек, Гринев обошел их, взяв командную высоту на правом фланге неприятеля. Обстреливая позиции противника из орудий и бросив против него гусар, ему удалось обратить отряд Арапова в беспорядочное бегство, и лишь наступление темноты вынудило Гринева прекратить преследование. В этом сражении он потерял пять человек убитыми и девять ранеными; потери повстанцев неизвестны. Войдя в Алексеевск, заселенный отставными солдатами, Гринев приказал часть из них арестовать, других выпороть и со всех взять новую присягу²⁶³. Тем временем генерал Бибиков назначил генерала Мансурова командовать отрядами Гринева и Муфеля. Ему поручалось идти вдоль Самарской линии, очистить эту территорию от бунтовщиков и соединиться с Фрейманом в Бугульме²⁶⁴.

Одновременно Бибиков послал полковника Юрия Бибикова (своего однофамильца) с отрядами гренадеров, гусар и двумя орудиями освободить Мензелинск и Заинск, очистить дорогу из Бугульмы и соединиться с Фрейманом. 14 января команда Бибикова напала на несколько отрядов повстанцев в двадцати милях от Заинска. Легко разбив их, они сожгли три татарских деревни и выпоролы всех пленных. Через два дня, идя по глубокому снегу, команда полковника Бибикова столкнулась с отрядом из шестисот повстанцев. После недолгой перестрелки его гренадеры захватили батарею пугачевцев из трех орудий. Восставшие беспорядочно бежали, многие вязли в снегу, а гусары их рубили. На поле сражения остались лежать двести пугачевцев.

---

²⁶² Муфель — Бибикову (31 декабря 1773 г.), Бибиков — Муфелью (3 января 1774 г.): Пугачевщина. Т. III. С. 15–19, 233–235. Новейший анализ рассматриваемого нами далее наступления Бибикова на повстанцев см.: Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Пугачева. Л., 1966. Т. II. Гл. V–IX.

²⁶³ Гринев — Бибикову, 11 января 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 507, ч. I. Л. 106–108 об.

²⁶⁴ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 253–254.

У Заинска правительственный отряд столкнулся с почти 1500 вооруженных бунтовщиков. Послав гусар отрезать им путь к отступлению, полковник Бибиков разделил свой отряд на три части. Они быстро захватили батарею противника и выбили его из города. Бибиков приказал прогнать сквозь строй солдат, сражавшихся на стороне бунтовщиков (в Заинске проживали отставники), а священников выпороть. Среди арестованных был вышеупомянутый подпрапорщик Богдан Буткевич. Сотни жителей близлежащих деревень пришли к Бибикову с повинной. Их было столь много, что полковник вынужден был ограничиться принятием с них присяги и роспуском по домам²⁶⁵

Узнав об этих успехах, генерал Бибиков выразил уверенность, что теперь «край очистится от сей нечистой сволочи». Однако во многих местах ситуация оставалась сложной. Уфа все еще находилась в осаде и по причине своей удаленности не могла рассчитывать на скорое освобождение; из Оренбурга и Яицка вестей не было никаких, над Екатеринбургом висела угроза, о том, что делается в Кунгуре, ничего не было известно с 10 января. Вся Башкирия бунтовала, башкиры-повстанцы захватывали заводы, терроризировали деревни, нападали на крепости. Тем временем генерал Деколонг сообщал о продолжении восстания в Западной Сибири²⁶⁶. Бибикову еще не было известно, что в январе повстанцы начали осаждать Яицкий городок. К началу февраля они захватили Илецкую Защиту — маленький форпост на пути в киргизскую степь. «Зло распространяется весьма далеко», — писал 24 января Бибиков графу Чернышеву и повторял: «не неприятель опасен, какое бы множество ни было, но народное колебание, дух бунта и смятение»²⁶⁷. А Денису Фонвизину он жаловался: «Да та беда, как нарочно все противу нас: и снега, и метели, и бездорожица. Но все однакоже одолевать будем»²⁶⁸.

Несмотря на тревожные известия, ежедневно получаемые Бибиковым в Казани, повстанцы не всегда добивались успеха. Осаждаемый с начала января и покинутый воеводой, Кунгур продолжал сопротивляться отрядам, посланным Чикой для его захвата. Местные купцы организовали успешную оборону и отбили два штурма. На помощь городу неожиданно пришел секунд-майор Александр Попов, присланный сюда из Казани сопровождать новобранцев. С небольшим отрядом старослужащих, рекрутов и нескольких сотен спешно

---

²⁶⁵ Там же. С. 256—257.

²⁶⁶ Бибиков — П. И. Панину, 21 января 1774 г.: Пугачевщина. Т. III. С. 236—238.

²⁶⁷ Бибиков — Чернышеву, 24 января 1774 г.: Бибиков А. А. Указ. соч. С. 84—85.

²⁶⁸ Бибиков — Фонвизину, январь 1774 г.: Там же. С. 76.

набранных крестьян он разделил город на участки обороны, организовал отслеживание передвижений повстанцев и запретил жителям празднично шататься по ночам. Он также зачитал им манифест Екатерины, увещевание архиепископа Вениамина и заставил принять новую присягу.

Столь же решительно Попов действовал и на поле боя. 9 января он совершил вылазку и разогнал отряды вооруженных башкир. Через два дня он заманил их в засаду и уничтожил пятнадцать человек. В ходе третьей вылазки, состоявшейся 15–17 января, войско Попова убило сорок и захватило сто шестьдесят повстанцев с пятью орудиями. Но на рассвете 23 января приблизительно две тысячи мятежников окружили Кунгур. Хотя восставшие вели стрельбу по защитникам города с близкого расстояния, их вооружение было примитивным и они не решались пойти на штурм. К вечеру они ушли в свой лагерь недалеко от города. После этого между башкирскими и казацкими командирами повстанцев возникли разногласия. Казак Иван Кузнецов арестовал своего башкирского соратника и уехал в Чесноковку, чтобы обо всем доложить Чике, командующему северным фронтом восстания. Мятежники отступили.

Получив от Бибикова в качестве подкрепления двести солдат майора Гагрин и два орудия, секунд-майор Попов 29 января прорвал блокаду Кунгура. Три недели спустя он и Гагрин освободили Красноуфимск. Затем Попов возвратился в Кунгур и за три недели очистил близлежащую территорию от мелких отрядов повстанцев. Майор Гагрин шел на помощь Екатеринбург, который с начала февраля осаждал пугачевский атаман Иван Белобородов²⁶⁹.

В отличие от Кунгура, в Екатеринбурге царил паника. Власти не смогли организовать оборону и даже думали о сдаче города; многие дворяне сбежали. К 10 февраля Екатеринбург был изолирован от внешнего мира. Белобородов двинулся по многочисленным металлургическим предприятиям региона, чтобы пополнить свое войско заводскими крепостными. Еще немного и Екатеринбург попал бы в руки повстанцев. Однако 27 февраля Гагрин разбил одного из подчиненных Белобородова в Уткинском заводе, потеряв лишь четырех человек убитыми и шестерых ранеными и взяв в плен более восьмисот пугачевцев. Шедший на помощь Уткинскому заводу примерно с пятьюстами повстанцев Белобородов тем же вечером атаковал отряд Гагрин, однако получил решительный отпор. После трехчасового сражения, потеряв триста человек и четыре орудия, Белобородов под покровом ночи отступил на юг. Однако 13 марта неутомный Гагрин настиг его в Каслинском заводе и наголову разбил, уничтожив приблизительно шестьдесят человек и более четырехсот взяв в плен, а также захватив девят-

---

²⁶⁹ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 204–216, 328–333.

надцать орудий и четыре знамени. Однако Белобородову опять удалось бежать: он поскакал к Пугачеву²⁷⁰.

Если освобождение Кунгура и Екатеринбурга было для генерала Бибикова радостью, то ситуация под Челябинском и Уфой заставила его встревожиться. Челябинск — административный центр оренбургской житницы, Исетской провинции — подвергался актам восставших с конца декабря 1773 г. В начале января 1774 г. «полковник» Иван Грязнов, посланный Чикой для захвата этого города, окружил его разношерстным войском из приблизительно 5000 человек. Получив отказ осажденных на призыв сдаться, Грязнов 10 января весь день обстреливал город, но так и не смог запугать его защитников. Опасаясь подхода сил генерала Деколонга, он отступил. 13 января два легкие команды Деколонга вошли в Челябинск. Генерал оставался там свыше двух недель, не оказывая никакого противодействия бесчинствам Грязнова в округе. 1 февраля Деколонг сделал вылазку против повстанцев, но не смог разбить их. Тогда он 8 февраля оставил Челябинск и двинулся в Шадринск²⁷¹.

Хотя Деколонгу удалось снять осаду с Шадринска, а в начале марта — с Далматова монастыря, генерал Бибиков был недоволен его самовольным уходом из Челябинска. В середине марта он попросил Екатерину заменить Деколонга. Она предложила Румянцеву прислать на Урал Суворова, но фельдмаршал отказался отдать своего лучшего генерала и Деколонг остался на своей должности²⁷². И так, пассивность челябинских властей позволила малочисленным силам повстанцев почти безнаказанно грабить Исетскую провинцию. Лишь их поражения в марте — особенно под Екатеринбургом — ограничили размах восстания в Западной Сибири.

Уфа, расположенная в самом центре Башкирии, осаждалась повстанцами с начала декабря 1773 г. Из соседней с ней Чесноковки Чика командовал всем северным фронтом восстания, будучи почти полностью независимым от «Военной коллегии» Пугачева в Берде. Чесноковка стала как бы второй Бердой, где Чика жил в роскоши благодаря подаркам напуганных крестьян и награбленного его шайками имущества. При первых известиях о появлении самозванца уфимские купцы и дворяне стали готовиться к нападению неприятеля. Они

---

²⁷⁰ Там же. С. 337–351. Гольденберг Л. А., Овчинников Р. В. Горнозаводские карты и планы 70-х годов XVIII века как источник по истории Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева // Проблемы источниковедения. М., 1959. Сб. 8.

²⁷¹ Кондрашенков А. А. Крестьянство Исетской провинции в Крестьянской войне 1773—1775 гг. // Ученые записки Курганского гос. пед. института. 1958. Вып. I. С. 135–136.

²⁷² АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 449; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 359–360.

набрали вооруженных людей, поделили город на сектора обороны, построили земляные батареи и одну подвижную. Кроме того, естественное расположение города — на берегах Белой, окруженного крутыми горами и глубокими оврагами — затрудняло нападение на него. 23 декабря Чика предпринял решающий штурм, но был отбит и на месяц ушел в свой лагерь. 25 января, после очередного неудачного штурма Уфы, повстанцы перешли к ее осаде, надеясь уморить город голодом²⁷³.

К 11 февраля полковник Юрий Бибииков освободил от мятежников Мензелинск, Нагайбак и Бакалы, и получил приказ присоединиться к генерал-майору князю Петру Голицыну, шедшему на Оренбург. Победы полковника Бибиикова, конечно, облегчили участь Уфы и сделали возможным снятие с нее осады. Генерал Ларионов с солдатами, казаками и уланами Казанского дворянского корпуса следовал за Бибииковым к Уфе. Разбив отряды повстанцев под Стерлитамаком и Бакалами, Ларионов, однако, на некоторое время был вынужден остановить свое наступление, ибо восставшие сожгли перед ним мосты и завалили дороги засеками. Недовольный медлительностью своего родственника, генерал Бибииков заменил его недавно прибывшим подполковником Иваном Михельсоном, закаленным ветераном Семилетней и русско-турецких войн. Он принял свою команду в Бакалах и 20 марта выступил оттуда на Уфу²⁷⁴.

Несмотря на то, что Чика выставил против него 10000 повстанцев, Михельсон передвигался стремительно. В ночь с 23 на 24 марта он приказал разжечь побольше костров, чтобы обмануть неприятеля, а сам в темноте подошел к заставе Чики в селе Третьяково и неожиданно напал на повстанцев. В панике они бросились в Чесноковку. После нескольких часов ожесточенного сражения правительственный отряд наголову разбил пугачевцев, уничтожив до 500 и взяв в плен 1560 человек. Вскоре был схвачен и сам Чика. Затем Михельсон занялся восстановлением порядка в этой местности, и казалось, что северный, башкирский фронт восстания теперь ликвидирован²⁷⁵.

Тем временем Голицын начал активные действия против Пугачева. 14 февраля генерал Мансуров и полковник Гринев взяли Бузулук, где уничтожили и пленили свыше шестисот восставших. Однако 6 марта Пугачев напал на авангард Голицына в Сорочинске, но после яростного боя вынужден был отступить.

Решающее сражение произошло в Татищевой крепости, которая контролировала пути на Оренбург и Яицк. Пугачев вызвал в нее из Берды 8000 человек и артиллерию. Повстанцы возвели вокруг раз-

---

²⁷³ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 312–320.

²⁷⁴ Там же. С. 258–260, 308–311.

²⁷⁵ Там же. С. 321–325.

рушенной крепости стены из снега и облили их водой. Когда разведчики Голицына 22 марта подошли к ней, они сначала не заметили там никого, но вскоре обнаружили множество пугачевцев. Голицын три часа обстреливал крепость из орудий, но безуспешно. Затем он пошел в атаку. Повстанцы ответили на это вылазкой, поддержанной семью орудиями, однако Голицын разом бросил на противника все свои силы и конницу, чтобы отрезать Пугачеву путь к отступлению. Солдаты ворвались в крепость, но самозванцу с несколькими соратниками удалось бежать. Повстанцы защищались отчаянно и потеряли 1300 человек, еще 1200 были убиты во время преследования и свыше 3000 попали в плен. Потери Голицына составили 140 человек убитыми и 515 ранеными²⁷⁶.

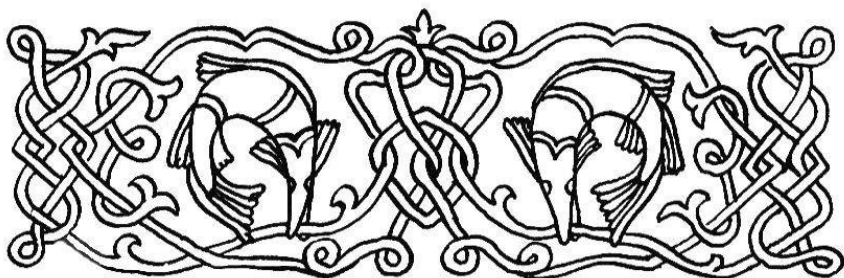
После этого Голицын двинулся в Оренбург. Пугачев забрал из Берды свое войско и направился в Переволоцкую крепость. Его бывшая ставка погрузилась в пьянство и панику, нескольких тысяч пугачевцев пошли сдаваться в Оренбург. Шестимесячная осада этого города завершилась, а через две недели генерал Мансуров освободил Яицк. Но Пугачев продолжал сопротивляться. Столкнувшись с посланными Голицыным лыжниками, он отступил от Переволоцкой и занял села Каргала и Сакмарск, где его настиг и разбил Голицын. Приблизительно 400 пугачевцев пали в том бою, свыше 2800 — в том числе четыре ближайших соратника самозванца Максим Шигаев, Иван Почиталин, Максим Горшков и Тимофей Падуров — попали в плен. Но сам Пугачев опять ускользнул от своих преследователей и с менее чем пятьюстами приверженцев поскакал на север — в Башкирию, а 9 апреля 1774 г. в Бугульме скончался от лихорадки главный организатор его разгрома генерал Бибиков²⁷⁷.

---

²⁷⁶ Там же. С. 292–303.

²⁷⁷ Там же. С. 376–387, 394, 397.

VI «ВИВАТ ПЕТР III И ПУГАЧЕВ!»

Пока Бибиков разворачивал свое наступление на повстанцев, Санкт-Петербург с декабря 1773 г. до апреля 1774 г. был охвачен тревогой. Хотя императрица и ее министры продолжали отслеживать ход борьбы с восстанием, они больше месяца не собирались на заседания Императорского совета²⁷⁸. Екатерина была занята другими проблемами: дипломатическими, подготовкой к весенней кампании с турками, дворцовыми делами и возвышением Потемкина. Ее беспокойство было заметно всем. «Состояние императрицы сейчас не очень хорошее, — сообщал в конце января посол Гуннинг. — В последнее время ее часто можно увидеть такой; возможно, этому способствовали недавние неприятности»²⁷⁹. Уверенная в успехе Бибикова, Екатерина тем не менее читала его донесения с большой озабоченностью и все время просила его поторопиться. «Колико возможно, не потеряйте времени, — писала она ему 9 февраля, — и страйтесь прежде весны окончать дурные и поносные сии хлопоты»²⁸⁰. 7 марта, предупредив Бибикова о недопустимости распространения восстания на Сибирь, ибо «сей край очень опасен», она потребовала: «Я теперь жду от Вас решительного». Через восемь дней она высказала опасения, что повстанцы могут прорваться в Сибирь²⁸¹.

Но один факт в какой-то мере успокоил Екатерину. Рассеивая ее подозрения о причастности к восстанию иностранных недругов России, генерал Бибиков 5 февраля уверил императрицу, что это «совсем неосновательно». Ранее он прямо заявлял, что допросы захваченных

---

²⁷⁸ Протоколы заседаний совета с 30 января по 10 марта 1774 г. не напечатаны: АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 448.

²⁷⁹ Гуннинг — Суффолку, 24 января 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2706.

²⁸⁰ Екатерина — Бибикову, 9 февраля 1774 г.: РИО. Т. XIII. С. 386.

²⁸¹ Екатерина — Бибикову, 7 и 15 марта 1774 г.: Там же. С. 395–396.

повстанцев и анализ их указов доказывают, что они были исключительно «ворами и злодеями», не имевшими грандиозных целей или могущественных лидеров²⁸².

Хотя императрицу беспокоили успехи повстанцев, она тщательно старалась скрывать свое волнение от иностранных друзей, называя восстание сущим пустяком. В январе она похвасталась Вольтеру о желании казанского дворянства снарядить 4000 (!) воинов для подавления беспорядков. «Я приняла их предложение», — спокойно заметила она²⁸³. В феврале она сообщила госпоже Бьельке в Гамбург о победах Бибикова и предрекала быстрый конец восстанию. «Так как Вы такая охотница до повешенных, — подначивала она свою корреспондентку, — то я Вам скажу, что здесь уже четверых или пятерых несчастных повесили; такие редкие казни производят в тысячу раз больше действия у нас, чем там, где вешают всякий день»²⁸⁴. Отвечая Фридриху II, который упомянул о пугачевском восстании в своем письме 23 февраля, она отметила, что бунтовщики не представляют никакой опасности, а скорее достойны только презрения; если эта неприятность и доставила ее врагам временное удовольствие, то, уверяла короля Екатерина, скоро с этим будет покончено²⁸⁵.

Несмотря на то, что императрица знакомилась с отдельными донесениями с мест, охваченных восстанием, и с рекомендациями Секретной комиссии, ежедневным просмотром всей корреспонденции на этот счет занимался генерал-прокурор Вяземский. Он вел переписку с местными властями, готовил документы об этом для Императорского совета и Сената, и исполнял обязанности председателя совета в отсутствие Екатерины. Будучи главой Тайной экспедиции, он не только контролировал работу Казанской секретной комиссии, но и руководил всеми действиями правительства по борьбе с беспорядками на юго-востоке страны. Помимо донесений от генерала Бибикова в Казани, московского генерал-губернатора Волконского и властей на местах, Вяземский требовал, чтобы курьеры Сената, побывавшие в местах восстания или поблизости, сообщали ему обо всем увиденном. Это было ему нужно, чтобы знать о настроениях народа.

Вяземского особенно интересовала реакция крестьян на появление Пугачева в образе покойного императора, а также настроения

---

²⁸² Бибиков — Екатерине, 5 февраля 1774 г.: Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: бумаги Кара и Бибикова: со снимком с приписки Бибикова на последнем его донесении Екатерине. С. 58; Бибиков — Екатерине, 29 января 1774 г.: РИО. Т. XIII. С. 390.

²⁸³ Екатерина — Вольтеру, 8 января 1774 г.: Documents of Catherine the Great / ed. W. F. Reddaway. Cambridge, 1931. P. 194.

²⁸⁴ Екатерина — Бьельке, 9 февраля 1774 г.: РИО. Т. XIII. С. 387–388.

²⁸⁵ Екатерина — Фридриху, 23 февраля 1774 г.: РИО. Т. XX. С. 340–341.

среди солдат, подавлявших этот бунт. Поскольку в России, где крестьянство составляло большинство населения, армия комплектовалась преимущественно из крепостных, требовались большие усилия, чтобы защитить этот оплот власти от проникновения в его ряды бунтарского духа. Поэтому в отношении солдат, проявивших колебания при подавлении восстания, принимались самые суровые меры²⁸⁶. В какой-то мере опасения Вяземского рассеялись после получения им сообщения от сенатского курьера, который выехал из Екатеринбурга 12 января и сообщил, что два полка Бибикова, действовавшие вне стен Казани, решительно настроены изловить и наказать злодеев²⁸⁷. Другой курьер, покинувший Казань 6 января, сообщал, что после прибытия в город отрядов Бибикова в нем стало спокойнее и сюда прибыло много помещиков из других мест. Он видел вступление в город Владимирского пехотного полка и отмечал бодрое настроение солдат²⁸⁸.

Однако другие посольные сообщали менее радостные известия. По возвращению из Иркутска в ноябре 1773 г. курьер рассказывал, что слухи о Пугачеве дошли до Тобольска и Соликамска²⁸⁹, а сообщения от Василия Полубояринова, вероятно, повергли Вяземского в ужас. В январе Полубояринов был послан с официальными бумагами в Саратов и обнаружил, что там «вся чернь говорит о находящемся под Оренбургом злодее, признавая его за царя Петра III, заявляя, что от него они имеют уверение, что будут вольны и независимы ни от кого». Аналогичные слухи ходили среди пензенских и московских крестьян, связывавших имя Петра III со свободой от притеснений со стороны помещиков-дворян. «Теперешнее положение нам несносно, — передавал их слова Полубояринов, — ибо большие дворяне награждаются деревнями и деньгами, а нам нет льготы. По причине войны мы несем большие тягости: рекрутские наборы и разные подати, кои должно платить и государю, и помещикам; приходится метаться в воду». Крестьянская вера в воскресшего императора была столь сильна, что они считали его непобедимым. «О воинских же командах, следующих для истребления злодеев, — сообщал этот курьер, — го-

---

²⁸⁶ В начале февраля 1774 г. императрица заметила князю Вяземскому, что двое солдат, наказанных за то, что утверждали будто бы войска, посланные против самозванца, не пойдут против него, явно ненормальные. Она приказала одного из них отправить лечиться в полковую больницу от сумасшествия, а другого сутки не кормить, чтобы он признался, кто ему такое сказал. Женщине, которая донесла на них, выдали 10 руб. (РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 2043, ч. XIII. Л. 25–25 об.).

²⁸⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 107 об.

²⁸⁸ Там же. Л. 81.

²⁸⁹ Там же. Л. 109.

ворят, что-де все это напрасно: все-де солдаты лишь только придут, то будут ему служить, ведь и им житье не лучше крестьянского»²⁹⁰.

Вяземский понимал, что эти отголоски бушевавшего далеко восстания являются предвестником русской крестьянской войны. Чем дольше продолжалось восстание, тем больше была опасность того, что оно может прорвать все плотины и, проникнув на новые территории, залить все российские села гражданской войной.

Не только деревни, но и города были охвачены слухами о самозванце. В декабре 1773 г. генерал-губернатор Волконский сообщал Екатерине, что поручил своему обер-полицмейстеру организовать подслушивание разговоров, ведущихся в общественных местах и среди дворян. Три недели спустя после оглашения в Москве правительственного манифеста от 24 декабря, генерал-губернатор решил с помощью своих шпионов узнать мнение людей об этом документе. «Большая часть народа, — сообщал он, — кляли и бранили бунтовщика и самозванца; а другие говорили с презрением и смехом: “Вот какой, вздумал государем быть!”». В городе, повторял Волконский, «все тихо и смирно»²⁹¹.

Но несмотря на эти успокоительные заверения, древняя столица только и говорила о Пугачеве. Свидетель тех событий, один немецкий учитель, вспоминал, что содержание указов Пугачева быстро стало известно в Москве, вероятно, от проникших в город агитаторов самозванца. В кабаках чернь шепталась о самозваном царе, и ни у кого не было сомнения, что у Пугачева имеется много сторонников среди московского простонародья. Помня, как пострадали иностранцы во время чумного бунта два года назад, этот учитель опасался за свою жизнь²⁹².

Эти же настроения в старой столице отмечает и другой свидетель. Франсуа-Огюст Тесби де Белькур, французский наемник, воевавший на стороне польских конфедератов и взятый в плен, в конце февраля возвращался через Москву домой из Сибири. Он вспоминал, что городские низы открыто поддерживали самозванца, несмотря на то, что власти ввели наказание кнутом, просмотр почты и заставляли принимать новую присягу.

---

²⁹⁰ Показание сенатского курьера Полубойринова: Пугачевщина. Т. III. С. 458.

²⁹¹ Волконский — Екатерине, 13 декабря 1773 г., 7 января 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 104—105.

²⁹² [Johann Theophil Ludwig Orlich]. Bemerkungen über Esthland, Liefland, Russland nebst einigen Beiträgen zur Empörungsgeschichte Pugatschews. Prag; Leipzig, 1792. S. 175—176.

Несмотря на все меры предосторожности, 6 марта примерно в шесть часов вечера во всех частях города стали раздаваться выкрики: «Виват Петр III и Пугачев!» Можно представить, какую панику это вызвало. Все бросились спасаться. Но твердость, проявленная князем Волконским, подействовала на умы, и большой пожар не успел разыграться²⁹³.

В последующие полгода или около этого такого рода инциденты были не редкостью.

Помимо полиции, выявлением агентов повстанцев и борьбой со слухами занималось московское отделение Тайной экспедиции при Сенате. Им было арестовано множество людей. Например, в апреле экспедиция разоблачила дворовых людей отставного поручика Усова, распространявших слухи, будто бы «Петр Федорович» скоро будет в Москве, и «они все будут за него стоять, и если бы они отданы были в солдаты, то они бы все пошли к нему на службу». Повар Сидор Ремесленников добавлял, что Пугачев «в Москве белопузых (дворян. — *Дж. А.*) всех перерубит». За свой длинный язык эти крепостные были крепко выпороты. Более серьезное наказание получили шестнадцать солдат Московского гарнизона: их попытка перейти на сторону Пугачева была раскрыта в мае и всех их прогнали сквозь строй²⁹⁴. Хотя восстание бушевало далеко, московские власти делали все, чтобы оно не перекинулось на их территорию. Поэтому Екатерина предоставила генерал-губернатору Волконскому еще двух гвардейских офицеров для проведения допросов²⁹⁵.

Московское отделение Тайной экспедиции занималось розыском сторонников восставших не только в столице, но и по всей губернии. Например, когда в начале декабря 1773 г. Владимирская провинциальная канцелярия сообщила об аресте дьячка Ивана Козьмина, уличенного в копировании повстанческого указа, его дело было передано в Тайную экспедицию. Расследование показало, что сей «указ» дал списать Козьмину серпуховской купец Петр Афонасьев, сообщивший, что прибыл из Казани и везде на своем пути видел этот документ. Это был манифест Пугачева от 11 октября Красногорской крепости²⁹⁶. Власти начали розыск этого купца и одновременно поручили Сенату вновь напечатать указ от 19 октября о подлинности только печатных манифестов. Когда Екатерине сообщили об этом случае, она приказала Вяземскому скопировать указ самозванца для Тайной

---

²⁹³ Thesby de Belcour F.-A. Relation ou journal d'un officier françois au service de la confédération de Pologne, pris par les Russes & relégué en Sibirie. Amsterdam, 1776. P. 224–225.

²⁹⁴ Джинчарадзе В. З. Указ. соч. С. 87–88.

²⁹⁵ Екатерина — Волконскому, 3 марта 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 106–107.

²⁹⁶ Пугачевщина. Т. I. С. 32.

экспедиции и поручила Волконскому разобраться с этим вопросом. В свою очередь Вяземский потребовал разыскать все экземпляры этого лжеуказа.

Московской Тайной экспедицией были найдены и допрошены свидетели по этому делу. Козьмин показал, что увидел указ 28 ноября в деревне Рогановая, стал читать его другим людям и переписал для себя. По его словам, он сделал это исключительно из любопытства и без всякого дурного умысла или по чьему-то заданию. При этом он не был автором этого указа, а только переписал его и познакомил с ним других людей. После того, как в результате усиленных поисков новых копий указа и привезшего его купца обнаружить не удалось, это дело в апреле 1774 г. было закрыто. Свидетели по нему были отпущены на свободу, с них была взята подписка о неразглашении обстоятельств дела. Поскольку Козьмин не был пугачевским агитатором, его отпустили домой, сочтя его четырехмесячное пребывание в тюрьме достаточным наказанием за его праздное любопытство²⁹⁷.

Даже в Санкт-Петербурге не обошлось без такого рода происшествий. Случившийся в январе 1774 г. инцидент, несомненно, на какое-то время лишил Екатерину спокойного сна, продемонстрировав степень нервозности властей в то время. На Новый год в Зимний дворец было подброшено письмо к императрице, подписанное «Честный человек». Так как оригинал его не сохранился, о содержании этого послания можно только догадываться; однако ряд иностранных послов, аккредитованных в столице, сообщили о некоторых подробностях этого дела своим правительствам.

Письмо, изведал 7 января посол Гуннинг, «содержало очень серьезные обвинения против генерал-прокурора, жалобы на задержку рассмотрения дел и на несправедливые приговоры, которые по ним выносились; утверждалось, что в настоящее время в Петербурге скопилось без движения 4800 дел. Хотя это, возможно, и преувеличение, но оно не столь далеко от истины»²⁹⁸. Десять дней спустя он добавлял, что в письме «многие представители власти обвинялись в злоупотреблениях, описывались гигантские масштабы коррупции, охватившей все учреждения; намекалось, что за всем этим стоит князь Орлов, прикидывающийся патриотом». Гуннинг пришел к выводу, что анонимный автор «сказал не более того, что было здесь у всех на устах»²⁹⁹. Прусский посланник граф Сольмс сообщил то же самое;

---

²⁹⁷ РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 415. Л. 6–22.

²⁹⁸ Гуннинг — Суффольку, 7 января 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2705.

²⁹⁹ Гуннинг — Суффольку, 17 января 1774 г.: Ibid, 2706.

австрийскому послу князю Лобковицу было лишь известно, что в письме обвинялись Орлов и Чернышев³⁰⁰.

Невзирая на характер сделанных обвинений, этот инцидент серьезно встревожил императрицу и ее правительство. Во дворце были приняты дополнительные меры безопасности: лица, имеющие звание ниже майора, в императорские апартаменты теперь не допускались³⁰¹. Екатерина приказала полиции публично объявить, что «Честный человек» должен прибыть во дворец князя Голицына, гофмаршала двора, чтобы лично подтвердить свои обвинения. Поскольку на этот призыв никто не откликнулся, Екатерина попросила Тайную экспедицию публично сжечь это письмо как клеветническое, а Сенат издать указ, запрещающий открывать анонимные послания. 11 января палач на глазах зевак предал сие подметное письмо огню перед Сенатом, а тот в тот же день выпустил указ, в котором повторялись аналогичные предупреждения предыдущих трех государей, а анонимный автор характеризовался как «сущий бездельник и наполненный развращенной дерзостью человек». Было приказано публично сжигать по всей империи такого рода подметные письма, не распечатывая их. Были отпечатаны и разосланы во все центральные, губернские и уездные правительственные учреждения несколько тысяч экземпляров этого указа; даже Императорская академия искусств получила их пять штук³⁰².

Одновременно, но отдельно от предшествующего указа, Сенат издал указ для Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Сибирской и Астраханской губерний публично уничтожать все захваченные у повстанцев бумаги («воровские письма»). Но в секретной инструкции губернским властям Сенат требовал перед уничтожением этих документов снимать с них копии и отсылать их в запечатанном виде в Тайную экспедицию³⁰³. Многие из этих бумаг попали в руки Екатерины. Ознакомившись в январе с некоторыми из них, она написала Бибикову, что «сии злодеи хотя весьма дерзки, но не видно, чтоб ум их соответствовал дерзости. Все присланные сочинения суть простые казачьи [обращения]»³⁰⁴. Однако эти документы позволили императрице во многом понять психологию и движущие силы восстания.

Этот незначительный инцидент с анонимным письмом, несомненно, вызвал у Екатерины стресс, сделав ее раздражительной. Гуннинг

---

³⁰⁰ Сольмс — Фридриху, 21 января 1774 г.: РИО. Т. LXXII. С. 454–455; Лобковиц — Кауницу, 18 января 1774 г.: РИО. Т. CXXV. С. 305.

³⁰¹ Сольмс — Фридриху, 21 января 1774 г.: РИО. Т. LXXII. С. 455.

³⁰² ПСЗРИ. Т. XIX. № 14100. См. анонимное письмо, январь 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 415. Л. 90–120.

³⁰³ РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 415. Л. 122–123. 128.

³⁰⁴ Екатерина — Бибикову, 15 января 1774 г.: РИО. Т. XIII. С. 381.

предположил, что императрица испытывает угрызения совести из-за продолжения войны, которая «вызывала почти всеобщее недовольство». «Сожжение недавно полученного ею подметного письма, — заключал сэр Роберт, — означает, что отныне она вообще не хочет слышать ни о каких жалобах. Они становятся громче день ото дня, и озвучиваются в самых крепких, даже в высшей степени изменнических выражениях, но, однако, это недовольство не приведет (как это ни парадоксально) к немедленной [дворцовой] революции»³⁰⁵.

С одним из самых резких протестов против политики Екатерины выступил ее сын, великий князь Павел. Стремясь взять в свои руки часть власти над империей, Павел в начале 1774 г. представил своей матери «Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оногo и касательно обороны всех пределов». За этим тяжеловесным заголовком скрывалось обличение всей внутренней и внешней политики режима.

Павел считал, что пятилетняя война с турками, одиннадцатилетние беспокойства в Польше, а теперь еще и оренбургские события «довольные суть причины к помышлению о мире, ибо все сие изнуряет государство людьми, а чрез то и уменьшает хлебопашество, опустошая земли». Хотя великий князь признавал, что Россия побеждала в войне, он отмечал, она многое теряла «недородами, язвой, которая, конечно, следствием войны была, беспокойствиями внутренними, а больше того еще рекрутскими наборами». Империи были нужны долгие годы мира, «дабы возобновить тишину, привести вещи в порядок и, наконец, наслаждаться совершенным покоем. К достижению сего надобно начать восстановлением внутреннего спокойствия, зависящего от домашнего положения каждого». Для восстановления экономики надо сократить налоги, пресечь наряды с земли, чтобы люди могли жить нормально. Тогда каждый, «не лишаясь имени своего: отцы — детей, а господа — тех, коих трудами живут, не будут иметь причины негодования, и тогда-то пресекутся главные причины неудовольствия».

Павел считал, что Россия должна отказаться от ведения наступательных войн и перейти к оборонительной политике. Для этого армия должна быть распределена по всей стране. Полки должны размещаться по губерниям и ими же снабжаться, комплектовать армию следует за счет солдатских детей — это было первым упоминанием о военных поселениях. Прибалтика и Белоруссия, писал Павел, могут вместо пре-

---

³⁰⁵ Гуннинг — Суффолку, 4 февраля 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2702. О некоторых последующих откликах на восстание в Санкт-Петербурге см.: Мавродин В. В. Отклики на восстание Пугачева в Петербурге // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 2. С. 25–29.

доставления рекрутов вносить за них деньги. Для всей армии должны быть составлены подробные штаты, уставы и инструкции, введена строгая подчиненность, что позволит повысить эффективность вооруженных сил³⁰⁶.

Как и следовало ожидать, Екатерина оставила предложения Павла без внимания. Вероятно, она почувствовала за ними руку Никиты Панина, политические взгляды которого знала достаточно хорошо. Однако предложения Павла заставили ее ускорить работу над подписанием мирного договора, поскольку она особенно опасалась распространения таких настроений среди более широких слоев дворянства.

Несмотря на то, что сначала российское правительство попыталось засекретить всю информацию о восстании, оно не смогло предотвратить ее утечку. 22 октября 1773 — спустя неделю после того, как Императорский совет получил первые известия из Оренбурга, послу Гуннингу уже было известно об обсуждении на нем этого вопроса³⁰⁷. Три дня спустя граф Сольмс сообщил о восстании Фридриху II. Князь Лобковиц проинформировал об этом Вену 9 ноября, а за четыре дня до этого французский посланник Дюран сообщил о восстании яицких казаков под предводительством самозванца и что в Оренбурге «все убиты»³⁰⁸.

У всех иностранных дипломатов в Санкт-Петербурге имелись свои агенты, через которых они скупали информацию, и вероятно, часть ее поступала к ним от источников в правительстве России. В ряде случаев они могли — прямо или косвенно — перехватывать донесения своих коллег. Так, французский посол в Константинополе подкупил слугу своего британского конкурента, посла Джона Мюррея, чтобы тот скопировал ему письменные донесения английского посольства за 1770—1775 гг.³⁰⁹ Послы часто получали информацию от своих соотечественников в России. Дюрану ее поставлял некто Денон, друг Бибиковых и приятель великого князя Павла. Но в мае

---

³⁰⁶ Подробное изложение меморандума Павла см.: Кобеко Д. Е. Цесаревич Павел Петрович (1754—1796). 2-е изд. СПб., 1883. С. 103—104. Краткий пересказ его см.: Макогоненко Г. П. Указ. соч. С. 166—170.

³⁰⁷ Гуннинг — Суффолку, 22 октября 1773 г.: РИО. Т. XIX. С. 380—381.

³⁰⁸ Сольмс — Фридриху, 25 октября 1773 г.: Hoffman P., Shützler H. Op. cit. S. 354; Лобковиц — Кауницу, 9 ноября 1773 г.: РИО. Т. СХХV. С. 284. Содержание депешы Дюрана от 5 ноября 1773 г. см.: Sumner B. H. New Material on the Revolt of Pugachev // Slavonic and East European Review. 1928. Vol. VII. P. 122.

³⁰⁹ Anderson M. S. Europe in the Eighteenth Century. London, 1961. P. 161.

1774 г. из-за одного неприятного инцидента ему пришлось неожиданно уехать из России³¹⁰. Однако самым информированным послом был сэр Роберт Гуннинг, который, вероятно, получал большую часть своих сведений из высокопоставленных источников. Например, он узнал о назначении генерала Бибикова уже 29 ноября, т. е. на следующий день после принятия решения об этом на Императорском совете³¹¹. Тем не менее, он жаловался, что Дюрану, в отличие от него, выделяются большие средства на добывание информации³¹².

До появления в конце декабря 1773 г. императорского манифеста против Пугачева иностранные дипломаты не имели никакой официальной информации о восстании. От главы русского внешнеполитического ведомства графа Панина они получали или успокоительные заверения или полное молчание. Поэтому большая часть их сведений об этом основывалась на слухах, а выводы приходилось делать по косвенным признакам. Так, граф Сольмс, узнав об отсутствии на рынках икры, решил, что пугачевцы уже захватили Волгу³¹³. Хотя иностранные послы иногда доверялись фантастическим рассказам о восстании или некритически воспринимали официальную русскую версию, их отчеты в целом — а Гуннинга даже в частности — отличались удивительной точностью, насколько это было возможно в тех условиях. Даже один из самых неприметных из них, Франьо де Ранина, представлявший Дубровник и за тридцать три месяца пребывания в российской столице так ни разу и не встретившийся ни с Екатериной, ни с российскими чиновниками, 7 января 1774 г. сообщал своему правительству, что в Оренбургской губернии началось восстание под предводительством самозванца. По его данным, там также взбунтовались и присоединились к мятежникам несколько тысяч татар, а генерал Кар был ими разбит. Теперь против них послан генерал Бибиков. «Я не сомневаюсь, что он победит мятежников, — замечал де Ранин, —

но все же это событие не совсем понятно. О нем нет никаких сведений, и никто не знает подробностей. Однако меня беспокоит то, что оно отложит заключение мира, ибо будет раздуто в Константинополе теми, кто выступает против мирного договора и они будут убеждать турков, что это маленькое восстание может иметь далеко идущие последствия. Я прошу Ваше Превосходительство не упрекать меня за то, что я ничего не писал об этом деле, ибо в этих условиях меня могли принять за шпиона...³¹⁴

---

³¹⁰ Sumner V. H. Op. cit. P. 118.

³¹¹ Гуннинг — Суффольку, 29 ноября 1773 г.: РИО. Т. XIX. С. 391.

³¹² Гуннинг — Суффольку, 21 January 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2706.

³¹³ Гуннинг — Суффольку, 27 декабря 1773 г.: РИО. Т. LXXII. С. 407.

³¹⁴ См.: Antoljak S. Dva izvještaja poslanika Dubrovačke Republike u Rusiji o bunu Pugačova // Godišen zbornik, filozofski fakultet na univerzitet-Skopje,

С другой стороны, колоритные донесения французского посла о восстании крайне раздражали российское правительство, которое полагало, что он преднамеренно подчеркивает его значение в угоду врагам России. Не пользуясь доверием за поддержку польских конфедератов во время пребывания в качестве посла в Вене, Дюран был не любим в Санкт-Петербурге и при антифранцузских дворах Европы. Его обвиняли в том, что он пытался через Дидро, гостившего у Екатерины в Санкт-Петербурге с сентября 1773 г. по февраль 1774 г., протолкнуть императрице планы французской дипломатии³¹⁵. Пруссак считали, что Дюран имеет тайные контакты с Пугачевым, и даже сам Фридрих II сообщал новому российскому послу в Версале, что «это Франция организовала оренбургский бунт и поддерживает его, снабжая повстанцев деньгами, выделенными специально для этого»³¹⁶. Но у Панина был ключ по крайней мере к одному из шифров Дюрана и он показал своим друзьям-дипломатам некоторые донесения французского посла, чтобы дискредитировать его. Но когда Гуннинг через герцога де Брольо ознакомился с частью секретной переписки Дюрана с Людовиком XV, она его не впечатлила: «Увиденные мною письма содержали очень неточную характеристику здешней си-

---

istorisko-filoloshki oddel. 1962. Kn. 13. S. 104–105. Это письмо частично переведено на русский язык: Фрейденберг М. М. Новая публикация о Пугачевском восстании (письма дубровницкого дворянина Франьо Савины Ранина, написанные из Петербурга в январе 1774 г.) // История СССР. 1965. № 1. С. 208–209. Полный перевод этой статьи на русский язык был любезно предоставлен нам профессором В. В. Мавродиным.

³¹⁵ Sumner V. H. Op. cit. P. 115. Гуннинг — Суффольку, 12 ноября 1773 г.: РИО. Т. XIX. С. 383–385. О посещении Дидро Санкт-Петербурга см.: Бильбасов В. А. Дидро в Петербурге. СПб., 1884. Гл. III. Подозрения, что за спиной восстания стоит Франция, привели к тому, что весной 1774 г. полковник расквартированного в Казани Владимирского драгунского полка некий Анжели, вернувшись из заграничного отпуска, был арестован за «непозволительные и предосудительные сношения» с чужестранцами и поэтому 16 июля 1774 г. был выслан из России. То, что с ним обошлись столь мягко, объясняется, вероятно, тем, что прямых свидетельств его связей с восставшими обнаружено не было. Подробнее см.: Осьмнадцатый век. Т. III. С. 229–231; РИО. Т. СXXXV. С. 100, 117 (мы благодарны д-ру Полу Дукесу за указание на этот случай).

³¹⁶ Гуннинг — Суффольку, 25 февраля 1774 г. (н. ст.): British Museum. Egerton Manuscripts, 2702.

туации и оказались совершенно не интересными», — отметил он в январе 1774 г.³¹⁷

Российские дипломаты за границей и их союзники пытались противостоять распространению французами преувеличенных слухов о восстании. Провал попыток Франции повлиять на российскую политику в отношении турок, сообщал из Османской Порты посол Мюррей, «вынуждает их организовывать беспорядки внутри России, чтобы разрушить эту империю, но я использую все свои возможности, чтобы пресечь эти попытки...»³¹⁸. Русский посол в Вене Д. М. Голицын посылал графу Панину копии того, что он считал депешами Дюрана³¹⁹.

Кажется, что сообщения Дюрана о восстании не были положительно восприняты даже в самой Франции. Лорд Стормонт, британский посланник в Версале, в апреле 1774 г. писал Гуннингу, что «когда о восстании появились первые сообщения, оно рассматривалось как весьма серьезное дело, и французские политики стали наперебой давать ему оценки, которые они считали правильными, но теперь все признают, что восстание почти подавлено и не будет иметь каких-то важных последствий»³²⁰.

Если иностранные дипломаты в столице империи могли хоть что-то узнать о положении в стране, то только благодаря своей расторопности или хитрости. Полное отсутствие в России независимой прессы означало, что они могли прочитать только то, что правительство печатало в двух официальных газетах, или извлекать информацию из писем, получаемых из глубинки империи (но в кризисные периоды власти часто ограничивали поступление почты с периферии). Все это делало добывание сведений весьма трудным занятием; как отметил за несколько лет до этого Уильям Ричардсон, «если вдруг одна половина России погибнет, то другая половина об этом ничего не узнает»³²¹.

Публикация в конце декабря 1773 г. правительственного манифеста о Пугачеве, вызванная, как уже было сказано, стремлением опровергнуть фантастические слухи об успехах повстанцев, положила ко-

---

³¹⁷ Лобковиц — Кауницу, 15 марта 1774 г.: РИО. Т. СХХV. С. 320; Гуннинг — Суффолку, 7 января 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2705.

³¹⁸ Murray to Gunning, 17 февраля 1774 г. (н. ст.): British Museum. Egerton Manuscripts, 2702.

³¹⁹ Н. И. Панин — Д. М. Голицыну, 12 апреля 1774 г.: РИО. Т. СХХV. С. 96.

³²⁰ Stormont to Gunning, 15 апреля 1774 г. (н. ст.): British Museum. Egerton Manuscripts, 2702.

³²¹ Richardson W. Op. cit. P. 38.

нец прежней практике держать все в тайне. Немного поколебавшись, Екатерина разрешила официальным газетам — «Санктпетербургским ведомостям» и «Московским ведомостям» — печатать отдельные сообщения об успехах генерала Бибикова в борьбе с восстанием. Однако она выжидала до конца февраля, пока не стало совершенно ясно, что бунтовщики терпят поражения. Поэтому «Санктпетербургские ведомости» впервые сообщили о восстании в «Прибавлении» к своему выпуску от 25 февраля 1774 г. В статье, составленной по донесениям Бибикова, перечислялись поражения, которые понесли повстанцы в Самаре, Заинске и Кунгуре, много внимания уделялось инициативе казанского дворянства по формированию ополчения. В газете был напечатан текст льстивой «Речи благодарственной» Державина. Что интересно, это сообщение, которое, как было сказано в статье, было отправлено 7 февраля из Казани, не содержало в себе никаких пояснений и дополнительной информации, так что человек, недавно прибывший в Россию, не смог бы понять, о чем идет речь³²². Очевидно, правительство полагало, что о восстании и так уже все знают, и это была правда.

Почти месяц спустя, 21 марта, «Санктпетербургские ведомости» выпустили новое «Прибавление», в котором сообщались подробности о победах полковника Бибикова в Нагайбаке и Бакалах, генерала Мансурова и полковника Гринева в Бузулуке и триумфах генерала Гагриня в Красноуфимске и под Екатеринбургом³²³. 11 апреля был напечатан подробный отчет о сражении под Татищевой. 29 апреля сообщалось о боевых операциях по истреблению остатков повстанцев, бегству лишь по счастливой случайности Пугачева в Каргалы и освобождению Оренбурга. Информирова о конце шестимесячной блокады Оренбурга, «Санктпетербургские ведомости» писали, что радость и благодарность жителей Оренбурга неопишима и они всячески славят императрицу за предпринятые ею меры по их спасению³²⁴.

«Московские ведомости» перепечатали эти сообщения две недели спустя. Таким образом, первое сообщение из Казани появилось только в «Добавлении» к номеру за 7 марта. 9 мая «Московские ведомости» перепечатали вышеуказанное сообщение, опубликованное в «Санктпетербургских ведомостях» десятью днями ранее³²⁵. Больше о восстании нигде не упоминалось до тех пор, пока оно не было подавлено.

Этот эпизод интересен следующим. Во-первых, упомянутые публикации должны были убедить общественность, что бунтовщики бе-

---

³²² Санктпетербургские ведомости. 1774. Прибавление. № 16. 25 февр.

³²³ Там же. 1774. Прибавление. № 23. 21 марта. 1774.

³²⁴ Там же. 1774. Прибавление. № 34. 29 апр.

³²⁵ Московские ведомости. 1774. Прибавление. № 19. 7 марта; Прибавление. № 37, 9 мая.

гут, и восстание уже фактически подавлено. Во-вторых, статьи в газетах были частью обращений и увещаний Екатерины к провинциальному дворянству с ее уже набившими оскомину заявлениями о союзе дворян и самодержавия.

Вероятно, в это же время императрица попросила князя М. М. Щербатова, ретрограда и малопривлекательного в общении человека, но неплохого историка, написать исследование о самозванцах в истории. Как позже вспоминал Щербатов, она сделала это для того, чтобы показать, что «не исключительно ее господство окружили такие удары, но что и в России ранее и в других государствах такое зло произошло». Хотя Щербатов был обременен домашними заботами, он через шесть недель представил двухсотстраничную рукопись под названием «Краткая повесть о бывших в России самозванцах» (СПб., 1774)³²⁶. Опубликованная анонимно, она была переиздана в 1778 и 1793 гг.

Несмотря на свое название, сочинение Щербатова было посвящено почти исключительно самозванцам, появившимся в Московском государстве в эпоху Смутного времени в начале XVII в. Вкратце автор рассказал о Стеньке Разине, но совершенно не упомянул о самозванцах первого десятилетия правления Екатерины. Цитируя работы Самуэля Пуфендорфа, Щербатов мимоходом коснулся английских самозванцев времен Генриха VII; но он не стал увлекаться подбором аналогий, хотя, возможно, этого хотелось видеть в книге Екатерине, объявив на первой странице своего исследования, что начиная с древности «нет ни единой области в свете, которая бы не была раздираема разными междоусобиями и мятежами, начавшими от древних народов».

Труд Щербатова был хорошим историческим, но плохим пропагандистским сочинением. То, что его впоследствии переиздавали, несомненно, было обусловлено интересом читающей публики к истории, а не к взглядам его автора на современность. Щербатов не мог открыто высказаться о восстании (в неопубликованных письмах он определяет его как «вторую войну», которая, наряду с войной с турками и угрозой третьей войны — со Швецией — потрясла царский трон), но тем не менее дал интересную трактовку народных волнений³²⁷. Для этого консерватора народные восстания были то же, что и природные катастрофы: стихийные беспорядки, по его мнению, являются следствием неспособности невежественных масс противостоять новшествам и легкомыслию. Хотя просвещение, науки и закон произвели перемены в наших нравах, человеческая натура остается по сути неизменной, особенно у простого народа, поэтому эти явления повто-

---

³²⁶ Щербатов М. М. О себе // Щербатов М. М. Неизданные сочинения. С. 112–113.

³²⁷ Щербатов М. М. Мнение о поселенных войсках // Там же. С. 64.

ряются во все периоды истории. Наконец, всегда есть недовольные люди, которые хотят достичь своих целей, прибегая для этого к народным бунтам, вожди, которые раздают обещания, не имея возможности их исполнить, однако привлекают на свою сторону невежественную толпу³²⁸.

Короче говоря, Шербаков озвучил теорию социального развития России, теорию, которая жива до сих пор. Она постулирует наличие в русском народе исконной тяги к борьбе, стихийного начала, которое время от времени порывается наружу и превращается в бунт. Отсюда следует, что управлять таким народом можно только с помощью силы. Вероятно, Екатерина и большая часть российского дворянства разделяли эти убеждения³²⁹.

Известия о таинственных и удивительных событиях, происходивших в глубинах таинственной России, докатились до Западной Европы к концу 1773 г. Интересовавшаяся Россией — по причине раздела Польши и войны с турками — западная печать сразу ухватилась за эти сообщения, разнесла их по всему свету и породила многочисленные комментарии, чем вызвала крайнее раздражение Санкт-Петербурга. Голландская и швейцарская пресса, газеты немецких городов — Кельна, Франкфурта, Гамбурга, были самыми независимыми и наиболее информированными изданиями на континенте. Они имели собственную корреспондентскую сеть и получали сведения о пугачевском восстании из Варшавы, Вены, Санкт-Петербурга, Москвы и других мест³³⁰. Английские газеты в основном перепечатывали

---

³²⁸ [Шербаков М. М.] Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774. С. 5, 184. Новейший анализ взглядов М. М. Шербакова см.: Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия: М. М. Шербаков. М., 1967. С. 144–146 и *passim*.

³²⁹ «Не удивительно, — однажды заметила Екатерина, — что в России было среди государей много тиранов. Народ от природы безпокоен, неблагодарен и полон доносчиков и людей, которые, под предлогом усердия, ищут лишь, как бы обратить в свою пользу все для них подходящее» (Memoirs of Catherine. P. 367). Комментируя восстание в Оренбурге, его английский современник сказал об этом еще жестче: «Русское правительство может обеспечить повиновение лишь до тех пор, пока оно держит перед лицом народа розги и топоры; но если расстояние или какое-то другое обстоятельство сделают их недоступными властям, всякие дисциплина, порядок и покорность сразу заканчиваются и тот, кто еще недавно был самым презираемым рабом, в одночасье становится надменнейшим типом, неуважающим все законы и принципы...» (Annual Register. 1773. P. 5).

³³⁰ Корнилович О. Е. Общественное мнение Западной Европы о Пугачевском бунте // Анналы. 1923. Т. III. С. 149–151.

эти материалы и распространяли новости в английские колонии в Америке.

Как можно было предполагать, публикации западноевропейской прессы сообщали о бунте Пугачева самые невероятные сведения. Но несмотря на искажения, вызванные значительной удаленностью этих событий от Европы, скупостью официальных сообщений из Санкт-Петербурга и их проправительственным характером, европейским средствам массовой информации удалось собрать множество заслуживающих доверия материалов и высказать ряд проницательных суждений о пугачевщине.

Первые известия о восстании попали в Европу в декабре 1773 г. Цитируя одну гамбургскую газету за 13 декабря, издающаяся в Лондоне «Дейли Эдветайзе» (Лондон) сообщала о мятеже донских казаков и казанских татар, рассказала о поражении «генерала Брандта» и отбытии генерала Кара на войну с бунтовщиками³³¹. К середине января 1774 г. Европа уже многое знала об этих событиях. «Дейли Эдветайзе», вновь пересказывая сообщение гамбургской газеты за 21 января из Гамбурга, писала:

Последнее письмо из Москвы подтверждает сообщения о восстании яицких казаков, к которым присоединились люди из других мест, граничащих с Волгой. Они выбрали своим главарем некоего Пугачеффа, и утверждается, что он разбил посланный против него отряд полковника Кара. Мятежники также разграбили рудные месторождения Димидоффа и убили нескольких местных дворян за то, что те отказались к ним присоединиться. Сообщается, что к ним присоединилось некоторое число ссыльных и сбежавших из-под стражи заключенных. Известно, что численность мятежников составляет семь тысяч человек, их артиллерия состоит из пятнадцати пушек, и к ним присоединилась половина отряда из 1500 солдат, посланных для приведения их в покорность. Войска, которые сейчас идут против них и частью были взяты из петербургского гарнизона, под командованием генерала Бибикоффа нападут на них с одной стороны, а второе войско, которое идет в направлении Сибири, обойдет их с другой, и можно не сомневаться, что они в скором времени будут разбиты³³².

Опираясь на свои континентальные источники, «Дейли Эдветайзе» продолжала подробно знакомить читателей с ходом восстания. В целом ее репортажи были написаны сдержанным тоном и содержали мало вымысла. Иной характер носила информация в ряде других европейских изданий. Например, в феврале «Райхс Пост-Рейтер» (г. Алтона) пересказывала сообщение одной кельнской газеты, что горнозаводчики Еврайнофф и Демидофф подняли восстание, причем

---

³³¹ Daily Advertiser (London). 1774. January 8.

³³² Ibid. 1774. February 3.

первый назвался Петром III³³³. А в марте «Ландэн Кроникл» напечатала письмо из Вены, подписанное «Аббат П.», в котором сообщалось о сильном страхе, охватившем Россию «из-за больших успехов, которые мятежник Емелман Пугачев производит в сердце империи, и который, как говорят, теперь командует свыше 120000 человек, хорошо вооруженных и снабженных многочисленными пушками». В то же самое время распространились слухи, что Бибииков потерпел поражение, а Екатерина в отчаянии передала престол Павлу; однако признавалось, что эта новость вряд ли достоверна, «ибо такая сильная духом женщина расстанется с короной только вместе с жизнью»³³⁴.

Столь свободное обсуждение этих вопросов, естественно, привело российское правительство в ярость и оно сразу же бросилось опровергать эти публикации. Граф Панин пришел в такое неистовство из-за «клеветы», напечатанной в кельнских газетах, что приказал русскому посланнику при имперском сейме выразить протест по поводу этих оскорблений и потребовал выпороть владельца немецкой газеты³³⁵. Русское правительство также попыталось распространить в европейской прессе свою оценку восстания. 14 января вице-канцлер А. М. Голицын отправил своему кузену, российскому посланнику в Гааге Д. А. Голицыну экземпляры правительственного манифеста о Пугачеве для публикации его в голландских газетах, что и было сделано в феврале³³⁶.

Голицыну и всем российским послам за границей было поручено всячески принижать размах и значение восстания. Уже в середине февраля 1774 г. Голицын попытался представить его как незначительный бунт на окраине страны, утверждая, что «восстание, если оно и было, сейчас уже полностью подавлено». Кроме того, он утверждал, что «в целом все тихо. В Российской империи армия и люди считают себя вполне счастливыми благодаря мудрому и гуманному правлению их нынешней государыни»³³⁷. А через месяц он просто напечатал извлечение из письма, сообщавшего об успехе Бибиикова³³⁸.

---

³³³ Reichs Post-Reuter (Altona). 1774. February 4.

³³⁴ London Chronicle. 1774. March 26. С. 296.

³³⁵ Н. И. Панин — Струве, русскому посланнику при императорском сейме в Регенсбурге, 21 февраля 1774 г. (утвержден лично Екатериной днем раньше): РИО. Т. СXXXV. С. 45—46.

³³⁶ Например, в «Haerlemse Courant» (Haarlem) 12 февраля 1774 г. и в «Hollandsche Historische Courant» (Delft) 14 февраля.

³³⁷ Daily Advertiser. 1774. February 12.

³³⁸ Ibid. 1774. March 10. Кроме того, посол в Париже И. С. Барятинский 26 января сообщал Екатерине, что здесь много говорят о бунте, но он на все отвечал, что бунтовщики — это обыкновенные разбойники, которые будут скоро

Наконец, 14 мая он сообщил о поражении Пугачева в Татищевой и торжественно объявил: «Этот счастливый случай, кажется, положил конец обстоятельству, которое наделало так много шума по всей Европе, и было столь раздуто нашими недругами»³³⁹. Одновременно Коллегия иностранных дел подготовила сообщение о победе над повстанцами, которое было напечатано в гамбургских газетах³⁴⁰.

Но российская бюрократия не смогла воспрепятствовать широкому распространению сведений о восстании³⁴¹. Известия о нем даже перешагнули через Атлантику. «Виджиния Газет» (г. Уильямсбург), приводя письмо из Варшавы, сообщала:

Из Петербурга пишут, что восстание кассан и Оренбурга дошло до Смоленикова. Главное войско повстанцев насчитывает приблизительно 80000 человек, которыми, в основном, командуют польские конфедераты. Пугачев никогда не появляется в присутствии своих сторонников в форме солдата или командира, а только одетым в Пророка. Когда он показывается на людях, то бывает облачен в епископское одеяние, благословляет свои армии молитвой и плачем, после чего обещает им победу, предначертанную свыше. Он представляет себя в качестве воскресшего из мертвых Петра III, посланного Богом, чтобы добыть для своего сына, нынешнего великого князя, корону России, которую обманом и силой удерживает его мать, и который должен занять трон после победы его армии. Он обещает своим солдатам, именем своего сына, что все они станут полноправными гражданами Российской империи, а тех, кто отличится, за особое усердие сделают дворянами. Он заявляет об этом по два-три раза в неделю, и удивительно, сообщает наш корреспондент, какое впечатление это производит на умы бедных невежественных людей³⁴².

переловлены и усмирены (Собственноручная записка Екатерины, февраль 1774 г.: РИО. Т. СXXXV. С. 30).

³³⁹ Daily Advertiser. 1774. May 14. Вероятно, Голицын также был автором письма в «Gazette d'Utrecht» (1774. April 15), которое, среди прочего, утверждало, что чем больше Россия процветает, тем больше она вызывает зависти и тем сильнее пытаются принизить ее значение. Территория, на которой произошло восстание, очень обширна; за исключением Оренбурга на ней имеется лишь небольшое число разбросанных далеко друг от друга маленьких крепостей и поэтому рассчитывать на защиту могли только близлежащие к ним селения, а остальные, вероятно, попали в руки бунтовщиков (Жорнилович О. Е. Указ. соч. С. 163–164).

³⁴⁰ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 306.

³⁴¹ Вице-канцлер Голицын писал своему кузену, что невежество и злоба являются причиной преувеличения оренбургского дела в зарубежных странах: А. М. Голицын — Д. А. Голицыну, 25 февраля 1774 г.: РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4249. Л. 5.

³⁴² Virginia Gazette (Williamsburg). 1774. June 16. Перепечатывая этот репортаж, «Анниул Реджиста» комментировал: «Несмотря на грубость этого

Отличительной чертой почти всех комментариев восстания, появившихся как внутри, так и вне России, было стремление видеть в нем чей-то заговор. Как отмечалось выше, Екатерина подозревала, что оно кем-то управлялось извне. Да и западная пресса упорно связывала восстание с кознями внутренних врагов Екатерины или с происками польских конфедератов. Очевидно, современники были просто не в состоянии понять, что восстание может возникнуть само по себе.

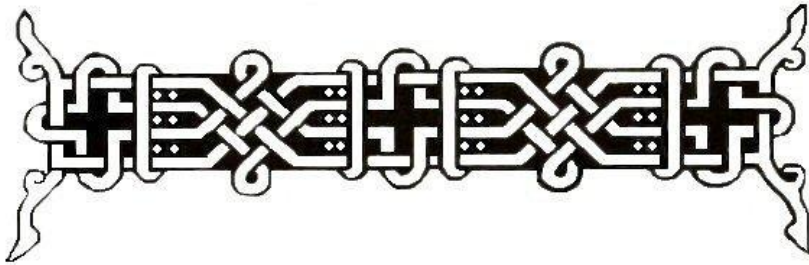
Аналогично западная пресса продемонстрировала поразительное единодушие, увязывая восстание с внешними проблемами России. Как было показано выше, одни просто объясняли его причину интригам ее недругов, другие же предлагали более сложные толкования. Обсуждая отношения России с крымскими татарами и с Пугачевым, «Анниул Реджиста» проницательно заметил: «Вряд ли эти восстания приведут к каким-либо непредвиденным последствиям, однако они свидетельствуют о непрочности власти в этой империи и являются следствием войны, которая, вероятно, была начата, чтобы предотвратить эти волнения»³⁴³. К марту 1774 г., еще до того, как новость о поражении Пугачева достигла столицы, призрак восстания стал преследовать Санкт-Петербург, создав дополнительные трудности для российской внешней политики.

самозванства, жестокость и необыкновенные обстоятельства этой воспользовавшейся недовольством и невежеством народа истории, она обеспила ему несметное число сторонников...» (Annual Register. 1773. P. 6).

³⁴³ Annual Register. 1773. P. 6.

VII ПУГАЧЕВ ЕЩЕ НЕ СЛОЖИЛ ОРУЖИЯ

Как мы помним, в начале января 1774 г. российское правительство, сочетая силу с дипломатией, решило победоносно завершить войну с турками. После консультаций с фельдмаршалом Румянцевым Екатерина и ее совет утвердили стратегию весенней кампании: главный удар следовало нанести на Дунайском фронте, дополнив его действиями флота в Греческом Архипелаге и Второй армии под Очаковом. Императорский совет также рассмотрел условия мира. Большинство его членов одобрили передачу Керчи и Еникала татарам в обмен на турецкую крепость Кинбурн. Но в отличие от графа Панина, правительство отказалось пойти на уступки в главном — в вопросе о независимости крымских татар и свободном плавании русских судов по Черному морю.

На фоне этих дебатов тема восстания отошла на второй план. Однако 24 декабря Санкт-Петербург выпустил манифест о Пугачеве, чтобы в какой-то мере не допустить использования турками слухов о бунте в своих целях. Были также предприняты меры по пресечению враждебной деятельности турок в Крыму и среди татар на Кубани. Восстание не запугало власти империи, но оно еще больше осложнило ситуацию в стране, ограничило возможности правительства и заставило его активизировать работу по скорейшему заключению мира. 29 января 1774 г. генерал Бибиков писал из Казани Денису Фонвизину: «Неужели и теперь о мире не думаете? Эй, пора, право, пора!»³⁴⁴

В то время как генерал Бибиков победоносно сражался с восставшими, а фельдмаршал Румянцев готовился к броску за Дунай, Екатерина сосредоточилась на дипломатии. Узнав в середине февраля о смерти султана Мустафы III, она, во-первых, предложила Румянцеву воспользоваться этим и нанести молниеносный удар по Силистрии

---

³⁴⁴ Бибиков — Фонвизину, 29 января 1774 г.: Пушкин А. С. Указ. соч. С. 201.

и Варне, чтобы принудить турок к мирным переговорам, а во-вторых, попыталась через Берлин и Вену выяснить турецкие намерения. Хотя Румянцев отверг предложенный ему план как несбыточный, почтительно напомнив государыне, что Варна находится не на Дунае, а в более чем ста милях юго-восточнее, он как полномочный представитель России постоянно напоминал великому визирю об угрожающем состоянии Порты, намекая, что следующая военная кампания приведет к его дальнейшему ухудшению. Напротив, уступка Керчи и Еникала могла бы принести туркам пользу³⁴⁵.

Императорский совет вернулся к обсуждению условий мира 10 марта, после того как граф Панин сообщил, что австрийский канцлер князь Кауниц пообещал России помочь в этом. В случае, если турки откажутся заключать мир, Вена была готова отказаться от ранее данного им обещания добиваться от России возврата Турции после войны дунайских княжеств³⁴⁶. В связи с этим Панин предложил окончательно определить условия мира. Он продолжал настаивать на обмене Еникала и Керчи на Кинбурн и на плавании по Черному морю только торгового русского флота. За исключением князя Орлова, который опять был против этих предложений, совет единогласно одобрил этот план. Но императрица попросила продолжить обсуждение этого вопроса и принять по нему решение на следующем заседании. Поэтому 13 марта совет, «признавая при том по настоящим обстоятельствам нужду в скором мире», определил условия, которые Румянцев должен был предложить туркам. Он обязан был потребовать в обмен на Керчь и Еникал крепости Очаков и Кинбурн. В противном случае следовало настаивать на передаче Кинбурна и срытии Очакова. Но если турки откажутся и это, то «познавая сущую государственную надобность скорейшего возвращения отечеству тишины и мира», можно было согласиться и на вариант графа Панина³⁴⁷.

Кроме того, правительству стало известно, что враждебные ему силы используют слухи о возникших в России внутренних проблемах, чтобы убедить турок продолжать войну. В те дни посол Гуннинг докладывал своему правительству, что «французские и шведские ми-

---

³⁴⁵ Екатерина — Н. И. Панину (6 февраля 1774 г.), Екатерина — Румянцеву, 14 февраля 1774 г.: РИО. Т. СХХХV. С. 38—42. Румянцев — Екатерине, 5 февраля, 5 марта 1774 г.: П. А. Румянцев. Т. II. С. 700—701, 707—709.

³⁴⁶ Соловьев С. М. История России. Т. XV. С. 77. В. А. Ульяницкий отмечал, что Кауниц предупредил турок о готовящемся демарше и даже посоветовал им, что делать. Он считал, что если они отвергнут австро-прусско-российское предложение, то России придется пойти на уступки (Ульяницкий В. Указ. соч. С. 461—467).

³⁴⁷ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 273—274.

нистры в Константинополе не просто распространяют слухи о проблемах России, а передают Оттоманской Порте, как они говорят, подлинные сообщения, написанные и подписанные мятежниками, о разбитии войска генерала Бибикова, взятии Казани и походе на Москву». В связи с этим Фридрих II Прусский рекомендовал Екатерине как можно скорее заключить мир, чтобы избежать войны со Швецией или Польшей³⁴⁸.

Однако в середине марта совет прервал обсуждение вопроса о мире, поскольку турки согласились принять предложения Екатерины и попросили фельдмаршала Румянцева возобновить переговоры. На основании данных ему 14 февраля полномочий, Румянцев сообщил великому визирию, что имеет право вести мирные переговоры и хочет знать реакцию турецкой стороны на условия, предложенные Россией в прошлом году на Бухарестском конгрессе. Фельдмаршал напомнил, что эти полномочия даны ему давно, чтобы, как он объяснял в письме Алексею Обрескову, представлявшему Россию на бухарестских переговорах, не вызвать у великого визирия подозрения, что «к сему принуждают нас внутренние беспокойствия, о которых он уже довольно знает»³⁴⁹. Ситуация для заключения мирного договора была сейчас наиболее подходящей.

---

³⁴⁸ Там же. С. 277. Гуннинг — Суффолку, 1 апреля 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2706.

³⁴⁹ Румянцев — великому визирию, 21 марта 1773 г.: П. А. Румянцев. Т. II. С. 710—711. Румянцев — Обрескову, 17 марта 1774 г.: Архив военно-походной канцелярии графа П. А. Румянцева-Задунайского. Ч. II, 1770—1774 // Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1865. Кн. 2. С. 299.

Надежный турецкий источник свидетельствует, что в Порте знали о Пугачеве и полагали, что его восстание облегчит туркам наступление на Дунае, а также проведении протурецким ханом Кыяма Девлет-Гиреем «диверсии» на Кубани. Но Румянцев опередил турков на Дунае, а весной 1774 г. русские разгромили татар в кубанских степях. Об имеющейся у Турции информации о восстании см.: Рассказ Ресми-эфендия, оттоманского министра иностранных дел, о семилетней борьбе Турции с Россией (1769—1776) // Библиотека для чтения. 1854. Т. СXXXIV. С. 53—54. См. юмористические записки о восстании, принадлежащие перу турецкого военнопленного: Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771—1775 гг. // Русская старина. 1894. Т. LXXXI. № 3—5. С. 144—146. О попытках «диверсии» турков на Кубани см.: Екатерина — В. М. Долгоорукму, 19 марта, 28 апреля 1774 г.: РИО. Т. СXXXV. С. 71—73, 100; Румянцев — великому визирию, 9 июня 1774 г.: П. А. Румянцев. Т. II. С. 746—747. Подобно русским, внимательные иностранные наблюдатели связывали проведение этой «диверсии» с тем, что туркам известно о восстании (см., например: Annual Register. 1774. С. 4—5). О вторжении Девлет-Гирея было известно и киргизским ордам, находившимся

Когда 6 апреля новость о предложении турецкой стороны достигла Санкт-Петербурга, у императрицы уже был подписан рескрипт Румянцеву об уступках туркам, на которые он должен был пойти. Но в тот же день она получила долгожданные известия о сокрушительном поражении Пугачева в Татищевой³⁵⁰. Поэтому она послала Румянцеву новые инструкции, одобрив его ответ великому визирю. Чтобы знать о планах турков на переговорах, она поручила ему выяснить их через прусского и австрийского министров в Османской Порте (в тот период своего дипломатического представителя в Константинополе у русских не было). Она также предложила Румянцеву поставить свой лагерь поближе к ставке великого визиря, чтобы ускорить переговоры. Наконец, императрица разрешила своему представителю в случае необходимости использовать эффективное средство ведения дел с турками, а именно подкуп кого-то в окружении великого визиря; для этого ему было выделено около 100000 руб.

Если реакции великого визиря не будет, Румянцев должен был сообщить ему, что получил новые указания от своего двора заключить мир «на выгодных и сходственных кондициях для обеих империй». Однако фельдмаршал обязан был твердо заявить, что мирный договор должен свести к минимуму напряженность между противоборствующими сторонами, компенсировать России военные расходы и разрешить свободную торговлю между Россией и Турцией. Екатерина полагала, что Румянцев должен был начать переговоры в соответствии с данными ему инструкциями, исходя из ответа визиря на эти условия и учитывая ранее достигнутые в Бухаресте договоренности. Естественно, позиции Румянцева на переговорах были бы более прочными, если бы он заранее знал, на что готов пойти великий визирь; поэтому императрица уполномочила фельдмаршала пожертвовать для этого «знатною суммою денег»³⁵¹.

Из сказанного ясно, что российское правительство очень жаждало мира, и даже было готово пойти на значительные уступки, чтобы как можно скорее его заключить. Но не следует преувеличивать влияние восстания на спешку в этом вопросе. Как отмечалось выше, Россия планировала пойти на уступки туркам еще за несколько месяцев до начала бунта. Но когда это, наконец, было воплощено в конкретных, хотя и очень осторожных указаниях, Пугачев потерял со-

---

вблизи оренбургских границ: К истории пугачевского бунта: в степи у киргиз-кайсаков // Русская старина. 1890. Т. LXVI. С. 114.

³⁵⁰ Екатерина — Румянцеву, 10 апреля 1774 г.: РИО. Т. СXXXV. С. 83—89; Екатерина — ливонскому губернатору фон Броуну, 7 апреля 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. III. С. 228.

³⁵¹ Екатерина — Румянцеву, 10 апреля 1774.: РИО. Т. СXXXV. С. 90—94.

крушительное поражение в Татищевой, что в Санкт-Петербурге было расценено как начало его конца. 9 апреля Екатерина сообщила фельдмаршалу Румянцеву о разгроме бунтовщиков, отметив, что «ко времени и кстати разрушается потеха сия, произведя несколько месяцев сряду некоторый род новой гордости в ненавистниках славы империи нашей». И если бы усилия дипломатов потерпели неудачу, русское правительство было готово достичь своих целей с помощью силы: в том же самом письме Екатерина повелела Румянцеву добиться мира «пером или оружием»³⁵².

Еще до получения этих новых инструкций, Румянцев по тону второго письма великого визиря заподозрил, что турки просто тянут время. 28 апреля он написал ответ турецкому представителю на основании новых указаний Екатерины. Одновременно его армия пересекла Дунай, начав тем самым весеннюю кампанию³⁵³. Через неделю адмирал граф Алексей Орлов, главнокомандующий русским флотом в Средиземном море, отправился из столицы к месту службы с приказом Екатерины как можно скорее победить врага на море³⁵⁴. Императрице была нужна быстрая и безусловная виктория.

Никогда не отвергавший приглашений, сделанных женщинами (ходили слухи о наличии у него в прошлом приблизительно пятнадцати любовниц), генерал Григорий Александрович Потемкин прибыл в Царское Село вечером 4 февраля 1774 г.³⁵⁵ Он был немедленно препровожден в личные апартаменты императрицы, где беседовал с ней около часа. В течение этого месяца, судя по Камер-фурьерскому журналу, Потемкин по крайней мере четыре раза обедал с Екатериной и ее придворными³⁵⁶. Неофициально они, вероятно виделись чаще.

Хотя не совсем ясно, по какой причине и как происходило возвышение Потемкина как фаворита императрицы, последняя неделя февраля и первые недели марта стали свидетельством его головокружительного взлета к вершинам власти. 27 февраля он попросил Екатерину сделать его ее генерал-адъютантом — то была обычная для фаворитов должность. На следующий день это его желание было исполнено, а еще через день или два об этом стало известно уже всем. В воскресенье, 2 марта, новый фаворит сидел во время обеда рядом с императрицей. С того дня они стали неразлучны; Потемкин почти всегда обедал теперь с Екатериной и узким кругом придворных. Тем временем,

---

³⁵² Екатерина — Румянцеву, 9 апреля 1774 г.: Там же. С. 82.

³⁵³ Румянцев — Обрескову (11 апреля 1774 г.), Румянцев — Екатерине, 19 апреля 1774 г.: П. А. Румянцев. Т. II. С. 721—725.

³⁵⁴ Екатерина — А. Г. Орлову, 6 мая 1774 г.: РИО. Т. I. С. 96—97.

³⁵⁵ *Memoirs of Catherine*. P. 355-356.

³⁵⁶ Камер-фурьерский журнал 1774 года. СПб., 1864. С. 60—97.

прежнему фавориту Васильчикову пришлось срочно освободить свои покои в Зимнем дворце; в качестве компенсации ему были пожалованы поместья, крепостные, особняк и 50000 руб.³⁵⁷

В середине марта императрица сделала своего нового протеже подполковником лейб-гвардии Преображенского полка. В течении следующих трех месяцев она осыпала его многочисленными почестями и должностями. Потемкин стал кавалером ордена Св. Александра Невского, польского ордена Белого Орла и пожалован перстнем, который по мнению всех, стоил 12000 руб. Его ввели в состав Императорского совета, сделали вице-президентом Военной коллегии, главнокомандующим легкой кавалерией и нерегулярных войск, а также генерал-губернатором Новороссии — крупнейшей губернии на юге страны. В июне он был награжден орденом Св. Андрея Первозванного, а императрица подарила ему свой портрет — такого раньше удаивался только Григорий Орлов³⁵⁸.

Сразу было понятно, что Потемкин — не просто новый любовник императрицы. «Здесь открывается совершенно новое зрелище, — сообщил 4 марта посол Гуннинг, — по мнению моему, заслуживающее более внимания, чем все события, происходившие здесь с самого начала этого царствования». Далее он охарактеризовал тридцатичетырехлетнего Потемкина:

Он громадного роста, непропорционального сложения и в наружности его нет ничего привлекательного. Судя по тому, что я об нем слышал, он, кажется, знаток человеческой природы и обладает большей проницательностью, чем вообще выпадает на долю его соотечественников при такой же, как у них, ловкости для ведения интриг и гибкости, необходимой в его положении; и хотя распущенность его нравов известна, тем не менее он единственное лицо, имеющее сношение с духовенством³⁵⁹.

Хотя внезапное возвышение Потемкина привело к изменениям в жизни двора, оно почти не сказалось на внутренней и внешней политике страны. Новый фаворит разделял уверенность своей госпожи в

---

³⁵⁷ Adamczyk T. Op. cit. P. 17; Камер-фурьерский журнал 1774 года. С. 103 и сл.; Графиня Е. М. Румянцева — Румянцеву, 8 апреля 1774 г.: Письма графини Е. М. Румянцевой к ее мужу, фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву, 1762—1779 / под ред. О. А. Толстой. СПб., 1888. С. 184. Научно-популярная биография Потемкина (Soloveytschik G. Potemkin. Soldier, Statesman, Lover and Consort of Catherine of Russia. New York, 1947) не объясняет всего этого.

³⁵⁸ Гуннинг — Суффольку, 6 мая 1774 г.: РИО. Т. XIX. С. 413. Лобковиц — Кауницу, 26 апреля, 14 июля 1774 г.: РИО. Т. СXXXV. С. 355, 375.

³⁵⁹ Гуннинг — Суффольку, 4 марта 1774 г.: РИО. Т. XIX. С. 405—407.

генерале Бибикове³⁶⁰. Верный соратник Румянцева, он убедил Екатерину разрешить фельдмаршалу действовать на Дунае по своему усмотрению. Он настоял на уступках туркам для облегчения последующих переговоров и преодолел сопротивление этому со стороны Григория Орлова; во всяком случае, окончательный вариант инструкций Екатерины фельдмаршалу был утвержден Потемкиным. Друзья сообщили графине Румянцевой, а та передала своему мужу, что «Григорий Александрыч тво(е)му графу служит, очень много ее [Екатерины] мнение переменял»³⁶¹. Очевидно, Потемкин и Румянцев начали переписываться в апреле; во всяком случае, императрица общалась своему фавориту обо всех текущих военных и дипломатических делах. Являясь негласным советником Екатерины, Потемкин сначала действовал, главным образом, через нее, а когда получил всю полноту власти, то стал принимать решения самостоятельно.

Видимо, основной задачей Потемкина было ослабление влияния при дворе Орловых и Чернышевых. Признавая его ум, графиня Румянцева опасалась, что «ежели Потемкин не отбаярит пяти братьев [Орловых], так опять им быть великим»³⁶². Чтобы этого не произошло, новый фаворит старался сохранять хорошие отношения с графом Паниным и великим князем Павлом. Григория Александровича поддерживали и его дальние родственники — братья Павел и

---

³⁶⁰ См. недатированную записку Екатерины (возможно, март-апрель 1774 г.) Потемкину с вопросами о руководителях борьбы с Пугачевым: *Lettres d'amour de Catherine II a Potemkine* / ed. G. Oudard. Paris, 1934. P. 55–56; Гунинг — Суффолку, 18 марта 1774 г.: *British Museum. Egerton Manuscripts*, 2706.

³⁶¹ Е. М. Румянцева — Румянцеву, 20 марта 1774 г.: Письма графини Е. М. Румянцевой к ее мужу, фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву, 1762–1779. С. 179–181. В этом письме графини Румянцевой, являвшейся фрейлиной Екатерины, упоминается об участии Потемкина в дискуссии по поводу условий мира с турками в марте 1774 г.: «И уже четыре конференции были у нас, — сообщала она своему мужу. — Никита Иваныч [Панин] написал, чтоб нам уступить, и надо им всем [членам совета] подписаться, князь [Орлов] сказал, что он не подпишется, коли государыня прикажет, а на таких де кондициях не трудно мир заключить. А повидимому видеть можно, что и самой ей хочется [уступить], так теперь узнают, что она без согласия княжева сделает ли, он всегда был против и заспорит [против уступок], и так оставался, а нонеча буде сделает и апробует государыня, так новая партия [Потемкин и др.] переможет».

Однако следует заметить, что эти утверждения кажутся не совсем убедительными, поскольку благодаря решительным военным победам русских в июне-июле 1774 г. переговоры с турками так и не начались, и поэтому России не пришлось ничего уступать. Следовательно, бессмысленно гадать, на какие уступки туркам могло пойти русское правительство, чтобы прекратить эту войну.

³⁶² Письма графини Е. М. Румянцевой к ее мужу, фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву, 1762–1779. С. 180.

Михаил Сергеевичи Потемкины. Приглашенные в столицу императрицей, они вскоре были назначены на важные должности³⁶³. Благодаря покровительству своего ставшего влиятельным родича они превратились в важных персон при дворе.

Эти изменения привели к внезапному падению влияния Григория Орлова и Захара Чернышева. Вскоре после того, как в начале мая самый храбрый из пятерых братьев Орловых — Алексей, отбыл на Средиземное море, у Екатерины и Григория Орлова произошла крупная ссора, в результате чего князю пришлось временно удалиться в свое имение. Появление Потемкина в начале марта в качестве фаворита императрицы осложнило и положение графа Чернышева, вскоре заговорившего о своем предстоящем отъезде из столицы в деревню³⁶⁴. Назначение Потемкина 30 мая вице-президентом Военной коллегии означало, что отставка графа неизбежна, и это понимали и он сам и все остальные. «Гр. Чернышев ничего не предпринимает, чтобы сохранить свою должность, — сообщал 20 июня Гуннинг. — Если за все время моего пребывания здесь он был у графа Панина не более трех раз, то теперь посещает его каждый день». Однако Чернышев в итоге уступил давлению и 23 августа подал в отставку, чтобы занять должность генерал-губернатора Белоруссии³⁶⁵.

Эти отставки привели к окончательному триумфу Потемкина. Отныне самый влиятельный человек в империи, он некоторое время являлся своего рода соправителем России.

24 апреля Императорский совет обсудил ситуацию, возникшую в связи с кончиной генерала Бибикова. Вместо того, чтобы отправить к месту бунта нового командующего, совет рекомендовал Екатерине назначить на эту должность находящегося в Казани генерала князя Ф. Ф. Щербатова. Через четыре дня был одобрен проект инструкции ему. 1 мая Екатерина сообщила Щербатову о его назначении; ему поручалось довершить разгром восставших, чтобы предотвратить распространение беспорядков в соседние области, умиротворить баш-

---

³⁶³ Фатеев А. Н. Потемкин-Таврический. Прага, 1945. С. 40. О М. С. и П. С. Потемкиных см.: Русский биографический словарь. Т. XIV. С. 671–682. Гуннинг — Суффолку, 7 марта 1774 г.: РИО. Т. XIX. С. 408. О влиянии Потемкина при дворе см. также резкие комментарии М. Н. Покровского в его «Русской истории с древнейших времен» (М., 1933–34. Т. III. С. 131 и сл.).

³⁶⁴ Гуннинг — Суффолку, 13 июля 1774 г.: РИО. Т. XIX. С. 415–416; Е. М. Румянцева — Румянцеву, 20 марта 1774 г.: Письма графини Е. М. Румянцевой к ее мужу, фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву, 1762–1779. С. 180.

³⁶⁵ Гуннинг — Суффолку, 20 июня 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2706; Гуннинг — Суффолку, 26 августа 1774 г.: РИО. Т. XIX. С. 433.

кир и схватить Пугачева. Поскольку правительство считало восстание практически подавленным, оно не предоставило Щербатову всей полноты полномочий в охваченных волнениями районах. Он должен был сотрудничать с местными властями в ликвидации последних очагов бунта. На этом же заседании совет одобрил текст благодарности губернатору и жителям Оренбурга за их мужественное противостояние повстанцам³⁶⁶.

Но если Екатерина и ее окружение были уверены, что восстание подавлено, то у других оптимизма было поменьше. Безвременная кончина Бибикова встревожила Гуннинга. «Весьма легко может случиться, — сообщал он 26 апреля, — что смерть его снова возбудит дух инсургентов... в настоящую минуту сильно распространяется слух, которому я не могу не верить, о том, будто бы Пугачев до сих пор имеет под начальством до восьми тысяч человек и направляется к Оренбургу». А три недели спустя он с горечью заметил, что «Пугачев еще не сложил оружия и я опасюсь, что это может продлиться долго. Потеря генерала Бибикова положительно незаменима»³⁶⁷. Но так думал только он один; остальные полагали, что с Пугачевым практически покончено. Посол Лобковиц считал, что мятежник больше не опасен и 19 апреля заметил, что «все это дело хорошо закончилось». Аналогично рассуждал и московский генерал-губернатор Волконский. Даже западноевропейская пресса стала терять к мятежу интерес: «Дейли Эдвайтайзе» 4 мая писала, что «проблемы, которые некоторое время существовали в Оренбургской губернии, теперь полностью решены»³⁶⁸.

Однако восстание не прекратилось. Пугачев отступил на север, собирая остатки своих сил и принимая к себе новых людей. По совету своего соратника, башкира Кинзи Арсланова, самозванец, продвигаясь вдоль реки Белой, скрылся от преследования в Башкирии. В начале апреля он набрал там приблизительно триста воинов и занял Вознесенский завод. Пугачевцы забрали заводскую кассу, сожгли конторские книги и взяли часть работников предприятия с собой, после чего разрешили башкирам сжечь его. Затем повстанцы двинулись к Авзяно-Петровским заводам Демидова. Прибыв туда 8 апреля, они находились там три дня. Верхне- и Нижне-Авзянские заводы дали Пугачеву около четырехсот людей для его войска; местные жи-

---

³⁶⁶ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 449–451. Екатерина — Ф. Ф. Щербатову, май 1774 г.: РИО. Т. XIII. С. 402–405.

³⁶⁷ Гуннинг — Суфвольку, 26 апреля, 16 мая 1774 г.: РИО. Т. XIX. С. 411, 414.

³⁶⁸ Лобковиц — Кауницу, 19 апреля 1774 г.: РИО. Т. CXXXV. С. 352; Волконский — Екатерине, 25 апреля 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 110; Daily Advertiser. 1774. March 25.

тели снабдили их хлебом и лошадьми. Разгромив дом управляющего, восставшие отправились на Белорецкий завод, захватили его 13 апреля и в течение трех недель использовали это предприятие в качестве опорной базы для пополнения своих сил³⁶⁹.

В Белорецке Пугачев принял в свои ряды всех мужчин, способных воевать, а остальных отдал башкирам в качестве пленников. Он приказал Белобородову, находившемуся в Саткинском заводе, придти к нему в крепость Магнитная (ныне г. Магнитогорск). Он также приказал населению Исетской провинции готовить фураж и печеный хлеб для «персонального шествия его величества с армией»³⁷⁰. За месяц к самозванцу примкнули от 4000 до 7000 казаков, заводских и государственных крестьян, башкир и калмыков. Затем, запасшись новым оружием, Пугачев круто повернул на юго-восток, чтобы напасть на Магнитную, одну из самых беззащитных крепостей Верхне-Яицкой линии. А тем временем разъяренные башкиры сожгли Белорецкий завод и изгнали его работников³⁷¹.

Пока Пугачев набирал новое войско на заводах Южного Урала, отряды генерала Щербатова рыскали по его следам и боролись с набегам башкир. Начало весны с ее бездорожьем делало эту задачу чрезвычайно сложной. Казаки и башкиры были почти неуловимы, а тащить за собой пушки карателям стало невозможно. 11 мая генерал Щербатов сообщал оренбургскому губернатору фон Брандту, что коммуникации нарушены, верхнеяицкие крепости отрезаны и злодей может прорваться через них и уйти; столь же неприятным было и восстание башкир, которое пока не возможно подавить³⁷². Через четыре дня отряды Пугачева внезапно напали на Магнитную.

Получив отпор днем, 6 мая в три часа ночи повстанцы начали штурм крепости и в итоге взяли ее. Коменданта, его жену, супругу другого офицера и священника они повесили. Через два дня, дождавшись прихода башкир, Белобородова и Овчинникова, приведшего триста яицких казаков, Пугачев направился к Верхнеяицкой крепости. Узнав, что в ней находится генерал Деколонг, Пугачев обошел ее и, уничтожив за собой все мосты, чтобы помешать погоне за ним, захватил, разорил и сжег пять небольших форпостов на пути к Троицкой крепости, которую также взял 19 мая. В ней мятежники убили командира и четырех офицеров, затем разграбили ее и замучили мно-

---

³⁶⁹ Мартынов М. Н. Пугачевское движение на уральских заводах // Записки научного общества марксистов. 1928. № 1. С. 51, 58–59.

³⁷⁰ Цит. по: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. СПб., 1884. Т. III. С. 21.

³⁷¹ Мартынов М. Н. Пугачевское движение на заводах Южного Урала // Записки научного общества марксистов. 1928. № 2. С. 100–101.

³⁷² Ф. Ф. Щербатов — фон Брандту, 1 мая 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 497. Л. 11.

гих жителей. Захватив большую добычу, повстанцы расположились лагерем приблизительно в миле от этой крепости³⁷³.

Следуя форсированным маршем, генерал Деколонг, к которому присоединился отряд майора Гагрин, на рассвете 21 мая достиг бунтовщиков, праздновавших победу над Троицкой. После четырехчасового боя мятежники разбежались во все стороны, оставив на протяжении трех миль почти 4000 трупов. Озверевшие солдаты сохранили жизнь только 70 восставшим и освободили из пугачевского плена приблизительно 3500 человек. Два дня спустя Михельсон достиг остатков отряда Пугачева. После ожесточенной перестрелки полковник обратил их в бегство, уничтожив и захватив приблизительно 1000 человек. В течение следующих двух недель Михельсон в одиночку преследовал Пугачева в горных лесах и ущельях вокруг Саткинских заводов. Хотя ему удалось нанести самозванцу поражения в двух мелких стычках, у него не было сил, чтобы добить его окончательно. В начале июня Михельсон был вынужден прервать свою погоню и вернуться в Уфу, чтобы дать передышку своему измученному непрерывным маршем войску³⁷⁴.

Сопровождаемый своими опытными соратниками Белобородовым и Салаватом Юлаевым, Пугачев воспользовался этой паузой, чтобы собрать своих многочисленных соратников, преимущественно башкир, в один кулак. Выйдя с ними из Красноуфимска, он направился в Осу, небольшой городок на Каме. Здесь случился один из самых странных эпизодов во всей истории этого мятежа, в котором проявились особенности психологии восстания и страх перед повстанцами. 18 июня Пугачев подошел к Осе, которую оборонял отряд, присланный из Казани. Он предпринял вылазку против неприятеля, но встреченный ожесточенным обстрелом из ружей, луков и стрел, отступил обратно в город. Через два дня пугачевцы пошли на штурм Осы. Они подошли так близко к ее стенам, что их защитники не могли использовать оружие и лили на толпу повстанцев растопленную смолу и кипящее масло. К вечеру восставшие приготовили возы с сеном, соломой и берестой, чтобы подвести их к деревянным стенам, поджечь, а затем пойти на штурм города. Бунтовщики призвали защитников сдаться, угрожая в противном случае всех убить. Они сообщили горожанам, что с ними сам «Петр Федорович» и потребовали прислать им человека, некогда знавшего государя.

Это предложение вызвало колебание среди напуганных осинцев. Чтобы выяснить, действительно ли перед ним Петр III, командир

---

³⁷³ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. III. С. 32–33.

³⁷⁴ Там же. С. 40–43; Записки Карла Хоецкого // Киевская старина. 1883. Ноябрь. С. 449; Дмитриев-Мамонов А. И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб., 1907. С. 109–110.

осажденных, секунд-майор Скрипицын, послал к повстанцам старого сержанта, который раньше видел этого царя. Взглянув на самозванца, переодетого по-казачьи, сержант возвратился в крепость, признав, что какое-то сходство с Петром III у этого казака есть, да только из-за возраста и бороды его нельзя сразу опознать. Встревоженные этим, горожане и майор Скрипицын, полагая, что пугачевцев намного больше их, 21 июня сдались. Переправившись на следующий день вброд через Каму, Пугачев сжег Ижевский и Воткинский заводы и принял в свои ряды пополнение. Теперь дорога на Казань была ему открыта³⁷⁵.

Пока Пугачев совершал свою трехмесячную хиджру в Башкирию, оренбургские власти занимались восстановлением разрушенного. В руки Секретной комиссии попало большое число пленных пугачевцев, среди которых имелись ближайšie соратники самозванца. В свое время генерал Бибииков приказал капитанам Лунину и Маврину, секретарю Зряхову и нескольким канцеляристам допросить приблизительно 700 повстанцев, содержащихся в Оренбурге; губернатор Рейнсдорп предполагал, что их численность может достигнуть 4000 человек. Узнав об этом в конце апреля, Екатерина поручила капитану Волоцкому и прапорщику Горчакову — гвардейским офицерам, находившимся в Москве в распоряжении князя Волконского, помочь подпоручику Собакину заниматься казанскими пленниками. Капитаны Лунин и Маврин должны были возглавить Оренбургскую секретную комиссию. После смерти Бибиикова контролировать работу этих комиссий стали в Казани — фон Брандт, а в Оренбурге — Рейнсдорп. Обе комиссии должны были взаимодействовать друг с другом; как и прежде, они посылали отчеты о принятых решениях в Тайную экспедицию в Санкт-Петербург для изучения и утверждения их Екатериной³⁷⁶.

Хотя Казанская секретная комиссия продолжала собирать сведения о восстании и назначать наказания ежедневно прибывавшим пленникам, внимание Екатерины больше было приковано к деятельности Оренбургской комиссии, ибо попавшие в ее руки ближайšie соратники Пугачева должны были многое рассказать об этом бунте. 26 апреля она составила для Оренбургской комиссии особые инст-

---

³⁷⁵ Показания Григория Турьшева на допросе в Пермской провинциальной канцелярии, 24 июля 1774 г.: РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 446—447; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. III. С. 68—74.

³⁷⁶ Казанская секретная комиссия — Екатерине, 12 апреля 1774 г., с пометкой императрицы на полях: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 485. Л. 263—264.

рукции и приказала генералу Щербатову отправлять всех важных бунтовщиков туда³⁷⁷.

После того, как Пугачев потерпел поражение и большая часть его бумаг была захвачена, Екатерина решила, что эта комиссия должна выявить не только «все злодейские предприятия, замыслы, намерения, может быть, и сношения с людьми, в преступлении еще неизвестными, но и самые начальные притчины, споспешествующие Пугачову к побегу из Казани». Ей также хотелось знать, как и когда Пугачев решился на свой поступок, и почему люди ему верили, «словом сказать откроется многое не только к сведению, но и к соображению нужное, посредством порядочно выведенной истории злодея Пугачова».

Екатерина была уверена, что комиссия, по причине ее преданности отечеству и государыне, сделает все, чтобы дойти до сути этого дела, тем самым способствуя «в усмирении злодеев и в совершенном успокоении всего тамошнего края, и чрез то может заслужить наше благоволение и дальнейшую доверенность». Члены комиссии знали, что ее ревностные сотрудники щедро будут вознаграждены императрицей (Лунин и Маврин позднее стали сенаторами). Несмотря на все заверения Бибикова, Екатерина продолжала искать причины восстания за пределами страны. Ее подозрения усилились после обнаружения обращения повстанцев к губернатору Рейнсдорпу на немецком языке. Поэтому она поручила Оренбургской секретной комиссии — своему личному сыскному агентству — «узнать, кто сочинитель немецкого письма, от злодеев в Оренбург присланного, и нет ли между ими чужестанцев, и, не смотря ни на каких лиц, уведомте меня о истине»³⁷⁸.

8 мая Луин, Маврин, Зряхов и их сотрудники начали следствие в отношении около 2300 содержавшихся в Оренбурге пугачевцев. Нужно было торопиться — многие пленники страдали от болезней, главным образом, цинги, подхваченной ими, когда они жили в землянках в Берде. 21 мая комиссия сообщала, что 214 ее пленных умерли от недугов; к 1 июня погибли еще почти 100 человек³⁷⁹. Основное внимание следователей было сосредоточено на ближайших

---

³⁷⁷ Екатерина — Ф. Ф. Щербатову, 26 апреля 1774 г.: РГАДА. Разряд VI. Д. 507, ч. I. Л. 314—314 об.

³⁷⁸ Екатерина — в Оренбургскую секретную комиссию, 26 апреля 1774 г.: Подлинные бумаги, до бунта Пугачева относящиеся // Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1860. Кн. 2. V: Смесь. С. 57.

³⁷⁹ Донесения гвардейских офицеров в Оренбургскую секретную комиссию, с 20 мая по 1 июля 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 508, ч. I. Л. 311—325 об.; Рапорт Оренбургской секретной комиссии Екатерине, 21 мая 1774 г.: Там же. Д. 508, ч. II. Л. 10 об.

сообщниках самозванца: казаках Максиме Шигаеве, Иване Почиталине, Максиме Горшкове и Тимофее Падурове, второй жене Пугачева Устинье, пленном подпоручике Михаиле Швановиче и др. На основании их показаний комиссия составила подробные ответы на вопросы Екатерины и выслала их ей 21 мая. Одновременно капитан Маврин, который, возможно, имел особые полномочия от императрицы, сообщил ей свои личные впечатления и выводы о восстании. Оба этих документа дали Екатерине полную картину происхождения, причин и движущих сил восстания. Рассмотрим это подробнее.

Что касается предположений Екатерины об иностранных корнях восстания — этот вопрос комиссия исследовала особенно тщательно — то в ее докладе делался вывод, что «Пугачев не имеет, кажется, постороннего, а паче чужестранного руководства и спешествования, но спешествовали ему в злодейских его произведениях, во-первых, — яицкие казаки, а во-вторых, — народное здешнего края невежество, простота и легкомыслие...». Ближайшие соратники Пугачева отрицали, что среди них были иностранцы, или что самозванец ждал иностранной помощи. Относительно письма к губернатору Рейнсдорпу, написанному по-немецки, комиссия выяснила, что его автором был пленный гренадер подпоручик Михаил Шванович. Однако последний отрицал, что учил самозванца подписываться латинскими буквами и предложил, что это могли сделать какие-нибудь польские конфедераты³⁸⁰.

Согласно свидетельским показаниям, Пугачев, «хотя человек злой и предерской», был одновременно «пронырливой, и в роде своем — прехитрой и замысловатой». Побывав в 1772 г. на Яике, делала предположение комиссия, Пугачев, обнаружив там внутренний конфликт среди казаков, решил им воспользоваться. Для этого он рассказал им о саратовском самозванце Богомолове, клянясь, что Петр III жив, а чтобы проверить их характер, стал уговаривать уйти с ним в Турцию, обещая за это много денег. Из всего этого он, вероятно, решил, что готовность недовольных яицких казаков отомстить победившей старшине будет ему на руку. Вероятно, затем он вернулся к иргизским раскольникам, чтобы на случай, если его заговор не удастся, скрыться. Но там он был пойман и доставлен в Казань. Неясно, отметила комиссия, как он сбежал из Казани. Во всяком случае он пошел на Узени в калмыцкой степи, обычном пристанище беглецов, где встретил Чику и нескольких яицких казаков, скрывавшихся после январского бунта 1772 г.

Видя, что это были отчаянные люди и раскольники, Пугачев, вероятно, решил заделаться самозванцем; видимо, эта мысль пришла ему в голову ранее. Провозгласив себя Петром III, он, должно быть,

---

³⁸⁰ См. публикацию допроса Швановича: Пугачевщина. Т. III. С. 210—215.

в обмен за поддержку и защиту его пообещал казакам восстановить им свободу старой веры. Эти казаки стали агитировать за него среди своих товарищей в Яицке, убеждая их придти и посмотреть на самозванца; они увидели в этом шанс реализовать свои потайные замыслы, чтобы вернуть старые порядки на Яике, и стали присоединяться к Пугачеву. Таковы были цели этого восстания и так оно возникло.

Окружив Оренбург, сообщалось в рапорте комиссии, Пугачев распространил восстание далее, рассылая свои так называемые манифесты, которые, «хотя и глупо написанные», привлекли людей обещаниями «вольности, льготы, креста и бороды». Возможно, давнее сомнение людей по поводу смерти Петра III также было на руку самозванцу. Так или иначе, они «шли в толпу его служить с охотою, а равно и возили провиант и фураж почти без чувствования тягости, обнадеясь на обещанные им льготы и вольность». Присоединение к Пугачеву башкир, всегда склонных к грабёжам и разбою, сильно увеличило его силы. Из всех крепостных приписанные к заводам и рудникам наиболее последовательно поддерживали самозванца, потому что он пообещал освободить их из неволи и разрушить предприятия, «кои они ненавидят в рассуждении тягости работ и дальних переездов».

В итоге комиссия пришла к заключению, что Пугачев не получал иностранной помощи, а, в первую очередь был поддержан яицкими казаками и, во-вторых, невежеством местных людей, поддавшихся на его лживые обещания, их простотой и легковерием. Кроме того, в рапорте отмечалось, что самозванец был «прехитрой, лукавой и весьма притворной человек, ибо они уверяют об нем, што он мог плакать когда только хотел, во всякое время. А сие и служило простому народу удостоверением, што вымышляемые им слова — неложны»³⁸¹.

Рапорт капитана Маврина прибавлял к рапорту комиссии ряд дополнительных штрихов. Он описал панику и беспорядки, с которыми столкнулся по дороге в Казань в декабре 1773 г. Прибыв туда и наблюдая отношения между властями и подданными, Маврин пришел к выводу, что жизнь черни была столь ужасной, что нужна была только искра, чтобы вспыхнуло ее недовольство. В Казани и губернатор, и дворянство одинаково были виновны в плохой ситуации; никто не обнаружил ни чувства долга, ни бодрости духа; губернатор плохо представлял, что творилось вокруг, доверив все своим подчиненным. Когда Пугачев сидел в тюрьме, местные чиновники не осознавали, насколько он опасен. Но никто и не знал, на что он способен. Однако не яицкие казаки сделали Пугачева самозванцем, отмечал Маврин.

Маврин полагал, что Пугачев долго выбирал место, откуда можно было начать восстание. Сначала он обратился к раскольникам на

---

³⁸¹ Рапорт Оренбургской секретной комиссии Екатерине, 21 мая 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 508, ч. II. Л. 2—7 об.

Иргизе. Чтобы получить от них поддержку, он принял их веру. Позже он попытался привлечь яицких казаков, которые почти все являлись староверами. Кроме того, он обещал им всяческие льготы, которые яицкие казаки давно жаждали. Благодаря этому его силы стали множиться. Решающим моментом восстания на раннем этапе стала казнь самозванцем одиннадцати пойманных под Яицким городком казачьих старшин. Этот акт показал его сторонникам, что он настроен серьезно, и сделал их соучастниками его дела.

По мнению Маврина, большая часть вины за распространение бунта лежит на местных властях. Они были слабыми, робкими и нерешительными; их контрмеры были запоздалыми, бесполезными и стоили многих жертв. Пугачев, напротив, распространял свои злодейские манифесты и вовлекал простых людей в свою толпу, обещая им свободу и веру. Его агитаторы прибегали к угрозам, если чтение манифестов на людей не действовало. Поэтому у него было много соратников и его везде принимали хорошо. Многочисленные злоупотребления властей возмутили людей, и их недовольство, наряду с невежеством, способствовало одобрению ими призывов мятежников. Солдаты в местах восстания были таковыми лишь на словах, крепости давно находились в упадке. Поэтому малые городки достались самозванцу также легко, как грибы.

Маврин отметил и активную роль в бунте приписных крестьян. Они массами шли к Пугачеву и снабжали его пушками. Приписные искренне восприняли его обещания освободить их от заводского труда. Заводчики заставляли их заниматься тяжелым трудом вдали от своих деревень, не давали вести свое хозяйство и вынуждали покупать продукты в заводских лавках по завышенным ценам. Для того, чтобы избавиться от проблем, надо было что-то менять, заключал Маврин. Не обнаружив в восстании какого-нибудь иностранного вмешательства, Маврин, однако, заметил, что башкиры всегда восставали, когда Россия вела войны с турками³⁸²

Эти предварительные выводы, вероятно, в какой-то мере успокоили Екатерину. Хотя она еще продолжала воспринимать восстание как чей-то заговор, но уже не утверждала это со всей уверенностью. Она стала задумываться над тем, как уменьшить наиболее вопиющие злоупотребления. Отметив усердие и здравый смысл Маврина, она заметила Потемкину, что для облегчения участи приписных казна должна выкупить заводы³⁸³.

---

³⁸² Маврин — Екатерине, 21 мая 1774 г.: РНБ. Фю IV. 668. Папка 2. Л. 125—137.

³⁸³ Екатерина — Г. А. Потемкину, записка без даты (вероятно, июнь 1774 г.): // РНБ. Отдел рукописей. Ф. 227. Оп. 1. № 34. Л. 126.

Казанская и Оренбургская секретные комиссии не только расследовали причины возникновения восстания, но и занимались наказаниями пленных пугачевцев. Бибииков требовал единых кар за одинаковые преступления, но в результате наплыва большого числа пленных повстанцев эти принципы перестали соблюдаться, а у Рейнсдорпа и фон Брандта не было времени, чтобы следить за этим. Более того, Екатерина утратила доверие к губернаторам, и, поскольку, Пугачев еще не был схвачен, хотела иметь на месте надежного человека. Он должен был быть компетентным, мог провести генеральное следствие по этому бунту, предложить проект реформирования Яицкого войска и следить за формированием нового порядка на Яике.

Екатерина воспользовалась этим поводом, чтобы угодить своему фавориту, и назначила его троюродного брата, генерала Павла Сергеевича Потемкина главой обеих секретных комиссий. Ранее, по предложению и с одобрения своего фаворита, она отозвала П. С. Потемкина из армии Румянцева, сделав его в апреле 1774 г. генерал-майором³⁸⁴. Павел Потемкин был одним из талантливейших молодых командиров, выдвинувшихся во время русско-турецкой войны, во время которой он в 1770 г. получил орден Св. Георгия четвертой степени. Под патронажем своего кузена он стал камер-юнкером и капитан-поручиком лейб-гвардии Семеновского полка. Будучи в 1774 г. тридцатилетним мужчиной, он учился в Московском университете, писал пьесы и оперы, читал и переводил Руссо и Вольтера.

11 июня 1774 г. Екатерина назначила генерала П. С. Потемкина начальником Казанской и Оренбургской секретных комиссий³⁸⁵. В то время она не знала, на какое опасное дело его посылает.

---

³⁸⁴ Екатерина — Г. А. Потемкину, апрель 1774 г.: РИО. Т. XIII. С. 403.

³⁸⁵ Грот Я. К. П. С. Потемкин во время пугачевщины // Русская старина. 1870. № 10. С. 398—399.

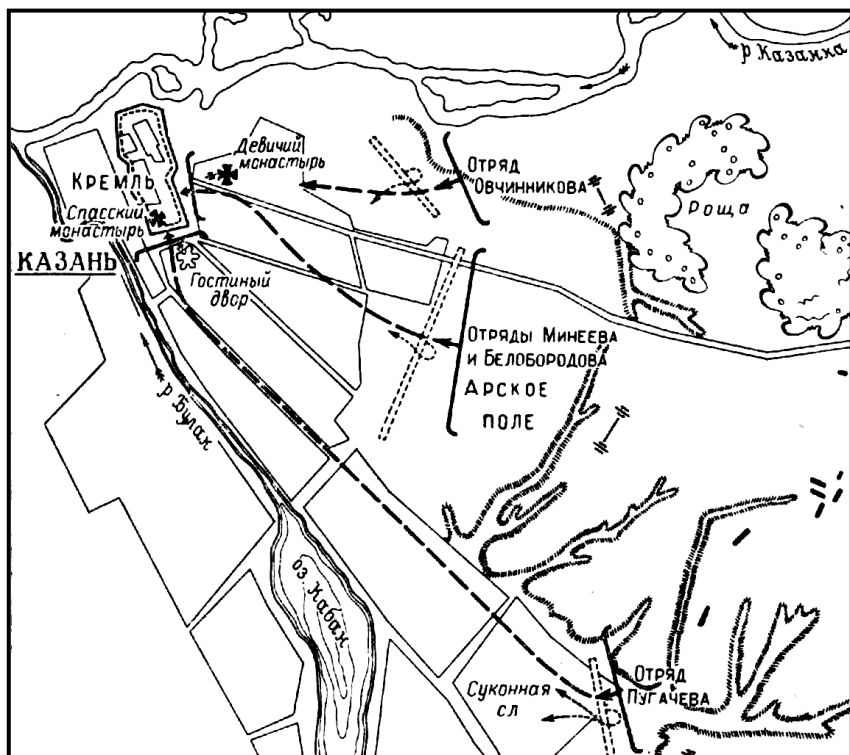
VIII ПЕРВЫЙ ВРАЛЬ

Внезапное бегство Пугачева на север застало всех врасплох. Его преследовал только маленький отряд полковника Михельсона, но и сам полковник не знал о местонахождении самозванца. Получив около 21 июня сведения о неприятеле, он, шедший из Уфы в Бирск, сразу же повернул на Каму, надеясь перехватить повстанцев. Но наличие больших рек и усталость его конницы не позволяли Михельсону идти быстро. Он пересек Каму 3 июля, а Вятку — 8-го, но уже не успевал за Пугачевым.

Ободренный своими легкими победами в Осе, Ижевске и Воткинске, самозванец направился к Казани, поскольку знал, что она плохо защищена. Набирая в пути обещаниями и силой людей, толпа повстанцев численностью приблизительно 20000 человек 11 июля в полдень подошла к городу. Хотя многие казаки, башкиры и татары были вооружены огнестрельным оружием, пиками и саблями, луками и стрелами, большинство приписных и крестьян в этой разношерстной массе имели при себе только дубинки, топоры или просто острые палки³⁸⁶. Однако их противник тоже не был достаточно хорошо оснащен. После весеннего похода Бибикова против бунтовщиков все решили, что восстание подавлено, а Пугачев повернет на север. Казань вновь погрузилась в провинциальную сонливость.

---

³⁸⁶ Краткое известие о злодейских на Казань действиях вора, изменника и бунтовщика Емельки и Пугачева, собранное Платоном Любарским, архимандритом Спасо-Казанским 1774 года августа 24 дня: Пушкин А. С. История Пугачева. С. 362.

Взятие Казани. Схема.

В занимавшем обширное пространство городе насчитывалось около 11000 жителей, которых защищали приблизительно 700 солдат, но почти треть их была уничтожена Пугачевым, когда попыталась разбить восставших за день до их появления у городских стен. У защитников города не было хороших командиров, они испытывали отчаяние, оборонительные сооружения находились в плохом состоянии, а людей не хватало; население было или в панике, или бежало в Москву, Нижний Новгород, Пензу и другие безопасные места. Губернатор фон Брандт был смертельно болен. Генерал П. С. Потемкин, прибывший за три дня до этого, не мог организовать эффективную защиту. Единственной надеждой горожан был идущий к Казани отряд Михельсона.

Мятежники штурмовали Казань утром 12 июля. Изучив за день до этого систему обороны города и узнав о ее слабых местах от подпоручика Минеева — офицера казанского гарнизона, перешедшего на сторону Пугачева в Осе, самозванец начал наступать на город тремя

колоннами с восточной стороны. Белобородов двигался по Ногайской дороге на главные батареи защитников, справа от него вдоль реки Казанки Минеев вел многочисленную толпу по оврагам и, внезапно атаковав противника, захватил единственное орудие, после чего ворвался в город. Пока люди Белобородова преследовали авангард неприятеля и, прикрыв пушки возами, обстреливали две главные батареи генерала Потемкина, Пугачев с левого фланга штурмовал батарею, защищавшую Суконную слободу, взял ее и ворвался в город.

Находившийся вне города на главной батарее генерал Потемкин понял, что пока он сражался с Белобородовым, повстанцы обошли его с тыла и взяли город. Поэтому защитники Казани беспорядочно отступили по главной улице к каменным стенам кремля, сумев добраться до него раньше разъяренных повстанцев. Восставшие стали грабить дома и церкви, открывать ворота тюрем и все поджигать. Тем временем Пугачев установил четыре орудия вокруг Кремля и начал его интенсивный обстрел. Однако вскоре его люди, видя как их товарищи грабят имущество, и считая, что начавшийся в городе пожар вскоре перекинется на Кремль и выкурит засевших там последних защитников города, прекратили свою канонаду и тоже бросились за добычей. Нагрузившись вещами, они погнали в свой лагерь под городом огромную толпу пленников. Там пугачевцы как всегда стали отмечать свою победу всеобщей попойкой³⁸⁷.

На следующее утро запертые в Кремле ожидали нового штурма, не зная, что корпус полковника Михельсона предыдущим вечером разбил бунтовщиков после ожесточенного многочасового сражения³⁸⁸. На следующий день Пугачев вновь появился перед городом с многочисленной толпой, но на него опять напал Михельсон и заставил отступить. Однако самозванец предпринял последнюю попытку разбить своего врага, насчитывавшего всего около тысячи солдат: Пугачев собрал остатки своего войска, пополнил его русскими и татарскими крестьянами, и 15 июля атаковал Михельсона. Противники встретились на месте их первого сражения под Казанью. После ожесточенного четырехчасового боя пугачевцы были разбиты и беспорядочно бежали, потеряв примерно 2000 человек убитыми и ранеными и око-

---

³⁸⁷ Калинин Н. Ф. Казань времен пугачевских событий // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия гуманитарных наук. 1959. № 2. С. 89–90. П. С. Потемкин – Г. А. Потемкин. 12 июля 1774 г.: Грот Я. К. П. С. Потемкин во время пугачевщины. С. 403–404.

³⁸⁸ Краткое известие о злодейских на Казань действиях вора, изменника и бунтовщика Емельки Пугачева, собранное Платоном Любарским, архимандритом Спасо-Казанским 1774 года августа 24 дня. С. 365.

ло 5000 взятыми в плен³⁸⁹. Эти данные свидетельствуют, что самозванец возглавлял не просто бунт, а гражданскую войну.

Пугачев бежал с несколькими соратниками вверх по Волге, которую перешел 17 июля вблизи Кокшайска. По обоим берегам этой реки мелкие отряды повстанцев стали поднимать восстания в деревнях вдоль дороги на Нижний Новгород. Это уже было не пограничье, хотя там жило множество нерусского населения — чувашей, мордвы и других, это были ворота в самое сердце Московского государства, в цитадель крепостного права. Если бы Пугачев поднес свой факел к этой социальной пороховой бочке, произошел бы взрыв классовой войны огромной мощности. «Мужицкий царь» знал об этом и в конце июля выпустил манифест, в котором говорилось:

Всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне; и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностию и свободою и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброку; и свобождаем всех от прежде чинимых от злодеев дворян и градцких мздоимцов-судей крестьяном и всему народу налагаемых податей и отягощений. И желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от прописанных злодеев-дворян странствие и немалыя бедствия.

А как ныне имя наше властною всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих поместьях и водчинах, — оных противников нашей власти и возмутителей империи и раззорителей крестьян, ловить, казнить и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников и злодеев-дворян, всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет³⁹⁰.

Отдельные отряды пугачевцев стали поднимать восстания, распространяя их от деревни к деревне. Тем временем самозванец взял Цивильск, где повесил воеводу, офицера и еще несколько человек. Постоянно пополняя свои ряды, он направился к реке Суре и 20 июля вошел без сопротивления в Курмыш. Повсюду чиновники и офицеры, дворяне и купцы при приближении мятежников в панике бежали. Если бы Пугачев перешел Суру и пошел на северо-запад, то стал бы угрожать Нижнему Новгороду, столь же большому и плохо защищенному городу, как Казань, а если бы двинулся на запад, то со-

---

³⁸⁹ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. III. С. 100–101.

³⁹⁰ Пугачевщина. Т. I. С. 40–41.

ставил бы опасность для Москвы. Правительственные силы потеряли самозванца из виду после его третьего поражения в Казани и никто не знал, где он находится. Чтобы защитить Нижний Новгород и Москву, Михельсон пошел вдоль южного берега Волги через Свижск и Чебоксары к Арзамасу.

Там, где паники не было, бюрократический аппарат развил бурную деятельность. Нижегородский губернатор Ступишин активно готовился к обороне. Он закрыл знаменитую ярмарку в соседнем Макарьевском монастыре и попросил подкреплений, боясь восстания находившихся в городе многочисленных волжских бурлаков. Одновременно он приказал воеводе Ядринска — маленького городка к северу от Курмыша, блокировать продвижение повстанцев, уничтожив все суда на реке Суре³⁹¹, и попросил у князя Волконского дополнительной помощи, сообщив ему, что Пугачев вошел в Курмыш³⁹².

Это известие, а также письмо фон Брандта от 17 июля, где говорилось о планах повстанцев идти на Москву, крайне напугали власти древней столицы. До этого Москва играла всего лишь роль посредника в борьбе с восстанием, переправляя указы из Санкт-Петербурга или депеши из Оренбурга. Теперь, когда Пугачев был в менее чем трехстах милях от нее, москвичи почувствовали горячее дыхание бунта и запах дыма горящих усадеб. «Мы все удостоверены были, — вспоминал помещик Андрей Болотов, — что вся подлость и чернь, а особливо все холопство и наши слуги когда не вьявь, так втайне сердцами своими были злодею сему преданы, и в сердцах своих вообще все бунтовали и готовы были при малейшей взгоревшейся искре произвесть огонь и польмия»³⁹³.

25 июля генерал-губернатор Волконский созвал экстренное заседание московских департаментов Сената. Он сообщил сенаторам об угрозе для города и мерах по его обороне. Нарвский и казачий полки близ Москвы должны быть готовы выступить в Нижний Новгород; гарнизонные войска будут призваны на борьбу с повстанцами, а их места займут инвалидные команды; генерал-поручик Мартынов должен подготовить боеприпасы и привести в порядок все оружие, какое удастся найти. В случае приближения Пугачева его должны были

---

³⁹¹ Губернатор Ступишин — ядринскому воеводе прапорщику Лихутину, получено 20 июля после восьми часов пополудни: РНБ. Отдел рукописей. Ф. IV. 790. Л. 2–2 об.

³⁹² Филиппов А. Н. Москва и Пугачев в июле и августе 1774 года // Труды общества изучения Казахстана. 1925. Т. V. С. 257.

³⁹³ Там же. С. 255–256; Болотов А. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М.; Л., 1931. Т. III. С. 145.

встретить Владимирский, Нарвский и казачий полки под командованием самого Волынского, а оборону города возглавить сенатор Еропкин. Город был поделен на четырнадцать оборонительных районов, которыми командовали восемь сенаторов, поддерживая там порядок и организуя вооружение дворовых людей; главе Мануфактур-коллегии сенатору Волкову поручалось вооружить фабричных рабочих. Волконский был уверен, что «всякий сенатор свою часть (города) защищать может, для того, что вся злодейская толпа составлена из мужиков и невооруженных». Все правительственные учреждения должны были собрать свои бумаги, спрятать их в надежных местах и вооружить своих сотрудников для обороны. Главный комиссариат тоже должен был защищаться собственными силами. Полицейские патрули должны были следить за порядком в городе, арестовывать подозрительных людей и докладывать об этом Еропкину или Волконскому. Наконец, уездные дворяне обязаны были собрать своих крестьян для обороны своих местностей или идти защищать Москву. Все это следовало делать в тайне, чтобы не допустить паники³⁹⁴.

Сенаторы внесли в эту программу ряд поправок. Они распределили районы обороны между собой и попросили, чтобы все государственные служащие подчинялись только сенатору, который руководил тем или иным участком обороны. В каждом районе должна быть своя полицейская команда, а Волконский осуществлять общее руководство ими. Пленных турок, содержащихся во Владимире и Суздале, переводили в Севск. Началась срочная заготовка хлеба и сухарей. Было решено обязать провинциальных воевод Московской губернии сообщать все новости о бунтовщиках, в случае опасности отправить свою казну в Москву, и тайно сформировать из дворян и горожан отряды самообороны³⁹⁵.

Хотя паника, вызвавшая эти меры, быстро прошла, и Волконский на следующий день отложил их исполнение, неповоротливая бюрократическая машина была уже запущена³⁹⁶. Но еще не получив этих указов, провинциальные канцелярии Московской губернии были напуганы донесениями и слухами о приближении повстанцев. Так, 22 июля стало известно, что Гороховцу, что в шестидесяти пяти милях от Нижнего

---

³⁹⁴ Филиппов А. Н. Москва и Пугачев в июле и августе 1774 года. С. 257–258.

³⁹⁵ Там же. С. 259–262.

³⁹⁶ Неизвестно, почему Волконский столь неожиданно оказался от реализации оборонительных мер. Как полагает А. Н. Филиппов, они были естественной реакцией на кратковременную панику и новость о заключении мира с турками, о чем в Москве стало известно приблизительно 21 июля: Там же. С. 263–264.

Новгорода, угрожают повстанцы. Несмотря на это, все пять городских дворян отказались участвовать в его обороне. Другие подмосковные провинциальные города, большие и маленькие, близкие и далекие, сами принимали меры по защите. Встревоженные сообщением, что в городе имеется приблизительно десять человек из армии «Петра Федоровича», власти Юрьева-Польского 25 июля ввели патрулирование и вооружили жителей, правда только острыми кольями. Как и многие другие города, этот также попросил Москву о присылке солдат. Слухи, что повстанцы уже в восьмидесяти милях, в Арзамасе, вынудили муромчан 27 июля изготовиться к обороне. А в далеком Переяславле-Залесском, где паники не было, решили дожидаться указаний из Москвы³⁹⁷.

Прочитав указ Сената от 25 июля, провинциальные воеводы немедленно бросились его исполнять. Некоторые даже отправили свою казну в Москву. В почти всех городах Московской губернии прошли совещания по организации обороны. Иногда дворянство и горожане участвовали в них вместе, иногда врозь. Обычно они создавали отряды самообороны и принимали меры предосторожности. Многие города высылали разведчиков, чтобы узнавать о продвижении бунтовщиков, устанавливали заградительные заставы, перекрывали дороги, проверяли всех путников и охраняли водные пути. Например, тульские власти ввели целый комплекс оборонительных мер, в том числе обыски мест проживания бродяг и беспаспортных, учет всего имевшегося в городе оружия, усиление караулов и патрулей и т. д.³⁹⁸

События в Мещовске, маленьком городке к юго-западу от Москвы, показывают, как вели себя в этих условиях провинциальные губернские города. В конце июля мещовская воеводская канцелярия получила Сенатский указ от 3 июля, в котором говорилось, что все повстанцы, сложившие оружие в не Оренбургской, Казанской и Сибирской губерниях, не будут помилованы. Указ от 7 июля требовал, чтобы местные воеводы задерживали всех бунтовщиков на своих территориях и немедленно сообщали об этом в Сенат. 27 июля, получив эти указания, мещовский воевода коллежский ассессор Федоров сразу же приказал предводителю дворянства прапорщику Беклемишеву поскорее прибыть к нему, чтобы обсудить секретный Сенатский указ от 25 июля. Сообща они решили созвать собрание местного дворянства,

---

³⁹⁷ Голубцов С. А. Московская провинциальная власть и дворянство в ожидании Пугачева // Старая Москва. Труды общества изучения Московской области. 1929. № 5. С. 8–11.

³⁹⁸ Там же. С. 17–18, 22, 24, 27.

чтобы сформировать отряд самообороны. Беклемишев назначил это собрание на 5 августа³⁹⁹.

2 августа воевода Федоров получил сообщение Калужской провинциальной канцелярии о взятии Пугачевым Арзамаса и просьбу города Владимира о помощи. Власти Владимира приказали своему дворянству привести для защиты города столько крепостных, сколько возможно. Такое же предписание издал воевода Муром. Было приказано также сжечь все суда на реке Оке. Московская губернская канцелярия одобрила эти меры, поручив дворянам других городов встретиться с чиновниками, ответственными за «экономических» и дворцовых крестьян, чтобы договориться о принятии мер в соответствие с указом от 25 июля. К этим указам Калужская провинциальная канцелярия добавила свой: все пункты Сенатского указа от 25 июля должны быть исполнены немедленно; ответственные за государственных крестьян должны проявлять бдительность и докладывать обо всем три раза в неделю. Все это воевода Федоров, кажется, расценивал как свидетельство того, что Пугачев приближается к Московской губернии.

На собрание 5 августа пришло двадцать девять мещовских дворян. Они одобрили предложение сформировать отряд, который должен был состоять из них и крепостных (по одному от 200 душ мужского пола). Последние должны быть от двадцати до сорока лет от роду, с лошадью, огнестрельным или холодным оружием, палашом и пикой, полностью экипированы. Командовать отрядом должны были четыре отставных офицера. Все дворяне приняли присягу и пообещали обеспечить это войско порохом и пулями.

В тот же день свой сход провели мещовские купцы и горожане. Присутствовавшие на нем приблизительно сорок пять мужчин решили готовиться к приходу бунтовщиков и избрали лиц, которые должны были организовать защиту, сформировать отряды самообороны, ввести караулы и патрули. В случае нападения все горожане должны были получить оружие.

Если бы решение призвать одного человека от 200 крепостных было исполнено, то Мещовск и его уезд, возможно, собрали бы приблизительно 230 человек. Но этого не случилось. В полдень 7 августа воевода Федоров получил Сенатский указ от 4 августа, который сообщал всем местным властям, что угроза нашествия миновала, Пугачев бежал на юг, поэтому потребность в ополчении отпала, но нужно было все равно присматривать за подозрительными людьми и вольными разговорами. В тот же день Федоров сообщил это Бек-

---

³⁹⁹ Малинин Д. И. Отголоски пугачевщины в Мещовском уезде // Известия Калужской ученой архивной комиссии. 1911. Вып. XXI. С. 11–14.

лемишеву и через день-два все уже знали, что нужда в местных героях отпала⁴⁰⁰.

Угроза нашествия Пугачева на Подмосковье прошла, но она вселила страх в сердца дворян и горожан. Однако некоторые подмосковные дворяне рвались на войну с повстанцами⁴⁰¹ — например, генерал-губернатор Волконский приказал поставить перед своим домом в Москве пушки⁴⁰². Тем не менее, к 11 августа княгиня Куракина могла написать из Москвы, что «здешние обстоятельства гораздо успокоились. Правда, что были в большом волновании, и множество домов отсюда выехали. Мы никак не собирались, считали остаться здесь до самой крайности; таперь, кажется, и все могут возвратиться»⁴⁰³.

В Санкт-Петербурге почти ничего не знали о Пугачеве с середины апреля, когда он скрылся в горах Башкирии, и до начала июля, когда внезапно вновь объявился на Каме. Вроде бы опасаться чего-то не было причины. Хотя самозванец был еще на свободе, его силы были подорваны, а каратели шли за ним по пятам. Императорский совет считал, что все скоро закончится. Поэтому на своем заседании 22 мая, похвалив шацких дворян за их стремление сформировать конный эскадрон по примеру Казани, совет сообщил им, что этого делать уже не нужно. Войска, посланные для поимки Пугачева и умиротворения башкир, казалось, действовали успешно, и к 16 июня в столице узнали о победе генерала Деколонга в Троицкой. И хотя киргизы воспользовались этим бунтом, чтобы совершать набеги на приграничные районы Оренбуржья, правительство оценило их как обычные локальные беспорядки⁴⁰⁴.

Однако назначение 11 июня Екатериной начальником Секретной комиссии генерала П. С. Потемкина свидетельствовало, что на самом деле все идет не столь хорошо. За внешним спокойствием императрицы скрывался ее страх. После беседы с нею 14 июня посол Гуннинг нашел, что «она, кажется, полна решимости лично посетить те места ее владений, где происходят волнения. Если у ее величества

---

⁴⁰⁰ Там же. С. 15–28.

⁴⁰¹ Цит. по: Малинин Д. И. Отголоски пугачевщины в Калужском крае. Калуга, 1930. С. 30.

⁴⁰² Болотов А. Указ. соч. Т. III. С. 146.

⁴⁰³ А. А. Куракина — А. Куракину, 11 августа 1774 г.: Архив Куракина. Т. VII. С. 324.

⁴⁰⁴ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 451–452.

действительно есть такая мысль, то она невыполнима до тех пор, пока идет эта война»⁴⁰⁵.

Все свои надежды Екатерина возлагала на фельдмаршала Румянцева и напряженно ждала результатов его Дунайской кампании или победы на дипломатическом фронте. Получив из Санкт-Петербурга все полномочия для подписания мира, Румянцев в конце апреля начал наступление на поле брани и дипломатии. Исходя из рескрипта Екатерины от 10 апреля, который очертил границу возможных уступок туркам, он сообщил великому визирю о своей готовности смягчить ряд требований. На этот раз он предложил передать Керчь и Еникал крымским татарам в обмен на Очаков и Кинбурн. Он также согласился передать земли между Бугом и Днепром татарам и ограничить российское плавание на Черном море торговыми судами. Но великий визирь отказался передавать Керчь и Еникал татарам, ибо последние якобы тоже отвергли условия России⁴⁰⁶.

9 июня Императорский совет обсудил депешу Румянцева от 25 мая, в которой он сообщал об отказе турков вести переговоры. Это встревожило даже тех вельмож, которые до сих пор одобряли уступки. Поэтому 16 июня совет утвердил дополнительные инструкции Румянцеву и приказал начать операцию против Очакова⁴⁰⁷.

Новые инструкции Румянцеву, отправленные из столицы 22 июня, предостерегали его от любых уступок в вопросе о татарской независимости, и выражали уверенность, что он сможет пресечь всякое военное усиление турок. Граф Панин объяснял фельдмаршалу, что «отечеству нашему мир весьма нужен и что мы потому одного с ачностью желать и добиваться должны». Он предложил Румянцеву пригрозить туркам чрезвычайными мерами, если они откажутся от переговоров. Фельдмаршал должен был вежливо намекнуть великому визирю, что Россия в случае необходимости готова и дальше вести войну и может пойти на Константинополь. На крайний случай Панин уполномочил Румянцева предупредить турецкого представителя, что в случае вмешательства в это других европейских держав Россия разрушит все турецкие крепости на занятых землях, разорит все города и деревни и угонит их жителей на свою территорию. Конечно, Санкт-Петербург никогда бы не прибег к таким «ассирийско-вавилонским средствам» (как позже назвал их историк С. М. Со-

---

⁴⁰⁵ Гуннинг — Суффолку, 17 июнь 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2706.

⁴⁰⁶ Дружинина Е. И. Кучук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955. С. 262–266.

⁴⁰⁷ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 281: Екатерина — В. М. Волконскому, 20 июня 1774 г.: РИО. Т. СХХХV. С. 133.

ловьев), но их включение в инструкции Румянцеву свидетельствовало, что к концу июня 1774 г. положение России стало отчаянным⁴⁰⁸.

Тем временем фельдмаршал, не добившись успеха дипломатическим путем, прибег к силе. Он планировал весной вторгнуться с трех сторон в Болгарию. Пока два корпуса блокировали бы турецкие крепости Рущук и Силистрия на Дунае, генералы Каменский и Суворов должны были двигаться на юг, форсировав реку, к Шумле, главной базе великого визиря. Не тратя времени на осаду этих турецких крепостей, он хотел выманить противника в поле и там нанести ему сокрушительный удар.

Маскируя свою цель обходными маневрами, Суворов и Каменский вошли в Болгарию и 9 июня соединились у Базарджика, приблизительно в сорока милях от Шумлы. В тот же день авангард Суворова атаковал главную турецкую армию — приблизительно 40000 солдат, посланных из Шумлы великим визирем. После кровопролитного сражения, длившегося почти восемь часов, Суворов опрокинул турок. Генерал Каменский, приняв команду над обоими корпусами в связи с болезнью Суворова, приостановил наступление. Разгневавшись на нерешительность своего подчиненного, Румянцев приказал ему атаковать Шумлу⁴⁰⁹. Однако Каменский, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением этой крепости, окружил ее, отбил три турецких вылазки и, отправив отряд на юг вдоль Адрианопольской дороги, разбил в двадцати пяти милях от турецкого лагеря шедшую туркам помощь.

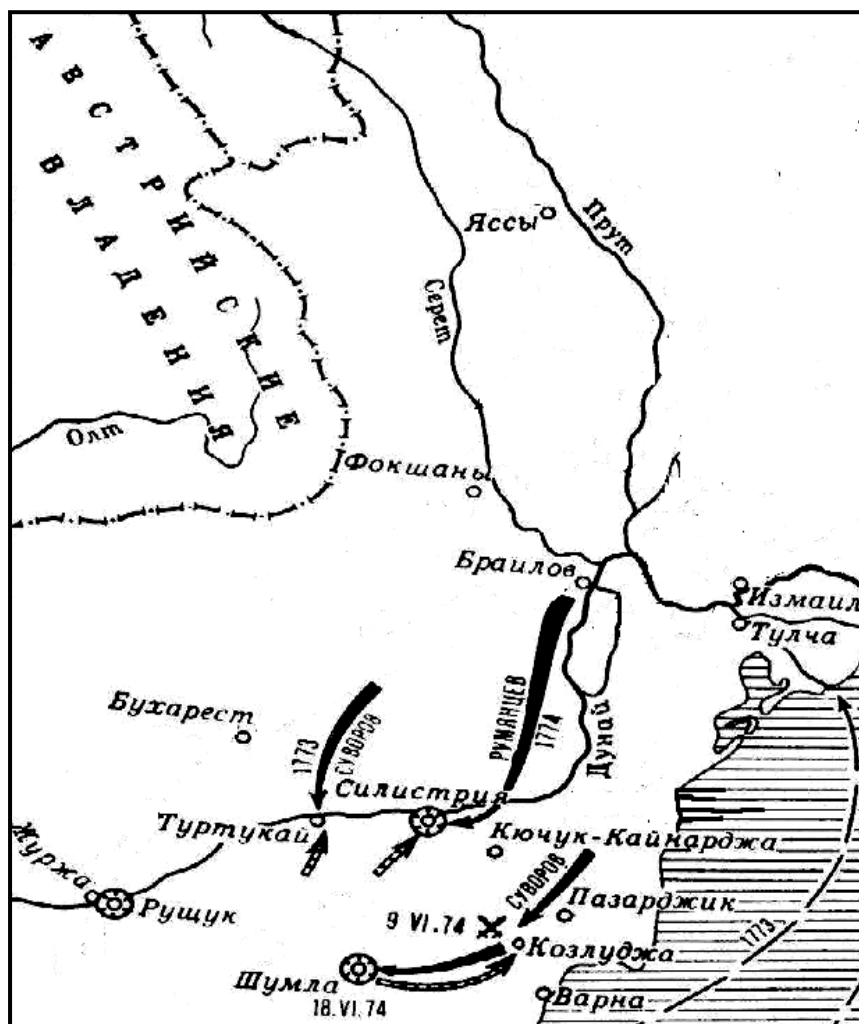
В других местах наступление тоже развивалось успешно. 9 июня генерал Салтыков разбил турков под Рущуком, окружил его и уничтожил шедшее к нему из Шумлы подкрепление; одновременно другой корпус Румянцева блокировал Силистрию. Основные турецкие крепости были теперь изолированы друг от друга, великий визирь заперт в Шумле, а шедшая к нему помощь разбита⁴¹⁰.

---

⁴⁰⁸ Н. И. Панин — Румянцеву, 22 июня 1774 г.: РИО. Т. СXXXV. С. 133—140; Соловьев С. М. История России. Т. XV. С. 79.

⁴⁰⁹ Румянцев — Каменскому, 13 июня 1774 г.: П. А. Румянцев. Т. II. С. 752. Новейший анализ действий Суворова в этом сражении см.: Longworth Ph. *The Art of Victory*. New York, 1965. P. 91 ff.

⁴¹⁰ Клокман Ю. Р. Фельдмаршал Румянцев в период русско-турецкой войны 1768—1774 г. М., 1951. С. 156—161. См. также: Ungermann R. *Op. cit.* P. 232 ff.

Победы П. А. Румянцева на Дунае

28 июня Румянцев отклонил просьбу великого визиря о мирном конгрессе или перемирии, требуя, чтобы мир был подписан на основе статей, согласованных на Фокшанском и Бухарестском конгрессах в 1772–1773 гг. В противном случае он грозил продолжением войны. Разгромленные на поле боя и морально раздавленные, турки согласились заключить мир. В течение двух дней были обговорены основные

условия мира. После того, как они были одобрены великим визирем, 10 июля 1774 г. в болгарской деревушке Кучук-Кайнарджи был подписан окончательный договор⁴¹¹. Это произошло ровно через шестьдесят три года после того, как турки вынудили Петра Великого заключить унижительный Прутский мир (который стал следствием аналогичной, но совершенно противоположной военной ситуации). Новый договор означал резкий поворот в судьбах двух империй, «причем одна достигла вершины славы, — комментировал «Анниул Реджиста», — а другая — крайнего унижения и позора»⁴¹².

11 июля Румянцев отправил своего сына в Санкт-Петербург с этой долгожданной новостью. Главными пунктами подписанного мира были: освобождение крымских татар от власти турецкого султана и передача им всех турецких земель и крепостей в Крыму, на Кубани и полуострове Тамань; передача России Еникала и Керчи, являвшихся ключами к Азовскому морю, а также Кинбурна, его округи и территории между Днепром и Бугом; свободная российская навигация на Черном море (и негласное разрешение на строительство Черноморского флота); выплата России турками 4,5 млн. руб. компенсации за войну; передача Оттоманской Порте Бессарабии, Молдавии, Валахии и всех греческих островов, захваченных у нее во время войны⁴¹³. Коротче говоря, Румянцев получил намного больше, чем Екатерина и ее советники надеялись приобрести.

Пока Екатерина с нетерпением ждала заключения мира с турками, ее тревога за ситуацию внутри страны стремительно нарастала⁴¹⁴. В начале июля всех переположило донесение губернатора фон Брандта о том, Пугачев неожиданно вышел из Башкирии и идет к границам Казанской губернии на Каме. Разгневанная и встревоженная, императрица сразу же вспомнила о генерале Щербатове, которого она ранее заменила генералом Петром Голицыным, братом вице-канцлера. Потемкин сообщил графу Чернышеву, что императрица «с неудовольствием изволила усмотреть, как Пугачев, столь грубый разбойник, умеет однакоже отыгрываться от наших генералов»⁴¹⁵. На всякий случай она приказала прислать в распоряжение московского генерал-губернатора Волконского три полка из Вязьмы. Кроме того, 9 июля она потребовала от санкт-петербургского почтдиректора на

---

⁴¹¹ Дружинина Е. И. Указ. соч. С. 268–272.

⁴¹² Annual Register. 1774. 4th ed. London, 1784. P. 10.

⁴¹³ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 284.

⁴¹⁴ Екатерина — П. С. Потемкину, 30 июня 1774 г.: Екатерина и пугачевщина // Русская старина. 1875. Т. XIII, № 5. С. 116.

⁴¹⁵ Цит. по: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. III. С. 128.

три дня приостановить отправку всей корреспонденции во внутренние губернии⁴¹⁶.

14 июля Екатерина впервые за три с лишним месяца появилась в Императорском совете, где было заслушано донесение Румянцева от 30 июня о безнадежном положении турок в Рущуке, Силистрии и Шумле и об отказе великого визиря заключать мир. Но, очевидно, конец войны был уже близок. Затем совет обсудил переход Пугачева через Каму. Было отмечено, что отправка трех полков в Москву вполне достаточна для обеспечения ее безопасности. Далее императрица и члены совета обсудили действия генерала Щербатова, который позволил бунтовщикам вновь активизироваться, и пришли к выводу, что его длительное нахождение в Оренбурге было серьезной ошибкой. В заключение Екатерина выразила уверенность, что всего этого сможет избежать новый главнокомандующий в борьбе с мятежниками генерал Голицын⁴¹⁷.

Утром следующего понедельника, 21 июля, Екатерина вновь участвовала в Петергофе в заседании совета. На этот раз слушали сообщения из Казани⁴¹⁸. Они представлялись очень серьезными, поскольку тогда еще не было известно о многочисленных победах Михельсона над повстанцами. Совет решил направить в Москву ямскими повозками дополнительные войска: два пехотных полка, по одному гусарскому и казачьему и один легкий кавалерийский корпус. Генерал-прокурор Вяземский предложил московскому дворянству сформировать конный эскадрон по примеру своих казанских собратьев. Рассказывая позже о заседании совета своему брату, Никита Панин презрительно заметил: «Забыл было сказать о дураке Вяземском. Ему полюбились манифесты и казанских дворян вооружения, и потому представлял только, чтоб и то и другое на Москве сделано было»⁴¹⁹. Совет также согласился отправить в Казань «знаменитую

---

⁴¹⁶ Екатерина — Волконскому, 9 июля 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 111; Екатерина — почтдиректору Эку, 9 июля 1774 г.: РИО. Т. XIII. С. 412.

⁴¹⁷ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 283, 453.

⁴¹⁸ 22 июля Гуннинг писал своему патрону, что, по данным его источника, которому он доверяет, «русское правительство получило этой ночью сообщение, что Пугачев захватил Казань, и что губернатору пришлось укрыться в ее цитадели. Это, несомненно, ободит сторонников Пугачева и если против них не будут приняты более решительные меры, последствия этого могут быть ужасными»: Гуннинг — Суффольку, 22 июля 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2706.

⁴¹⁹ Текст манифеста к московскому дворянству, который так и не был отправлен. см.: РИО. Т. XIII. С. 424—427; Н. И. Панин — П. И. Панину, июль 1774 г.: РИО. Т. VI. С. 75.

особу» с теми же полномочиями, которые имелись у Бибикова. Наконец, крайне взволнованная этими новостями, Екатерина решила самостоятельно отправиться в Москву, чтобы своим присутствием успокоить жителей. Она потребовала высказаться по этому поводу всех членов совета, но в ответ стояло гробовое молчание.

Тогда императрица спросила мнение графа Панина как самого старшего по возрасту члена совета. Панин сказал, что ее присутствие в Москве лишь усугубит, а не успокоит ситуацию, ибо тогда все решат, что раз к ним приехала сама императрица, то все очень плохо. Но Екатерина настаивала, что ее присутствие там будет иметь благоприятные последствия. Потемкин поддержал ее. Григорий Орлов, сославшись на то, что сегодня плохо спал, не стал высказываться по этому поводу. Молчали и граф Разумовский и князь Голицыны. Граф Чернышев, волнуясь, предположил, что поездка императрицы не принесет пользы, а затем перечислил, какие полки должны прибыть в Москву. Таким образом, предложение Екатерины пока не получило одобрения; было решено дожидаться приезда курьера от Румянцева с сообщением о подписанном мире⁴²⁰.

Граф Панин решил ускорить решение вопроса о выборе «знаменитой особы» для отправки в Казань. После обеда он отвел Потемкина в сторону и в самых мрачных тонах обрисовал ему внутреннее положение страны, заявив, что имеется угроза самому ее существованию. Он был готов лично идти против Пугачева или поручить это своему брату, генералу Петру Панину и попросил довести это до сведения императрицы. Вскоре граф Панин сам сообщил это Екатерине. После долгой беседы с ним Екатерина согласилась послать в Казань Петра Панина. Той же ночью граф Панин написал своему брату в Москву о его назначении и попросил, чтобы последний через него прислал верноподданное письмо Екатерине. На следующий день граф Панин сообщил своему брату, что будет обсуждать полномочия последнего и выезжает в Петергоф с соответствующими предложениями. Он пообещал всячески способствовать назначению брата на эту должность⁴²¹.

Два дня спустя, 23 июля, едва вернувшись из Петергофа, граф Панин встретил там курьеров Румянцева, доставивших новость о заключении мира. Посадив их в свою карету, он немедленно опять помчался к Екатерине. Эта новость вызвала при дворе бурю восторга. Шедший концерт камерной музыки был остановлен, и все про-

---

⁴²⁰ АГС. Т. I. ч. 1. Стб. 454; Н. И. Панин — П. И. Панину, 22 июля 1774 г.: РИО. Т. VI. С. 74–75.

⁴²¹ РИО. Т. VI. С. 75–76.

следовали за императрицей в часовню, чтобы помолиться за это⁴²². Екатерина всем сообщила эту радостную весть. Она сразу же написала князю Волконскому в Москву, приложив к нему копию депеши Румянцева и отметив: «Я сей день почитаю из счастливейших в жизни моей, где доставлен империи покой ей столь нужный»⁴²³.

Страна вздохнула с облегчением. Гуннинг, побывавший в Москве и вернувшийся оттуда в конце мая, 13 июня сообщал, что мир, которого так ждала вся империя, наступит вот-вот⁴²⁴. В Москве, где новость о заключении мира была получена на два дня раньше, чем в столице, страх перед Пугачевым стал рассеиваться. Аналогичная ситуация была и в Санкт-Петербурге; «За два дня до получения этих известий», — сообщал 24 июля посол Гуннинг, —

здесь преобладало всеобщее уныние. Я слышал из верного источника, что гвардии повелено двинуться к Москве и что императрица во избежание всяких дурных последствий, могущих возникнуть при собрании этого корпуса, решила сама отправиться с ними в Москву. Курьер выслан в Москву к генералу Панину с тем, чтобы просить его взять на себя начальство над войсками, действующими против Пугачева. Это самая благоразумная мера, к которой только можно было прибегнуть, ибо в случае если бы война продлилась, это был единственный человек в империи, способный занять это место⁴²⁵.

Назначение генерала П. И. Панина свидетельствовало о крайней обеспокоенности Екатерины серьезным кризисом, с которым столкнулся ее режим, и который оказался гораздо более глубоким, чем представлялось вначале. До своей внезапной отставки в 1770 г. генерал граф Петр Иванович Панин, младший брат екатерининского министра иностранных дел, имел значительное влияние как в военных, так и в гражданских делах. Ветеран Семилетней войны, он стал генералом в тридцать четыре года, выполнял деликатные поручения после ухода русских войск из Пруссии в результате успешного переворота Екатерины в июне 1762 г. и участвовал в работе комиссии по реформированию армии. Вскоре государыня сделала его сенатором, и по ее просьбе он в 1763 г. представил ей подробные предложения по во-

---

⁴²² Алесандро Куракин — П. И. Панину, 25 июля 1774 г.: Российская государственная библиотека (далее — РГБ). Отдел рукописей. Ф. 222. Т. VII. Л. 538—538 об. Камер-фурьерский журнал 1774 года. С. 393—395.

⁴²³ Екатерина — Волконскому, 23 июля 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 112.

⁴²⁴ Гуннинг — Суффолку, 13 июня 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2706.

⁴²⁵ Гуннинг — Суффолку, 24 июля 1774 г.: РИО. Т. XIX. С. 425.

просу о побегах крепостных Польшу, прямо обвинявшие помещиков и правительство в злоупотреблениях по отношению к крепостному крестьянству и предлагавшие частично ограничить крепостное право. Будучи депутатом Уложенной комиссии 1767–1768 гг. от московского дворянства, он и там повторял свои предложения. Он также разделял стремление своего брата ввести в России дворянскую конституцию, которая имела у Швеции до 1772 г. Как и у его брата, у Петра Панина были особые представления о благородстве, чести и месте дворянства в обществе. Их письма друг другу напоминают дипломатическую корреспонденцию двух гордых правителей. На армейской службе Панин был педантом: он не прилагал ни малейших усилий завоевать уважение офицеров и солдат, и видел себя в качестве своего рода русского герцога де Гиза. Он всегда был безукоризненно одет и ухожен⁴²⁶.

В войне с турками генерал Панин командовал армией, осаждавшей Бендеры — мощную турецкую крепость на Днестре; после ее взятия, которое далось нелегко, он посчитал себя обойденным милостью императрицы, ибо ожидал больших наград, чем получил. Сославшись на плохое здоровье, Панин гордо удалился в свое московское имение. Будучи в отставке, он был хорошо осведомлен о текущих военных и дипломатических событиях, зачастую благодаря секретарю своего брата Денису Фонвизину. Никита Панин переправлял своему брату в Москву почти все важнейшие дипломатические и военные донесения, а тот не держал за зубами свой острый язык. В своем подмосковном имении, где он построил точную копию Бендер, Петр Панин ругал действия правительства (и, возможно, говорил о законных правах Павла на престол) столь открыто, что в сентябре 1773 г. Екатерина поручила принять меры против этого «дерзкого болтуна»⁴²⁷. Однако Панин продолжал гнуть свое и был, несомненно, одним из активных критиков пассивности в борьбе с Пугачевым⁴²⁸.

От брата и от своего близкого друга, генерала Бибикова, Петру Панину были известны многие подробности. Считая себя и всех дворян ответственными за сохранение существовавшего общественного строя, Панин был возмущен этим бунтом, в ходе которого в Казани погиб его дядя. 21 июля поздравляя своего брата с заключением мира, он отметил, что Пугачев, несмотря на поражение в Казани, вско-

---

⁴²⁶ Гүковский Г. Указ. соч. С. 124–138, 156–161. См. также: Гейсман П. А., Дубовской А. Н. Граф Петр Иванович Панин, 1721–1789. СПб., 1897. *Passim*.

⁴²⁷ Екатерина — Волконскому, 25 сентября 1773 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 96.

⁴²⁸ Волконский — Екатерине, 7 января 1774 г.: Там же. С. 105.

ре опять продолжит проливать «невинную кровь». «А хуже всего, — добавлял он, — что духи от упоенного яду не только не вытрезвляются, но еще сильнее упоеваются и размножаются»⁴²⁹.

Поэтому, когда Никита Панин предложил Екатерине назначить руководителем борьбы с восстанием своего брата, он поставил ее в затруднительное положение. Ей было известно о способностях Петра Панина. Кроме того, она нуждалась в человеке, обладающим трезвым умом, чтобы предотвратить возникновение беспорядков в Москве и возглавить кампанию против Пугачева. Влияние Панина среди московского дворянства, его большой военной и гражданский опыт были очень кстати для выполнения этого поручения. Однако Екатерина не хотела его назначения на эту должность как по политическим соображениям, так и по личным мотивам — он разделял стремления своего брата ограничить самодержавие и мог воспользоваться ситуацией для осуществления своих планов. Поэтому его требования больших полномочий вызывали у императрицы подозрения. К тому же она понимала, что его назначение будет негативно воспринято врагами Паниных, например, князем Волконским. Да и в личном плане назначение Панина на эту должность было неприятно Екатерине, поскольку, как она признавалась Потемкину, люди подумают, что «пред всем светом первого вряя и мне персонального оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всех смертных в империи хвалю и возвышаю»⁴³⁰.

Но всегда забывавшая личные обиды во время кризисных ситуаций, Екатерина все же назначила Петра Панина командовать подавлением восстания. Однако она не дала ему тех широких полномочий, которые он требовал. Во-первых, императрица ограничила его власть тремя губерниями, непосредственно затронутыми беспорядками — Казанской, Оренбургской и Нижегородской — и поручила ему совместно с князем Волконским заниматься обороной Москвы. Во-вторых, она оставила за собой Секретные комиссии. И, в-третьих, по предложению Потемкина, направила на помощь Панину генерала Суворова, а не предложенного Паниными их друга — генерала Репнина⁴³¹. Кроме того, 29 июля Никита Панин был холодно принят Екатериной, когда передавал ей верноподданническое письмо своего брата. Она не стала при нем его распечатывать, а Потемкин не со-

---

⁴²⁹ П. И. Панин — Н. И. Панину, 21 июля 1774 г.: Пугачевщина (из архива П. И. Панина) / под ред. П. Баргенева // Русский архив. 1876. Кн. 2, № 5. С. 10.

⁴³⁰ Екатерина — Г. А. Потемкину, июль 1774 г.: РИО. Т. XIII. С. 420.

⁴³¹ П. И. Панин — Н. И. Панину (26 июля 1774 г.). Екатерина — П. И. Панину, 29 июля 1774 г.: РИО. Т. VI. С. 76—79, 82—83.

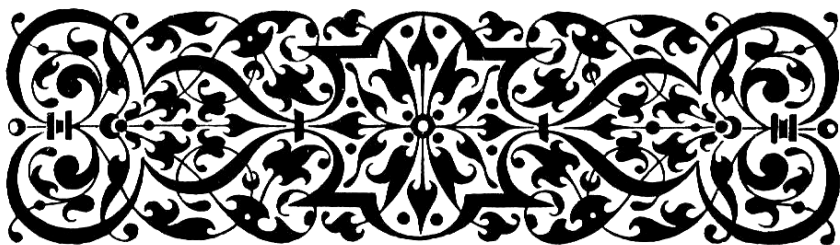
обшир Никите о полномочиях, которые даны Петру Панину. Никита решил, что Потемкин, используя его в личных целях, теперь отвернулся от него, и вместе с Екатериной не хотел допустить его к борьбе с пугачевцами совместно с братом. Чтобы быть обо всем в курсе, он попросил брата сообщить, что тому написал Потемкин. Никита Панин жаловался, что только тяжелое положение в стране удерживает его от ухода в отставку⁴³².

Короче говоря, Екатерина отреагировала на внезапное возрождение Пугачева почти так же, как и на поражение генерала Кара восемь месяцами ранее: она послала против восставших большое войско во главе с опытным генералом, которому предоставила почти неограниченные полномочия в охваченных восстанием областях. Однако сейчас ситуация была несколько иной, чем в ноябре 1773 г. Когда Пугачев, казалось, стал угрожать самому сердцу империи, Россия неожиданно одержала победу над турками. Это чрезвычайно воодушевило власти и дворянство, вызвав вздох облегчения у всего населения. Отныне против восставших можно было бросить отборные войска. С другой стороны, сделав своим фаворитом Потемкина, Екатерина, несомненно, обрела спокойствие. Ей больше не требовалось балансировать между группировками Панина и Орлова — Чернышева, она подчинила их своей воле и сделала опорой Потемкина. Хотя граф Панин надеялся вернуть утраченное влияние, способствовал движению своего брата, императрица сумела обезопасить себя от возможных последствий этого шага. Через своего личного представителя, генерала П. С. Потемкина, она получала независимую информацию и осуществляла контроль. Если раньше Екатерина воспользовалась поражением Кара для того, чтобы возвысить Потемкина, то теперь, в связи с захватом Казани Пугачевым, она создала в правительстве такую систему сдержек и противовесов, которая позволила ей сохранить всю полноту власти.

---

⁴³² Н. И. Панин — П. И. Панину, 2 августа 1774 г.: Там же. С. 86—89.

IX

ПРОКЛЯТАЯ КРОВЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗЛОДЕЕВ

С начала мая 1774 г. правительство вновь засекретило все, что касалось восстания. Это было вызвано уверенностью властей, что оно подавлено — и это вроде бы подтверждалось донесениями с мест, — и острым желанием пресечь попытки турок воспользоваться внутренними трудностями России.

Однако на самом деле все было не столь хорошо. В отличие от оптимистичных реляций чиновников, восстание продолжалось, что вскоре вынудило всех усомниться в правдивости правительственных заявлений. Как обычно, Гуннинг располагал исключительно точными сведениями на этот счет. Еще 27 июня он предсказывал, что этим летом дело не завершится, если для этого не найдут равную замену генералу Бибикову⁴³³. Хотя западноевропейская пресса с апреля по июль почти не получала сведений о Пугачеве, слухи о нем были самые разные. Одна женеvская газета отразила широко распространенное мнение на этот счет, когда 10 июля писала, что хотя считалось, что Пугачев потерпел поражение, по имеющимся слухам мятежники вновь восстали из пепла⁴³⁴. А молодой английский путешественник Натаниэль Рексолл, летом 1774 г. проведший четыре недели в Санкт-Петербурге, 12 июля записал в своем дневнике:

Я видел вчера сообщения в наших английских газетах, которые пишут и привычно разносят эту ложь по всей Европе, что мятежник Пугачев взят в плен, а его дело близится к концу. На самом деле, он отступил в южные губернии империи, где поднял новое восстание, и как мне только что стало известно, против него брошены еще четыре полка. Здесь он яв-

---

⁴³³ Гуннинг — Суффолку, 27 июня 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2706.

⁴³⁴ Journal historique et politique des principaux événements des différentes cours de l'Europe (Geneva). 1774. 10 March (Корнилович О. Е. Указ. соч. С. 166).

ляется тем же, что и Али-бей в Египте, и, вероятно, его ждет такой же конец⁴³⁵.

Рексолл сумел верно предсказать судьбу Пугачева (Али-бей был схвачен и казнен в 1773 г.), но ошибся в оценках масштаба этого «нового восстания», которое бушевало до самого пленения самозванца.

Известия о заключении мира и победах Михельсона способствовали тому, что в Санкт-Петербурге быстро забыли о падении Казани. Екатерина была восхищена условиями мира, которые выторговал Румянцев. 28 июля она хвасталась в Ораниенбауме Гуннингу, что благодарна врагам России: если бы они не проводировали турок, то мир был бы подписан раньше, но на гораздо худших для русских условиях. Английский посол полагал, что императрица при этом имела в виду Австрию, Пруссию, Францию и Швецию⁴³⁶. Хотя Екатерина все еще опасалась за судьбу Москвы, ко 2 августа она уже была уверена, что угроза для Нижнего Новгорода миновала, а 13 августа узнала, что Пугачев бежал из Алатыря на юг⁴³⁷. Однако императрица была готова на все, лишь бы схватить самозванца. Когда некий яицкий казак передал князю Орлову предложение — вероятно, от пугачевского атамана Перфильева — за большое вознаграждение выдать своего главаря, Екатерина сразу же поручила заняться этим капитана Галахова. Князю Волконскому она написала, что будет очень рада, если все удастся завершить таким образом⁴³⁸.

29 июля Волконский сообщил из Москвы, что разработал секретные меры по отражению бунтовщиков, но пока ничего не предпринимал, чтобы зря не возбуждать народ. Московская полиция патрулировала улицы и следила за настроениями населения. Когда по губернии поползли слухи о приближении к городу Петра III, Волконский поручил казакам изловить их распространителей. Несколько мнимых агентов Пугачева были схвачены в Коломне, Калуге и Туле⁴³⁹. Во исполнение предписаний Екатерины князь Волконский со-

---

⁴³⁵ Wrahall N. *Cursory Remarks Made in a Tour Through Some of the Northern Parts of Europe, particularly Copenhagen, Stockholm, and Petersburg*. London, 1775. P. 264.

⁴³⁶ Гуннинг — Суффольку, 29 июля 1774 г.: РИО. Т. XIX. С. 426–428.

⁴³⁷ Екатерина — Волконскому, 2, 13 августа 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 118–120.

⁴³⁸ Там же. С. 118–121. Копия письма казаков Григорию Орлову: Там же. С. 365–366.

⁴³⁹ Волконский — Екатерине (29 июля, 1, 3 августа 1774 г.), Екатерина — Волконскому, 28, 29, 30 июля 1774 г.: Там же. С. 112–116; Малинин Д. И. Отголоски пугачевщины в Калужском крае. С. 39–43; Голубцов С. А. Указ. соч. С. 18.

брал в своем доме дворян, которые приняли решение создать гусарский полк из своих крепостных. Но этот план не был реализован и 2 августа императрица одобрила решение Волконского отложить его исполнение⁴⁴⁰.

Невзирая на неприязнь друг к другу, генерал Панин и генерал-губернатор Волконский сообща занимались организацией обороны Москвы и ее окрестностей. Они решили, что Панин будет оставаться в городе до тех пор, пока местонахождение и дальнейший маршрут Пугачева не будут точно установлены⁴⁴¹. Сохранялась вероятность того, что самозванец, ушедший из Курмыша на юг, мог в любой момент повернуть на запад и подойти к Москве по проселочным дорогам. В итоге генерал Панин задержался в Москве до середины августа, осуществляя лишь общее руководство преследованием бунтовщиков. Сначала он особо не желал лично участвовать в поимке Пугачева, полагая, что это может сделать любой казак⁴⁴². Так или иначе, 7 августа он сообщал Екатерине, что поймать самозванца силами, которые имеются в Москве, невозможно. Это могли сделать только Михельсон или войска, прибывшие в Воронеж из Второй армии. Преследовать противника было нелегко. Панин видел, как пугачевцы, посылая во все стороны свои отряды, поднимали на бунт окрестности, и правительственные войска, вместо того, чтобы преследовать Пугачева, были вынуждены подавлять мелкие беспорядки на местах⁴⁴³.

Итак, Пугачев разжег пламя крестьянской войны на Правобережье Волги. Подобно сотням других своих собратьев, приказчик Иван Козырев бежал из своего имения. В письме из Симбирска своему господину в Москву он в панике сообщал, что воровские толпы пугачевцев подошли к вотчинам и винокуренному заводу последнего,

и всех попавших в их руки помещиков, прикащиков и всякого звания начальников умерщвляли и умерщвляют смертно. Дома господские и всякую пожить разоряют грабят до основания и без остатка и при сделанном (не

---

440 Екатерина — Волконскому, 2 августа 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 118.

441 «Генерал Панин не выедет из Москвы до тех пор. — сообщал Гуннинг, — пока не получит инструкции. Официальной причиной его задержки является недомогание, но я полагаю, что на самом деле это связано с пока еще сохраняющейся опасностью для города» (Гуннинг — Суффолку, 19 августа 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2706).

442 П. И. Панин — Екатерине, август 1774 г.: РИО. Т. VI. С. 92.

443 П. И. Панин — Екатерине, 7 августа 1774 г.: Там же. С. 97.

оставляя ни одного жила) смертным убийстве, присвоят к себе невеждов в свою толпу, тем умножая свое зверство над человеки⁴⁴⁴.

В отличие от тех мест, где ранее действовал Пугачев, и где преобладали государственные крестьяне, в Поволжье господствовало помещичье крепостное право. Если прежде рассматриваемое восстание было в первую очередь пограничным бунтом, направленным против централизации, русской колонизации и индустриализации, то теперь оно превратилось в ожесточенную гражданскую войну против крепостничества. Задолго до появления мужицкого царя слухи о нем подготовили почву для его встречи крестьянством. Как ни парадоксально, правительственные манифесты и принятие предупредительных мер против Пугачева облегчили распространение слухов о нем и только подлили горячего в приближающийся пожар. Повстанцы обнаружили здесь много социально взрывоопасного материала, к которому нужно было лишь поднести их горящие факелы. По словам Пушкина, «Пугачев бежал; но бегство его казалось нашедствием»⁴⁴⁵.

Еще 20 июля в Курмыше у Пугачева было лишь несколько сотен соратников, и о его походе на Нижний Новгород или Москву нельзя было и думать. Здесь мятежники повесили несколько человек и забрали с собой остальных; они разграбили казну, винные лавки и соляные склады, раздав всем соль, вино и деньги, а также сожгли все конторские документы, освободили заключенных и, назначив городу своего «воеводу», пошли на юг, к Алатырю. Подстрекатель повстанцами напасть на маленький Ядринск, находившийся в четырнадцать милях севернее, новый курмышский «воевода» 22 июля привел к нему толпу чувашских и русских крестьян. Но воевода Ядринска вооружил горожан, предпринял вылазку против пугачевцев и разбил их⁴⁴⁶.

А вот алатырские власти, узнав о приближении самозванца, бежали. 23 июля Пугачев без единого выстрела вошел в город, встреченный как всегда духовенством и жителями с иконами, под звон колоколов, молебны, тосты и салют. Во время двухдневного пребывания самозванца в Алатыре крепостные из соседних мест приводили к нему помещиков и приказчиков для суда, получая за это освобождение. Одних Пугачев затем принял в свое войско, других отправил по деревням агитировать за себя и поднимать в них бунты. В результате вся эта территория оказалась охвачена восстанием, которое продол-

---

⁴⁴⁴ Архив князя Воронцова / под. ред. П. И. Баргенева. М., Т. XXV. С. 432.

⁴⁴⁵ Пушкин А. С. Указ. соч. С. 69.

⁴⁴⁶ Ядринская воеводская канцелярия — в Военную коллегию, 21 сентября 1774 г.: РНБ. Отдел рукописей. Ф. IV. 790. Л. 19—20. См. также: Димитриев В. Д. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773—1775 годов). Чебоксары, 1959. С. 419—420.

жалось уже без непосредственного участия самозванца. Так началась «пугачевщина без Пугачева»⁴⁴⁷.

Утром 27 июля архимандрит Александр вывел беззащитных и испуганных жителей Саранска, покинутых воеводой и чиновниками, дворянством и купцами, чтобы встретить «императора Петра Федоровича». Пугачев, как позже свидетельствовал архимандрит, поцеловал крест, после чего людям был прочитан манифест, обещавший крестьянам освобождение от податей, рекрутчины и вечную свободу. Войдя в город, бунтовщики приказали Александру начать церковную службу с упоминанием Петра Федоровича, его жены Устины Петровны (вторая жена Пугачева), великого князя Павла с супругой, но ни в коем случае не Екатерины. Отобедав у вдовы бывшего воеводы, повстанцы повесили ее вместе с магистратским подьячим на воротах ее же дома⁴⁴⁸.

За три дня пребывания в Саранске Пугачев повесил более шестидесяти помещиков и приказчиков, приведенных их крепостными. Приняв в свои ряды приблизительно 90 новых «казаков» и забрав 7 орудий, 70 фунтов пороха, 150 ядер, и 30000 руб., повстанцы погрузили все это на реквизированные подводы, после чего 29 июля торжественно покинули город⁴⁴⁹. Пугачев назначил прапорщика Михаила Шихматеева «главным командиром и воеводою» Саранска, приказав ему управлять в соответствии с законами. «С противниками ж и бежавшими от нашего милосердия, кои сысканы будут, — грозил этот указ, — чинить так, как з действительными злодеями, бунтовщиками и изменниками своему государю»⁴⁵⁰. После этого повстанцы отправились в Пензу.

Там все опять повторилось: 1 августа восставшие, не встречая сопротивления, вошли в город. Власти Пензы и большинство дворян бежали, оставив жителей на произвол самозванца. Как всегда, бунтари предались безудержному грабежу, открыли ворота тюрем, пополнили свои ряды новобранцами, повесили дворян, попавших в их руки, и предались пьяному разгулу. В Пензе Пугачеву удалось значительно увеличить численность своего войска, присовокупить шесть пушек, большое количество пороха и ядер, а также 13000 руб. Открыв двери казенных запасов спиртного, повстанцы раздали населению приблизительно 370 тонн соли — и как после этого людям было не любить Пугачева! Опасаясь преследования, восставшие 3 августа

---

⁴⁴⁷ Кажется, это выражение принадлежит С. И. Тхоржевскому.

⁴⁴⁸ Показания архимандрита Александра в Казанской секретной комиссии, 23 августа 1774 г.: РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 84. Л. 13–15.

⁴⁴⁹ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. III. С. 121.

⁴⁵⁰ Указ Пугачева жителям Саранска, 28 июля 1774 г.: Пугачевщина. Т. I. С. 56–57.

ушли из Пензы и повернули к Саратову. К этому времени их было уже нескольких тысяч человек⁴⁵¹. Этот своего рода поток народной миграции вновь возглавлял Пугачев.

Теперь восстание не ограничивалось маршрутом следования главного войска повстанцев. Все Поволжье и даже находившиеся далеко севернее Нижний Новгород и Арзамас были охвачены бунтами. Пожар «пугачевщины без Пугачева» распространялся от имения к имению, а местные бунтовщики, никогда не видевшие самозванца, собирались в шайки, действовавшие от его имени. Отряды из десяти-двадцати восставших «казаков» заполнили округу Пензы. Расположенный северо-западнее Пензы город Инсар был взят местными повстанцами, которые в первые недели августа двинулись из него на соседние Краснослободск, Троицк, Темников, Нижний Ломов, Наровчат и Керенск. Лишь Керенску удалось отстоять себя от повстанцев, отбив три их атаки; остальные города были захвачены восставшими и испытали на себе все тяготы этого⁴⁵².

На этом этапе восстание развивалось по единой схеме. Обычно отряд пугачевцев, называвших себя «казаками Петра III», но как правило являвшихся уроженцами здешних мест, нападал на имение, фабрику или город; чиновников и помещиков вешали, казенные винные и соляные склады открывались, вино при этом выпивалось, а соль раздавалась населению, движимое имущество присваивалось, причем повстанцы заставляли местных крестьян доставлять его в свой лагерь. Часто они просто громили обстановку усадеб, чтобы сделать их, по крайней мере, символически, непригодными для жилья. Такие отряды повстанцев безнаказанно терроризировали местное население, брошенное властями. Обычно они были вооружены дубинками, топорами, косами, рогатинами и вилами; огнестрельного оружия и маленьких пушек у них было мало⁴⁵³. Столкнувшись с карателями, эти отряды разбегались после непродолжительного сражения, как, например, произошло, с бунтовщиками, которых прокурор Чемесов и его сформированный дворянами отряд улан дважды разбивал под Пензой. Правда, были и случаи успешного нападения повстанцев на правительственные силы: например, один из их отрядов разгромил маленькую карательную экспедицию во главе с комендантом Симбир-

---

⁴⁵¹ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. III. С. 162–166. Подпоручик Иванов — фон Брандту, 4 августа 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 489. Л. 55–56 об.

⁴⁵² Тхоржевский С. И. Пугачевщина в помещичьей России. М., 1930. С. 68–69.

⁴⁵³ Беляев И. Пугачевский бунт в Краснослободском уезде Пензенской губернии. Пенза, 1879. С. 18.

ска, полковником Андреем Рычковым (сыном географа П. И. Рычкова) и убил ее командира⁴⁵⁴.

Иногда отряды пугачевцев насчитывали несколько тысяч человек: так, 3 сентября в Наровчате из приблизительно 4000 повстанцев было убито 200, взято в плен 400 человек и захвачено одно артиллерийское орудие. Разбитые и разбросанные, повстанцы шли по древним путям на Дон. Одни скакали за Пугачевым день и ночь, останавливаясь только чтобы отдохнуть, другие, не сумев догнать бегущего «императора», махнув на все рукой, расходились по домам⁴⁵⁵. Несмотря на небольшую численность, эти мобильные отряды представляли серьезную угрозу незащищенным провинциальным дворянам и несли ответственность за их массовую гибель. Кроме того, они мешали правительственным силам преследовать главное войско Пугачева.

Пока Пугачев, вихрем промчавшись через главные города Поволжья, поднимал восстания в здешних деревнях, каратели безуспешно пытались его поймать. Они шли по нескольким дорогам, а Пугачев — по одной. Сначала правительственным силам пришлось одновременно перекрыть несколько дорог, чтобы не допустить повстанцев к Москве, а Михельсон был вынужден сделать большой крюк, чтобы защитить Арзамас. Тогда еще не был известен дальнейший маршрут самозванца, и одно время были опасения, что он пойдет на Дон. Но благодаря заранее предпринятым мерам Пугачев не смог получить там поддержки и укрыться у своих старых друзей⁴⁵⁶. Каратели всюду распространяли новость о подписании мира с турками, надеясь, что это отрезвляюще подействует на потенциальных бунтовщиков. Возможно, именно этим был вызван отказ Пугачева идти на Москву.

Восставшие ушли из Пензы лишь за день до вступления туда 4 августа отряда графа Меллина, который через сутки соединился с командой подполковника Муфеля. Повстанцы стремительно двигались к Саратову и днем 4 августа без сопротивления вошли в Петровск. Там они четвертовали помощника воеводы и взяли с собой девять орудий, свыше трехсот фунтов пороха, обмундирование и

---

⁴⁵⁴ О прокуроре Чемесове и пензенских уланах см. его воспоминания «Жизнь Ефима Петровича Чемесова, 1735—1801 гг., записки для памяти» (Русская старина. 1891. Т. LXXII, кн. 10. С. 1—10) и его рапорт от 13 августа и 4 сентября 1774 г. (Пугачевщина. Т. III. С. 65—66, 68—69). О действиях повстанцев под Симбирском и гибели полковника А. П. Рычкова см. «Записки П. И. Рычкова» (Русский архив. 1905. № 11. С. 335—336) и рапорт очевидца этого (Пугачевщина. Т. III. С. 62—63).

⁴⁵⁵ Тхоржевский С. И. Пугачевщина в помещичьей России. С. 77, 83, 87—89, 101.

⁴⁵⁶ Екатерина — П. И. Панину, 17 августа 1774 г.: РИО. Т. VI. С. 108.

оружие местного гарнизона. В тот же день они быстрым маршем отправились в Саратов.

В расположенном на правом берегу Волги Саратове проживало приблизительно 7000 человек, из них немалое число составляли купцы, имелись шляпная, чулочная и канатная фабрики. Менее чем за три месяца до прихода Пугачева город сильно пострадал от пожара — обычного для провинциальных российских селений явления, и поэтому большинство его жителей ютилось в шалашах на пепелище. Саратов был также административным центром нескольких колоний иностранных поселенцев, в основном немцев, приглашенных Екатериной на Волгу. Ими управляла «Канцелярия опекунства иностранных», саратовскую контору которой возглавлял главный судья М. М. Лодыженский, непосредственно подчинявшийся князю Григорию Орлову. Самим Саратовом командовал полковник И. К. Бошняк, а его начальником был астраханский губернатор Кречетников. Отсутствие единовластия и привело к трагедии.

Когда 24 июля в Саратове стало известно, что бунтовщики уже в Саранске, Лодыженский и Бошняк не смогли договориться об организации обороны. Ситуация осложнялась еще и тем, что в городе находился поручик Державин, присланный сюда Секретной комиссией. Он был на стороне Лодыженского. Вместе они предлагали построить укрепление вне города, но Бошняк хотел восстановить городскую стену. В итоге не было сделано ни того, ни другого, и Саратов оказался вообще не защищенным от врагов. Вечером 5 августа Лодыженский и Державин покинули город, оставив в нем Бошняка с несколькими сотнями солдат и вооруженных жителей⁴⁵⁷.

Пугачев атаковал Саратов утром 6 августа приблизительно трехтысячным войском. Разделив его на две колонны, он послал одну занять высоту, господствовавшую над городом, а другую бросил на отряд Бошняка, перекрывший подступы к нему. Бошняк был вынужден отступить в город, чтобы избежать окружения с фланга. Тем временем саратовские купцы выслали к Пугачеву делегацию, и вернулись обратно с манифестом Пугачева к горожанам. Бошняк разорвал его и растоптал, но вскоре повстанцы ворвались в город и многие солдаты во главе с майором Андреем Салмоновым перешли на их сторону. Бошняк с несколькими защитниками бежал к Волге, погру-

---

⁴⁵⁷ Генералу П. С. Потемкину было известно о ситуации в Саратове, ибо он писал Екатерине, что из-за разногласий городских командиров Пугачев может войти в город до прибытия Мувфеля и Меллина, а это приведет к пополнению отряда бунтовщиков за счет горожан. Он, конечно, не знал, что его опасения стали реальностью еще несколькими днями ранее (Потемкин — Екатерине, 11 августа 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 489. Л. 14).

зился на лодки и поплыл к Царицыну. В Саратове начались обычные в таких случаях грабежи и пьяные оргии.

Пугачев оставался в своем лагере вблизи города в течение четырех дней. Жители Саратова принесли ему присягу, приблизительно сорок дворян и чиновников были казнены, крестьяне приводили к Пугачеву на расправу своих помещиков и приказчиков. Повстанцы захватили много соли, муки, овса и вина, взяли из казны свыше 160000 руб., не говоря уже о другой добыче. Узнав, что его преследователи были всего в тридцати пяти милях отсюда, Пугачев 9 августа вышел из города и направился в Царицын (ныне Волгоград, до этого — Сталинград). Мобилизовав бурлаков и лодочников в Саратове, он отправил флотилию из примерно ста лодок, чтобы напасть на Царицын еще и с реки⁴⁵⁸.

Двигаясь вдоль Волги на юг от Саратова, Пугачев прошел через Дубовку и другие станицы, заселенные донскими казаками. Часть их он принял в свое войско, остальных отправил на Дон с манифестами агитировать за него. Однако донские казаки в массе своей не поддерживали самозванца. Гораздо больше их боролись против Пугачева. На то было несколько причин. Все уже знали, что после заключения мира с турками армия будет брошена на подавление восстания. Кроме того, правительство заранее предприняло меры, которые должны были недопустить выступления донских казаков. В частности, то, что говорилось о Пугачеве в правительственных манифестах, было и так хорошо известно на Дону. Это, а также непрерывное преследование самозванца, из-за чего он мог оставаться на одном месте только несколько дней, не позволили ему поднять Дон на восстание.

Комендант Царицына Цыплетев начал восстанавливать укрепления города в начале августа. Одновременно он направил во все стороны просьбы о помощи. На них откликнулось много донских казаков и 3000 калмыков под командованием князя Дундукова. Цыплетев послал последнего и легкий полевой корпус встретить бунтовщиков, но 16 августа они столкнулись с главным войском Пугачева на реке Пролейке и после ожесточенной перестрелки были разбиты. Однако Цыплетев продолжал лихорадочно готовиться к обороне. Боясь повторения событий в Саратове, он призвал население ничего не бояться, сообщил ему о подписании мира, хотя сам еще не имел письменного подтверждения этого, установил присмотр за поведением городской черни. Он также расчистил пространство перед городом от мешавших обороне строений

---

⁴⁵⁸ Рысляев Л. Д. Пугачев в Саратове // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и лит.-ры. 1962. № 8, вып. 2. С. 63—68.

и сжег несколько соляных складов. Кроме того, ему было известно, что вот-вот сюда придет Михельсон⁴⁵⁹.

21 августа несколько тысяч повстанцев окружили Царицын и начали обстреливать его из пушек. Защитники города отвечали тем же, донские казаки делали вылазки, не позволяя бунтарям ворваться во внутрь. Через пять часов Пугачев отступил на юг. Он понес большие потери и потерял большую часть обоза. На следующий день его «флот» появился перед городом; заранее предупрежденные, защитники города обстреляли его с плавучей батареи. В тот же день, 22 августа, Михельсон вошел в Царицын и сразу же бросился вслед за Пугачевым⁴⁶⁰.

Полковник преследовал Пугачева по Куманской степи приблизительно шестьдесят пять миль ниже Царицына. 24 августа, увидев перед собой походные костры бунтовщиков, он устроил бивуак. В полночь он приблизился к повстанцам, чтобы на рассвете напасть на них. Однако они его уже ждали; Михельсон разделил свой отряд на три колонны и ринулся в атаку. Несмотря на яростное сопротивление, особенно перешедших на сторону Пугачева саратовских канониров, Михельсон разбил центр повстанцев и обратил их в бегство. Одни из них бросились в прибрежные овраги, другие побежали на юг вдоль реки. Сам самозванец с несколькими соратниками скакал рядом с Волгой, а затем переплыл ее; многие при этом утонули. Это было фактически концом восстания. Михельсон сломал хребет повстанцам, уничтожив приблизительно 3000 и захватив 4000 человек, многие из которых находились в плену у бунтовщиков⁴⁶¹.

Теперь у Пугачева осталось лишь несколько соратников. Они пошли в калмыцкую степь, на реки Узени, в места, где он еще недавно скрывался сам. Там, чтобы получить прощение, яицкие казаки решили выдать своего лидера властям — этим заканчивали большинство вождей восстаний. 15 сентября они прибыли в Яицк, откуда год назад началось это восстание, и передали связанного самозванца в руки капитана Маврина.

---

⁴⁵⁹ Цыплетев — Екатерине, 25 августа 1774 г.: Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева // Записки Императорской академии наук. СПб., 1875. Т. XXV. Приложение 4. С. 33–36. Царицынская воеводская канцелярия — в Сенат, 27 августа 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 512, ч. 2. Л. 44.

⁴⁶⁰ Цыплетев — Екатерине, 26 августа 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 496. Л. 6–8 об.

⁴⁶¹ Михельсон — П. И. Панину, 29 августа 1774 г.: Пугачевщина. Т. III. С. 307–310.

В начале августа Екатерина переехала из Петергофа в Царское Село, где она проводила месяц до возвращения в Санкт-Петербург. Все это время она с тревогой читала сообщения об опустошающем походе Пугачева на юг. 15 августа императрица призналась Вольтеру, что последние шесть недель она только и думала об этом. Через две недели она ожидала чего-то важного, ибо уже десять дней не получала никаких вестей от Панина, и поскольку «дурные вести идут быстрее, чем хорошие, я надеюсь на что-то хорошее, а лучше всего, если бы это была новость о поимке злодея»⁴⁶². Одновременно она ждала обмена ратификационными грамотами с турками, опасаясь, что Османская Порта может аннулировать достигнутые договоренности. И, разумеется, Екатерина активно участвовала в работе Секретных комиссий, читая их экстракты и утверждая приговоры ведущим бунтовщикам.

Оправившись от известия о сожжении Казани, императрица продолжала размышлять о поездке в Москву. После некоторых колебаний она, наконец, решила посетить древнюю столицу в конце года⁴⁶³. По мнению Гуннинга, в необходимости этого ее убедил Потемкин; он также связывал предстоящую поездку с известиями о волнениях в Москве⁴⁶⁴. Императрица собиралась туда якобы отпраздновать заключение мира с турками, и, как она писала прусскому принцу Генриху, «чтобы посмотреть страну»; однако многие наблюдатели понимали, что за этим стоит⁴⁶⁵. Узнав о предстоящей поездке императрицы, лондонский начальник Гуннинга лорд Суффолк, заявил, что это ясно доказывает: «Мятеж, приписываемый до сих пор Пугачеву и нескольким его последователям, в сущности, обнаруживает обширное восстание самого тревожного характера»⁴⁶⁶.

Несмотря на все усилия правительства, новости о восстании продолжали поступать. 22 августа Гуннинг сообщал, что Пугачев все еще находится на свободе и разорил местность под Воронежом. «Генерал Панин едва ли успеет прибыть туда до 20-го числа этого месяца; так, что потребуется некоторое время, прежде, чем мы сможем

---

⁴⁶² Екатерина — Вольтеру, 15 августа 1774 г.: Documents of Catherine the Great. P. 196; Екатерина — Волконскому, 29 августа 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 123.

⁴⁶³ Екатерина — Волконскому, 29 августа 1774 г.: Там же.

⁴⁶⁴ Гуннинг — Суффолку, 19 августа 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2706; Гуннинг — Суффолку, 29 августа 1774 г.: РИО. Т. XIX. С. 433.

⁴⁶⁵ Екатерина — принцу Генриху, 22 августа 1774 г.: Brieiwechsel zwischen Heinrich Prinz von Preussen und Katharina II von Russland / ed. R. Krauel. Berlin, 1903. S. 135.

⁴⁶⁶ Суффолк — Гуннингу, 27 сентября 1774 г. (н. ст.): РИО. Т. XIX. С. 432.

узнать, что там произошло»⁴⁶⁷. Западная Европа пристально интересовалась этим восстанием и ее пресса постоянно публиковала репортажи о нем. Несмотря на то, что информация о восстании была противоречивой, а российское правительство всячески пыталось ее скрыть или ограничить, она, несмотря на некоторые погрешности, отражалась на страницах западной периодики с удивительной точностью. Например, «Дейли Эдветайзе», пересказывая берлинские газеты за 16 августа, сообщала, что «мятежник Пугачев, после ряда побед над правительственными войсками, дошел до Казани», а через две недели напечатала подробный отчет о захвате этого города⁴⁶⁸. 24 сентября она сообщала из Санкт-Петербурга то, что известия о пленении Пугачева не соответствуют действительности и что

Наша армия до сих пор преследует Пугачева, который с остатками своей армии, еще довольно значительным, идет к Волге и Самаре, чтобы отсюда уйти на Яик. Пугачев грабит местности, по которым проходит, уничтожая все огнем и мечом. Его ярость главным образом направлена на дворян, из которых им уже убито 2000 мужчин, женщин и детей. Среди жертв его жестокости — почтенный 110-летний джентльмен, являющийся родственником графа де Панина и живший в отставке в своем имении под Казанью⁴⁶⁹.

Во всех европейских и американских газетах обсуждались взаимосвязи между русско-турецкой войной, восстанием Пугачева и другими событиями. В этой связи «Виджиния Газет» поместила 24 ноября следующую заметку:

Однако у императрицы России после всех ее побед над турками кажется, имелась собственная причина для расквартирования войск, ибо опасный мятеж в ее стране и, возможно, определенные опасения, что против нее в столице зреет заговор, вероятно, вынудили ее ускорить наступление момента, который позволил бы ей отозвать ее армию издалека⁴⁷⁰.

Надо отметить, что Екатерина была удовлетворена завершением восстания, поскольку ее посланник в Константинополе сообщал в октябре, что французы, используя преувеличенные рассказы о восстании, убеждают турков пересмотреть ряд статей мирного договора⁴⁷¹.

---

⁴⁶⁷ Гуннинг — Суффолку, 22 августа 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts. 2706.

⁴⁶⁸ Daily Advertiser. 1774. August 2; September 10.

⁴⁶⁹ Ibid. September 24.

⁴⁷⁰ Virginia Gazette. 1774. November 24.

⁴⁷¹ Петерсон — Румянцеву, 14 октября 1774 г.: П. А. Румянцев. Т. II. С. 775. О рудностях ратификации мирного договора см.: Anderson M. S. The Eastern Question, 1774–1923: A Study in International Relations. London, 1966.

Новость о пленении Пугачева достигла столицы 26 сентября 1774 г. «Мы все наполнены радостью, что злодей дошел до конца, — писал Потемкин генералу Панину⁴⁷². Екатерина радовалась, что «мерзкая сия история... пресекалась»; тем не менее, всегда дорожившая своей репутацией за рубежом, она с грустью призналась, что в глазах Европы это событие отбросило Россию на двести или триста лет назад, к варварским временам⁴⁷³.

Если европейская читающая публика позже зачитывалась подробностями казни Пугачева, то она так и не узнала, чем эта «мерзкая сия история» завершилась. Посол Гуннинг многое недоговаривал, когда 19 сентября писал, что «судя по приказаниям, разосланным генералом Паниным, имеется в виду действовать решительно относительно лиц, заблуждающихся настолько, чтобы участвовать в мятеже»⁴⁷⁴. На самом деле Петр Панин действовал как ангел дворянского мщения и возмездия. Он установил режим террора, украсив русские села лесами ужасных виселиц. Подчиненные ему регулярные войска вошли в охваченные бунтами места Поволжья. Получив подкрепление в виде четырех полков из Финляндии и с западной границы, а также расквартированных в Крыму частей Второй армии, Панин с такими силами смог утопить очаги восстания в крови. Как и Пугачев, он тоже вел классовую войну, только наоборот, сверху вниз. Его программа от 25 августа, одобренная Екатериной 12 сентября, жиддилась на одном — беспощадном терроре. В ней, в частности, говорилось:

Во всех тех городах и селениях, в которых обыватели поднимали свои руки или способствовали только поимке и предательству в руки изменников на убийство своих воевод, всяких поставленных от Е. И. В. начальников, собственных помещиков, священников и всякого звания верноподданных, и тех, как самых убийц, так и предателей, заводчиков, изготовя наперед по христианскому закону, казнить смертью отрублением сперва руки и ноги, а потом головы и тела, класть на колесы у проезжих дорог... Если заводчиков убийств учрежденных начальников, собственных помещиков, священников, настоящими обличениями изыскивать будет уже нельзя, то в таковых селениях, где начальники, священники и всякого звания верноподданные умерщвлены или преданы их же поселянами, принуждать к выдаче заговорщиков метанием между ними жребия, для повешения третьего, а ежели

Ch. I и недавнюю прекрасную статью Алана Фишера (Fisher A. W. Sahin Girey, the Reformer Khan, and the Russian Annexation of the Crimea // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. New series. 1967. Bd. XV, no. 3. S. 341–364).

⁴⁷² Г. А. Потемкин — П. И. Панину, 4 октября 1774 г.: Пугачевщина (из архива П. И. Панина). С. 39.

⁴⁷³ Екатерина — П. И. Панину, 3 октября 1774 г.: РИО. Т. VI. С. 154.

⁴⁷⁴ Гуннинг — Суффолку, 19 сентября 1774 г.: РИО. Т. XIX. С. 436.

и сим средством они их не выдадут, то и действительно сотого между таковыми по жребию повесить, а остальных всех возрастных пересечь жестоко плетьюми⁴⁷⁵.

Эти меры не остались на бумаге. Виселицы, колеса и так называемые «глаголи» Г — приспособления для подвешивания преступников за ребро — были установлены в каждом поместье, деревне и городе, участвовавшем в восстании или сочувствовавшем бунтовщикам. Панин обещал казнить всех взрослых мужчин в мятежных деревнях и раздать их жен, детей и земли другим людям, хотя конфиденциально и уверил Екатерину, что это была не более чем угроза⁴⁷⁶. Карательные отряды били людей кнутами, батогами, пороли розгами, отрезали им уши. На дорогах лежали трупы⁴⁷⁷. В Нижнем Новгороде, например, губернатор Ступишин приказал повесить пленного бунтовщика на берегу Оки, чтобы посеять ужас среди бурлаков⁴⁷⁸. Более трехсот человек были казнены, вероятно, тысяча или больше сурово наказаны. Помещики нанимали специальных «порщиков» для умиротворения своих крепостных, и лишь по экономическим причинам репрессии не приняли более грандиозного масштаба. Таким образом, крепостное крестьянство, игравшее ведущую роль в восстании в Поволжье, заплатило высокую цену за поражение в этой гражданской войне. Панин извинился перед Екатериной за оскорбление ее высочайших и нежных чувств такими жестокостями, утешая ее тем, что «приемля с радостью пролитие проклятой крови таких государственных злодеев на себя и на чад моих»⁴⁷⁹. В ответ императрица выразила сожаление по поводу того, что пришлось применять суровые меры, но признала, что «в теперешнем случае казнь нужна, по несчастию, для блага империи»⁴⁸⁰.

Особое возмущение у генерала Панина вызвали факты сотрудничества местного духовенства с бунтовщиками. Основываясь на донесениях майора Меллина о произошедшем в Саранске, он 10 августа написал Екатерине, чтобы Священный Синод запретил духовенству всякое общение с повстанцами; в противном случае они подлежат

---

⁴⁷⁵ Сочинения Державина. Т. V. С. 288–289.

⁴⁷⁶ П. И. Панин — Екатерине, 30 августа 1774 г.: РИО. Т. VI. С. 129.

⁴⁷⁷ Один из исследователей истории Краснослободского уезда в 1879 г. писал, что даже сегодня люди помнят, как тела казненных месяцами раскачивались на виселецах, наводя ужас на всех особенно по ночам и на рассвете: Беляев И. Указ. соч. С. 38.

⁴⁷⁸ Ступишин — в Казанскую секретную комиссию, 31 августа 1774 г.: Пугачевщина. Т. III. С. 311.

⁴⁷⁹ П. И. Панин — Екатерине, 25 августа 1774 г.: РИО. Т. VI. С. 117.

⁴⁸⁰ Екатерина — П. И. Панину, 2 сентября 1774 г.: Там же. С. 120.

гражданскому суду и наказанию. Одобрив эти предложения, Екатерина вместе с тем отметила, что в Казанской и Оренбургской губерниях это не даст большого эффекта⁴⁸¹. 18 августа Священный Синод направил такой указ архиепископу Нижегородскому Антонию, потребовав, чтобы он поступил так с саранским духовенством и в будущем с любым другим на том же основании⁴⁸².

Фактический диктатор Поволжья, Панин занимался не только наказаниями, но административной реформой и помощью голодающим. Его потрясла трусость большинства провинциальных чиновников, которые бежали при приближении бунтовщиков, а когда он узнал о состоянии управления на местах, то пришел в ужас. К октябрю основные репрессии были проведены и большинство областей умиротворены, после чего Панин приказал выявить чиновников, которые сбежали во время восстания. Он просил предводителей губернских дворянских собраний предложить кандидатов на должности в местных администрациях⁴⁸³. Однако эти меры привели лишь к частичным кадровым изменениям в органах местного управления, а не к реформированию самих этих органов. Любивший напыщенные речи, Панин также подготовил предложения по борьбе со взяточничеством, вымогательством и несправедливыми решениями местного бюрократического аппарата, увенчав их громким официальным заявлением, что так делать нехорошо и эти проступки будут наказываться⁴⁸⁴. А своему брату Панин признался в невозможности что-то исправить: «Очень трудно или совсем нельзя сделать, — заметил он с сарказмом, — тому совершенный порядок в пользу другого и других, кому собственно ни порядка, ни справедливости не изъясняется»⁴⁸⁵.

С конца лета губерниями, лежащими к югу от Москвы, стал угрожать голод⁴⁸⁶. Хаос, вызванный восстанием, погубил урожай во мно-

---

⁴⁸¹ П. И. Панин — Екатерине, 10 августа 1774 г.: Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: переписка императрицы Екатерины II с графом П. И. Паниным // Записки императорской академии наук. СПб., 1863. Т. III. Приложение 4. С. 32; Екатерина — П. И. Панину, 14 августа 1774 г.: РИО. Т. VI. С. 103.

⁴⁸² Екатерина — Святейшему Синоду, 18 августа 1774 г.: РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 84. Л. 3.

⁴⁸³ Предложение П. И. Панина, 5 октября 1774 г.: Пугачевщина. Т. III. С. 321.

⁴⁸⁴ Там же. Доклад П. И. Панина, 4 ноября 1774 г.: Там же. С. 325–326.

⁴⁸⁵ П. И. Панин — Н. И. Панину, 27 октября 1774 г.: Пугачевщина (из архива П. И. Панина). С. 29.

⁴⁸⁶ Ранее, ссылаясь на эпидемию среди лошадей, Гуннинг прокомментировал: «Падеж лошадей по-прежнему велик. Поэтому, а также из-за небывалой засухи, которая уничтожила посевы во многих местах империи, простой народ,

гих местах, а возвращение армии из-за границы увеличило потребности в продовольствии. 25 августа генерал Панин предупредил Екатерину об опасном росте цен на зерно⁴⁸⁷. Сенатский курьер Максимов, проезжавший по этим землям в августе, 2 сентября отмечал, что урожай крайне плохой, особенно в Казанской и Оренбургской губерниях, где из-за засухи погибло большинство посевов⁴⁸⁸. Неделю спустя Гуннинг сообщил своему правительству, что «экспорт отсюда больших партий пшеницы в этом году и срыв из-за мятежа посевной в этих губерниях, которые являются житницей империи, вероятно, сильно скажется в будущем году»⁴⁸⁹. После этого Екатерина в середине октября потребовала от Панина установить потолок цен для продаж хлеба в Поволжье. Сенат предложил приостановить экспорт зерна, но императрица не решилась пойти на это⁴⁹⁰. Чтобы снизить потребление хлеба внутри страны, Императорский совет согласился с предложением Никиты Панина, чтобы армия Румянцева перезимовала в Польской Украине или приграничных с ней районах⁴⁹¹.

В этих условиях Екатерина предложила своего рода программу общественных работ: чиновники должны были нанимать местное население для строительства стен и рвов вокруг нуждающихся в этом городов⁴⁹². По этой же причине она распорядилась повысить в два раза размер платы за ямских лошадей и наем подвод крестьянам Казанской, Нижегородской и Оренбургской губерний⁴⁹³. Но ситуация все равно оставалась серьезной. Из Соликамска, севернее основного района восстания, архимандрит Симон, подводя итог, 20 декабря 1774 г. писал своему другу Ивану Ивановичу Памфилову, духовнику Екатерины, что в этих краях дух восстания вроде бы удалось обуздать и все вернулись к своим занятиям, но хлеб сильно вздорожал, из-за чего население стонет⁴⁹⁴.

скорее всего, сильно пострадает» (Гуннинг — Суффолку, 1 июля 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2706).

⁴⁸⁷ П. И. Панин — Екатерине, 25 августа 1774 г.: РИО. Т. VI. С. 118–119.

⁴⁸⁸ Показание сенатского курьера Г. Максимова, 2 сентября 1774 г.: Пугачевщина. Т. III. С. 460.

⁴⁸⁹ Гуннинг — Суффолку, 9 сентября 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2706.

⁴⁹⁰ Екатерина — губернатору фон Брандту, 26 октября 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. III. С. 233.

⁴⁹¹ АГС. Т. I, ч. 2. Стб. 712.

⁴⁹² Екатерина — губернатору Мещерскому, 30 ноября 1774 г.: Пугачевщина. Т. III. С. 332–333.

⁴⁹³ Екатерина — в Сенат, 30 декабря 1774 г.: РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 710.

⁴⁹⁴ Архимандрит Симон — И. И. Памфилову, 20 декабря 1774 г.: РНБ. Отдел рукописей. Ф. 559. Т. I. Л. 179 об–180.

22 июля генерал П. С. Потемкин сообщал Екатерине из Казани, что неделей ранее, после окончательной победы Михельсона над Пугачевым, было захвачено в плен свыше 10000 человек. Взяв с них присягу, он освободил большинство их от наказания и распустил по домам. Так как многие из них были из далеких заводов и деревень, он выдал каждому по пятнадцать копеек, чтобы они не воровали по дороге. Среди пленных имелось приблизительно семьсот солдат, но Пугачев вооружил где-то одну шестую часть, ибо, как объяснял Потемкин, большинство их не хотело сражаться. Их Потемкин распределил по другим командам. Освобождение пленников, отмечал он, дало положительный эффект, ибо люди увидели милосердие вместо грозящего им наказания⁴⁹⁵. Тем временем, Секретная комиссия расследовала деяния только самых важных повстанцев. Она осудила изменника Минеева к наказанию шпицрутенами, от которого он умер, и присудила Белобородова к ста ударам кнутом в Казани, а затем к смерти в Москве. 5 сентября князь Волконский сообщил императрице о его публичной казни на глазах у огромной толпы зевак; «и тако повсюду слух скоро разнесется, и я надеюсь, всемилостивейшая государыня, что сей страх хороший в черни эффект сделает»⁴⁹⁶.

Генералу Потемкину пришлось заниматься и сложнейшими административными проблемами. Он не только возглавлял Секретную комиссию, но и на время стал главнокомандующим всех войск под Казанью и по причине смертельной болезни фон Брандта исполнял обязанности казанского губернатора⁴⁹⁷. В этом качестве он руководил операциями против отрядов повстанцев в Казанской губернии, войсками, охотившимися за Пугачевым на Левобережье Волги, и направлял людей подавлять волнения в других местах. В ответ на сообщения о беспорядках среди чувашей, восставших, когда Пугачев перешел Волгу вблизи Казани, генерал Потемкин приказал воеводе Свияжска наказать кнутом главных преступников и выпороть каждого десятого человека в восставших деревнях. Две недели спустя, чтобы облегчить работу Казанской секретной комиссии, он поручил этому же человеку допрашивать бунтовщиков в Козьмодемьянске. Од-

---

⁴⁹⁵ П. С. Потемкин — Екатерине, 22, 26 июля 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 489. Л. 40—41, 46.

⁴⁹⁶ Волконский — Екатерине, 6 сентября 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 126.

⁴⁹⁷ Чтобы поощрить своего представителя, Екатерина приказала выплатить ему 24 векселя, «о чем прошу более не слово не упомянуть, — писала она П. С. Потемкину, — а впредь быть воздержнее, дабы качества твои, столь полезные для службы и для меня, ничем не затмились (Екатерина — П. С. Потемкину, 23 июля 1774 г.: Екатерина и пугачевщина // Русская старина. 1875. Т. XIII, № 5. С. 118).

новременно, чтобы предупредить беспорядки, он приказал воеводе Симбирска объявить о подписании мира с турками⁴⁹⁸.

Генерал Потемкин также посылал своих подчиненных руководить подавлением местных очагов восстания. 12 августа он отправил подполковника Белокопытова в Алатырь, где тот должен был выяснить у пленников, зачем они присоединились к Пугачеву, знали ли о манифестах Екатерины и почему поверили самозванцу. Белокопытов должен был также определить, присоединились ли они к бунтовщикам из-за того, что поверили в самозванца, или из-за «буйности и мошенничества, к которым большая часть толпы склонна». Однако Потемкин отметил, что необходимо отличать невежество и простоту от измены⁴⁹⁹. Позже, в августе, он послал с аналогичной целью подполковника Неклюдева в Саранск. То, что он ехал туда осуществлять расправы, ясно видно из инструкции ему, в которой говорилось, что если помещики будут подавать жалобы на своих крепостных за их действия во время восстания, то эти жалобы следует удовлетворять⁵⁰⁰.

Генерал Потемкин все время убеждал Екатерину назначить в Казань нового губернатора, пронизательного и беспристрастного, поскольку большинство местного населения составляют инородцы и малейшая вспышка может привести к беспорядкам, что и произошло недавно⁵⁰¹. Поэтому 9 августа Сенат назначил казанским губернатором князя Платона Степановича Мещерского, сменившего умершего 3 августа фон Брандта.

Помимо проведения репрессий и решения административных проблем, генерал Потемкин продолжал курировать работу Казанской и Оренбургской секретных комиссий. На основе указаний Екатерины он реорганизовал процедуру расследования дел пленных бунтовщиков. Протоколы допросов пленников вели секретари и канцеляристы, но они должны были не просто фиксировать показания, а задавать вопросы, подвергать заключенных перекрестному допросу, выявляя сведения об их предыдущих связях и намерениях. После этого секретари предоставляли протоколы допросов членам комиссии, а те на основа-

---

⁴⁹⁸ П. С. Потемкин — свияжскому воеводе подполковнику Чирикову (28 июля, 11 августа 1774 г.), П. С. Потемкин — губернатору Ступишину (28 июля 1774 г.), П. С. Потемкин — воеводе Симбирска Рычкову, 11 августа 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 489. Л. 230 об—232 об.

⁴⁹⁹ П. С. Потемкин — подполковнику Белокопытову, 12 августа 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 507, ч. 2. Л. 136—136 об.

⁵⁰⁰ П. С. Потемкин — подполковнику Неклюдову, август 1774 г.: РГБ. Отдел рукописей. Ф. 222. Т. VII. Л. 196 об.

⁵⁰¹ П. С. Потемкин — Екатерине, не позднее 3 августа 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 489. Л. 48.

нии их выносили приговор. Кроме того, велся журнал судебного разбирательства и готовились еженедельные отчеты для императрицы⁵⁰².

Допрашивая повстанцев, следователи должны были выяснить, зачем человек присоединился к восстанию, и в чем это выражалось, по чьему указанию и чего он добивался? Нужно было разобраться, почему люди, зная о смерти Петра III, принимали за него Пугачева, и выяснить, какие преступления они совершили в ходе восстания. Они должны были также попытаться раскрыть, какие связи бунтовщики имели, с какими городами и деревнями, куда планировал идти Пугачев и с какой целью. Нужно было выяснить, как Пугачеву удалось сбежать из казанской тюрьмы⁵⁰³. Ответы на эти вопросы интересовали Екатерину в силу того, что, как она признавалась генералу Потемкину, они позволяют понять состояние дел на местах и, что еще более важно, «что б заключении нужные о умоначертании и розных понятии простого народа в нынешнего времени с точности делать можно было⁵⁰⁴.

Огромное число пленных бунтовщиков, сочувствовавших им и их жертв сильно осложнили главную задачу генерала Потемкина: выяснить причины восстания. Более того, эти пленники содержались на обширной территории от Тобольска до Москвы, от Нижнего Новгорода до Царицына и вне ее. Продолжение военных действий против повстанцев также препятствовало расследованию, и генерал Потемкин опасался, что в результате развязанного Паниным террора отдельные важные пугачевцы могут быть казнены прежде, чем их допросят. 6 сентября в письме к генералу Панину он просил, чтобы каратели, прежде чем казнить бунтовщиков, допрашивали бы их об участии в восстании. Эти протоколы должны посылаться в Тайную экспедицию, а мятежники — подвергаться казни, однако все важные бунтовщики и особенно те, кто что-то знал о самом Пугачеве, непременно должны доставляться в Секретную комиссию⁵⁰⁵.

Основания для опасений у генерала Потемкина были. Например, Алексей Дубровский, «секретарь» повстанческой «Военной коллегии» и автор ряда их манифестов, был схвачен после поражения Пугачева под Царицыным, но умер в Саратове, очевидно под пытками, и все свои тайны унес с собой в могилу. Кроме того, генерал Потемкин был недоволен вмешательством местных властей в работу следовате-

---

⁵⁰² П. С. Потемкин — в Казанскую секретную комиссию, 10, 24 июля 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 507, ч. 2. Л. 59, 89.

⁵⁰³ П. С. Потемкин — в Казанскую секретную комиссию, 24 июля 1774 г.: Там же. Л. 89–89 об.

⁵⁰⁴ Екатерина — П. С. Потемкин, 26 августа 1774 г.: Екатерина и пугачевщина. С. 122.

⁵⁰⁵ П. С. Потемкин — П. И. Панину, 6 сентября 1774 г.: РГБ. Отдел рукописей. Ф. 222. Т. VII. Л. 211–211 об.

лей и просил императрицу запретить чиновникам это делать, «дабы тем тайну удобнее сохранить было возможно, а и невинных от истязания напрасного избавить»⁵⁰⁶.

В начале августа генерал Потемкин отправил капитана Маврина из Оренбурга в Яицкий городок. В отличие от коменданта Яицка полковника Симонова, боявшегося казаков и наказывавшего всех подряд, Маврин создал своего рода суд для рассмотрения их проблем и сразу же стал разбираться с арестованными казаками. Некоторых он наказал, но большую часть простил. Маврин также пообещал как можно скорее освободить их товарищей, содержавшихся в Оренбурге и обеспечить хлебом нуждающихся. В ответ на это многие находившиеся в бегах казаки выразили свою покорность. Не случайно, что именно Маврину пугачевцы выдали своего вожака.

Постепенно Маврину удалось выяснить, что прежняя казачья администрация погрязла в злоупотреблениях и коррупции. Относясь к казакам доброжелательно, он пришел к выводу, что это вполне нормальные люди, поднявшиеся на восстание из-за действий своей администрации и обманутые своими лидерами. Находя полковника Симонова бестолковым, трусливым глупцом, Маврин пришел к выводу, что в основном благодаря ему бунт приобрел такой размах и рекомендовал его заменить⁵⁰⁷. Для выявления причин восстания Маврину приходилось, в основном, опираться на устные источники, которые, как он сам признавал, были довольно ненадежными. Большинство документов погибло во время бунта и осады городка. Особое сожаление вызывало то, что оказались утраченными бухгалтерские отчеты, поскольку именно злоупотребления в этой сфере и были главной причиной выступления казаков. Многие участники и свидетели событий отсутствовали или погибли. Однако к 15 сентября, когда перед ним предстал Пугачев, у Маврина уже было достаточно информации, в том числе полученной Секретными комиссиями, чтобы подготовить предварительный отчет о причинах восстания.

Выводы, сделанные Мавриным, легли в основу рапорта генерала Потемкина Екатерине 15 сентября, в котором он заявил, что в возникновении бунта виновны не только казаки. Они не раз пытались сами уладить внутренние конфликты, но вмешательство правительства только усугубило ситуацию. Вместо того чтобы способствовать решению проблем на ранней стадии и восстановить порядок, неумелые действия правительства «злость надежд усугубляли». В итоге порядок, установленный на Яике после январских событий 1772 г., пока-

---

⁵⁰⁶ П. С. Потемкин — Екатерине, 10 ноября 1774 г.: Пугачевщина. Т. III. С. 326—327.

⁵⁰⁷ Переписка Маврина с П. С. Потемкиным и А. М. Луниным в августе-сентябре 1774 г. хранится в РГБ (Ф. 222. Т. IX/1. Л. 2—50).

заяся «казакам совершенным притеснением, так что кроме тех, кои были в заговоре с извергом рода человеческого Емелькою Пугачевым, прочие не мыслили разбирать о его состоянии, слепо шли к соединению с ним, лжятся приобретением выгод»⁵⁰⁸.

Маврин и Потемкин пришли к выводу, что старообрядчество способствовало невежеству и суеверию местных жителей, которые и толкнули их в объятия Пугачева. Потемкин потребовал заковать яицких священников в кандалы и судить, а Казанскому архиепископу прислать вместо них новых, не раскольников⁵⁰⁹.

Несмотря на доброжелательное отношение Маврина к яицким казакам, он, как представитель центральной власти, считал, что возврат к их прежним вольностям и привилегиям невозможен. Обсудив с генералом Потемкиным новое устройство Яицкого Войска, оба они пришли к выводу, что необходимо сохранить там присутствие регулярной армии. Для осуществления строгого контроля со стороны государства была проведена перепись яицких казаков. В узком смысле это означало конец их независимости, в широком — триумф политики централизации и интеграции в империю приграничных районов. Волжские казаки, многие из которых участвовали в бунте, были переселены на Кавказ. Через шесть месяцев была ликвидирована Запорожская Сечь на южной Украине, а запорожцы высланы на Кубань и Кавказ⁵¹⁰. Сполна нахлебавшись горя от существования этих автономных анклавов, правительство воспользовалось пугачевщиной, чтобы раз и навсегда покончить с потенциальными источниками бунта.

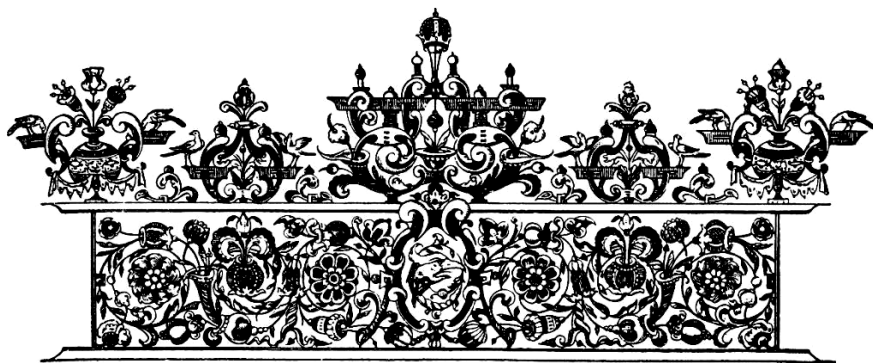
---

⁵⁰⁸ Рапорт П. С. Потемкина Екатерине, 15 сентября 1774 г.: Материалы для истории Пугачевского бунта: бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева. С. 77–97.

⁵⁰⁹ П. С. Потемкин — Екатерине, 17 сентября 1774 г.: Грот Я. К. П. С. Потемкин во время пугачевщины. С. 408–409.

⁵¹⁰ О ликвидации Запорожской Сечи и создании пророссийских казачьих образований см.: Голобуцкий В. А. Черноморское казачество. Киев, 1956. Гл. II и passim.

Х ИСТИННОЕ ТОРЖЕСТВО ДВОРЯН

Сразу после доставки 15 сентября 1774 г. в Яицк Пугачев был допрошен капитаном Мавриным. На следующий день этот допрос был продолжен с участием соратников самозванца и тщательно протоколировался. В качестве меры психологического воздействия Пугачева оба дня показывали местному населению. Стоя перед собравшимися яицкими казаками, самозванный царь признался, что на самом деле он неграмотный донской казак, который «виноват пред Богом и пред ея императорским величеством». Это, отмечал Маврин, произвело большое впечатление на казаков, многие из которых все еще верили самозванцу. Они кричали, что Пугачев заставлял их проливать кровь, он в ответ выкрикнул, что они сами виноваты, после чего Маврин прервал этот спор. 17 сентября генерал Суворов заключил Пугачева в деревянную клетку и под крепкой охраной отвез его в Симбирск⁵¹¹.

1 октября в Симбирске генерал граф Петр Панин — персонифицированное воплощение дворянской мести — наконец-то воочию увидел мужицкого царя. Надменный дворянин несколько раз ударил его по лицу и заставил «адского изверга» пасть на колени перед народом и покаяться в своих злодеяниях⁵¹². На протяжении следующих пяти дней генерал Потемкин допрашивал самозванца, часто прибегая к

---

⁵¹¹ Маврин — П. С. Потемкину, 15 сентября 1774 г.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 131–132; Маврин — П. С. Потемкину, 16, 18 сентября 1774 г.: РГБ. Отдел рукописей. Ф. 222. Т. IX/1. Л. 44 об–45 об.

⁵¹² П. И. Панин — П. И. Панину, 1 октября 1774 г.: Пугачевщина (из архива П. И. Панина). С. 27.

перекрестному допросу. После этого, соблюдая особые меры предосторожности, сквозь расставленные через каждые сорок миль по дороге из Симбирска через Муром в Москву отряды войск, Пугачев был доставлен в древнюю столицу для генерального следствия и вынесения наказания. Именно в Москве, в столице провинциального дворянства, которое особенно пострадало от его действий, он должен был выслушать свой приговор. Несмотря на усилия генерал-губернатора Волконского незаметно ночью этапировать Пугачева в его тюремную камеру, расположенную в Кремле, 4 ноября вечером самозванца встречали множество карет и зевак⁵¹³.

Князь Волконский, которому Екатерина поручила возглавить в Москве следствие над Пугачевым, той же ночью начал его допрос. На помощь ему императрица прислала печально известного кнутабойца Тайной экспедиции, секретаря Сената Степана Ивановича Шешковского, который, как она заметила генералу Потемкину, «особливой дар имеет с простыми людьми, и всегда весьма удачно разбирал и до точности, давал труднейшия разбирательства»⁵¹⁴. Он и Волконский почти всю неделю непрерывно допрашивали самозванца. Тем временем в Казани генерал Потемкин завершил работу обеих Секретных комиссий и отправил в Москву для генерального следствия двадцать пять ближайших соратников Пугачева. Сам он в середине ноября отбыл вслед за ними. Таким образом, во второй половине ноября следователями были предприняты последние усилия, чтобы получить ответ на все волнующие их вопросы. Они допросили других бунтовщиков и организовали их очные ставки с Пугачевым. Были также проведены дополнительные допросы самого самозванца. К 5 декабря, завершив свою работу, Волконский и Потемкин составили итоговый отчет, и последний лично вручил его Екатерине.

Все время, пока шло восстание, императрица пыталась с помощью Секретной комиссии определить сущность, движущие силы и

---

⁵¹³ Волконский — Екатерине, 4 ноября 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 134.

⁵¹⁴ Екатерина — П. С. Потемкину, 27 сентября 1774 г.: Екатерина и пугачевщина. С. 124. Вероятно, генерала Панина не включили в следственную комиссию, потому что его присутствие в восставших областях еще было необходимо. Как бы то ни было, он считал, что его заслуги были недостаточно оценены при дворе и жаловался своему брату на медлительность, с которой Екатерина и Потемкин отвечали на его донесения. К середине ноября, не получив разрешения на отъезд в Москву, он пригрозил уйти в отставку, но письмо Екатерины смирило его гнев (П. И. Панин — Н. И. Панину, 19, 28 ноября, 5 декабря 1774 г.: Пугачевщина (из архива П. И. Панина). С. 34–36).

причины народной бури, обрушившейся на ее престол. Поскольку Пугачев был теперь в ее руках, она поручила генерал-губернатору Волконскому и секретарю Шешковскому «узнать все кроющиеся плутни, от кого родились и кем производимы и вымышлены были, дабы тем наипаче узнать нужное к утверждению впредь народной тишины и безопасности, в чем да поможет нам Бог⁵¹⁵». Из столицы империи Екатерина руководила ходом следствия. Она внимательно читала протоколы допросов, показания свидетелей, требовала дополнительных уточнений. Она хотела знать всю правду.

Знакомясь с этими документами, Екатерина постепенно убеждалась, что чей-то заговор здесь не причем. А ведь раньше ее озабоченность разделяли все. «Я все еще подозреваю и причины имею подозревать, не французы ли этой шутки причина, — писал граф Алексей Орлов Г. А. Потемкину. — Я, в бытность мою в Петербурге [предыдущей весной], осмелился докладывать; но мне не верили». Но позже, в связи с появлением осенью 1774 г. в Италии самозванки «княжны Таракановой», называвшей себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны и утверждавшей, что она связана с Пугачевым, Екатерина вновь стала подозревать в организации бунта внешние силы⁵¹⁶.

Иногда стремление Екатерины узнать истину доходило до смешного. В сентябре 1774 г. она получила депешу русского посланника в Париже князя Ивана Барятинского, в котором он пересказывал то, что узнал от одного французского священника. Прогуливаясь однажды в саду, он случайно заговорил с неким человеком. Узнав, что священник знал русских, незнакомец, назвавшийся Ламером, рассказал, что долгое время жил в России в качестве старосты поселения иностранных колонистов Каминская слобода. По его словам, он не только видел Пугачева, но и был лично знаком с ним по Саратову. Таинственный человек утверждал, что Пугачев имел коварные планы задолго до турецкой войны и действовал вместе с польскими конфедератами. В 1772 г., по словам незнакомца, Пугачев попросил французского колониста по имени Кара отвезти его письма к герцогу Д'Эгильону. Кара отправился в Голландию и написал герцогу. Посетив польских конфедератов, он в том же году объявился в Париже,

---

⁵¹⁵ Екатерина — Волконскому, 27 сентября 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 125.

⁵¹⁶ Письмо А. Г. Орлова к Г. А. Потемкину [25 сентября 1774 г.] // Русский архив. 1876. Кн. 2, № 5. С. 6. О «княжне Таракановой» существует обширная литература. См., например: Брикнер А. Указ. соч. С. 243 и сл. Более новая работа: Лурье С. С. Княжна Тараканова // Вопросы истории. 1966. № 10. С. 207–210. Эта женщина, кем бы она ни была, была схвачена Алексеем Орловым и привезена в Россию, где и умерла в тюрьме.

но герцог не нуждался в чьей-нибудь помощи. Тогда Кара уехал в Италию, намереваясь посетить Константинополь. Кара вез, сказал Ламер, деньги Пугачеву от польских конфедератов, и дал ему как другу копию петиции от Пугачева.

Священник заинтересовался этой бумагой и попросил ее показать. Ламер отказался это сделать, но пообещал ему ее прочитать. На следующий день он так и поступил. В документе говорилось, что все иностранные колонисты юго-восточной России очень недовольны своим положением и готовы к бунту, пока идет война с турками, а в этой местности их войско может составить до 60000 человек. Так как у жителей были сомнения в смерти Петра III, это могло стать поводом к мятежу. Пугачев, по словам священника, просил Францию прислать ему войска через Грузию и в случае поражения предоставить ему убежище⁵¹⁷.

Учитывая, что Екатерина подозревала французов, турок, польских конфедератов и Пугачева в едином большом заговоре, эта история как нельзя лучше подтверждала ее версию об иностранных корнях восстания. Но в данном случае этот рассказ был слишком гладко составлен. Пересылая депешу Бярятинского князю Волконскому, Екатерина писала ему 10 октября: «Я почитаю сие за сущее авантюрьерское вранье, сложенное как словами, так и на письме единственно для того, чтоб от кого-нибудь выманить денег. Однако как ничего не должно пропустить мимо ушей что до сей материи касаться может, то сие посылаю к Вам, дабы оно сообщено было к прочим делам, до сей материи касающимся»⁵¹⁸. К письму была приписка: «Отдать Шешковскому».

В ходе расследования этого факта было установлено, что Пьер Ламер и Кара действительно жили в Каминской слободе, но первый исчез оттуда в феврале 1771 г., а последнего найти так и не удалось⁵¹⁹. Хотя этот эпизод не имел никакого продолжения, он демонстрирует желание Екатерины узнать, кто стоял за пугачевцами.

На всех допросах у Пугачева пытались выяснить, участвовали ли в восстании какие-то иные силы, но самозванец категорически это отрицал. «Да и на что де мне? — хвастался он. — Я и так столько людей имел, сколько для меня потребно, только люд нерегулярной». Но Маврин был убежден, что Пугачев так и не рассказал о всех

---

⁵¹⁷ РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 512, ч. 1. Л. 325–326 об.

⁵¹⁸ Екатерина — Волконскому, 10 октября 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 129–130.

⁵¹⁹ РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 512, ч. 1. Л. 327.

своих «злодействах»⁵²⁰. В Симбирске следователи применили к Пугачеву «малое наказание», когда выяснилось, что данные им показания противоречили тому, что они уже знали; однако, кроме посылок писем калмыкам и киргизам, он не контактировал ни с какими внешними силами. Поэтому следователи записали: «Более ж сего ни с какою державою никаких переписок не имел, и помощи ему обещано не было; да и не ведает он: как можно было с ними иметь переписки»⁵²¹. Результаты этого допроса позволили генералу Потемкину 8 октября уверить Екатерину, что «показание самозванца очищает сомнение, чтоб другие державы были ему вспомогательны, рассматривая невежество его, верить сему показанию можно»⁵²². В то же самое время посол Гуннинг сообщил своему правительству:

Мятежник, подобно многим своим соотечественникам, настолько жалок в своем несчастье, насколько самонадеянным и высокомерным выглядел в период своего процветания. Он полностью признал мерзость своего преступления, но все еще отрицает, что у него были какие-то еще сообщники, кроме находившихся с ним. Главному следователю поручено по возможности выяснить, действительно ли он получал поддержку кого-то в империи или за ее пределами. Но результат этого расследования, безусловно, будет засекречен⁵²³.

Но если сделанные Пугачевым в Яицком городке и Симбирске признания по большей части успокоили подозрения Екатерины насчет козней иностранцев, то отдельные вопросы продолжали ее волновать. Она приказала князю Волконскому спросить у Пугачева, откуда он взял голштинское знамя, которое войска Михельсона захватили у бунтовщиков под Царицыным. Она также хотела знать, чеканил ли Пугачев свою монету, образец которой она приложила к своему письму, кто был автором его портрета и какими медалями он награждал своих сообщников⁵²⁴.

---

⁵²⁰ Маврин — П. С. Потемкину, 15 сентября 1774 г.: см. выше, прим. 497; Маврин — П. С. Потемкину, 21 сентября 1774 г.: Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева. С. 97–98.

⁵²¹ Протокол допроса Пугачева в Симбирске, 2–6 октября 1774 г.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 117.

⁵²² П. С. Потемкин — Екатерине, 8 октября 1774 г.: Там же. С. 118.

⁵²³ Гуннинг — Суффолку, 3 октября 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2706.

⁵²⁴ Вяземский — Волконскому, 25 октября 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 512, ч. 1. Л. 329–330. О монете, чеканку которой приписывают Пугачеву, см.: Грузинцев В. Рубль Пугачева // Русская старина. 1914.

На эти вопросы самозванец отвечал, что его отряды захватили много знамен в крепостях и голштинское знамя ему никто специально не давал; позже он вспомнил, что оно было найдено атаманом Перфильевым в Дубовке. Кто был автором его портрета, он не знал, утверждал, что монет никогда не чеканил, а захваченные им в Алатыре серебряных дел мастера изготовили его медали из старых с портретом Петра I. Всего он наградил ими не более двадцати своих сообщников. Он также сказал, что у него была серебряная печать для указов, но не мог вспомнить, кто ее сделал⁵²⁵.

Очевидно, эти ответы удовлетворили императрицу⁵²⁶. Сэр Роберт Гуннинг 9 декабря также сообщал, что «все, что мне стало известно из следствия по Пугачеву, позволяет считать, что ни одна иностранная держава в это восстание не вмешивалась»⁵²⁷.

Т. CLX. С. 633–635 (с фото). Что касается портрета, то он был написан иконописцем-старовером 21 сентября 1773 г. поверх портрета Екатерины, который, видимо, висел в одном из правительственных учреждений и был вырезан из рамы: Бабенчиков М. Портрет Пугачева в Историческом музее // Литературное наследство. 1933. Т. IX–X. С. 499–500 (на фронтисписе этот портрет воспроизведен в цвете; оригинал находится в экспозиции Государственного исторического музея в Москве). <Недавно проведенная экспертиза установила, что этот знаменитый портрет является подделкой и изготовлен не ранее и не позднее середины второй половины XIX в. В настоящее время портрет убран из экспозиции музея в запасники.>

⁵²⁵ Протокол дополнительных допросов Пугачева 8, 15 и 17 ноября 1774 г. см.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 97–100; Волконский — Екатерине, 4 ноября 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 134–135. О печатях Пугачева см.: Овчинников Р. В. Обзор печатей на документах Е. И. Пугачева, его Военной коллегии и атаманов // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 328–335.

⁵²⁶ Ранее Екатерина писала лифляндскому губернатору фон Бронну, что «чужестранного ни единого человека при Пугачеве никогда не было», и коротко сообщила о самозванце: «Он сам ни читать, ни писать не умеет, служил в Прусском походе и в нынешней войне две кампании; дворян он везде вешал по злобе. Сей разбойник не устрашим, но не видно в нем лишной остроты, а еще меньше систематической смелости или духа, но урывками действовал, как на ум что пришло, и наипаче прямой его предмет был грабежа, а потом пить, есть хорошо». Императрица сравнивала восстание Пугачева с бунтом Стапана Разина веком ранее: «и проказы те же, и в те же места, и теми же людьми» (Екатерина — фон Броуну, 26 октября 1774 г.: Осьмнадцатый век. М., 1869. Т. III. С. 232).

⁵²⁷ Гуннинг — Суффолку, 9 декабря 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2706.

Хотя теперь Екатерина убедилась, что ее зарубежные недруги здесь не причем, она по-прежнему продолжала верить, что без чьего-то заговора тут не обошлось. Более всего она подозревала в этом раскольников. Она полагала, что благодаря им восстание отличалось таким фанатизмом и верой в Пугачева. Поскольку ей было известно, что самозванец не раз обращался к староверам в своих манифестах, она считала, что он сам принадлежит к раскольникам. Это подтверждалось рядом фактов. Значительная роль староверов в восстании отмечалась в рапорте Оренбургской секретной комиссии 21 мая и выводах капитана Маврина. В конце июля генерал Потемкин сообщил, что ему в руки попали свидетельства о контактах Пугачева с московскими старообрядцами. Екатерина поручила выяснить это князю Волконскому, но подтверждений этого обнаружить не удалось⁵²⁸. Однако капитан Маврин и генерал Потемкин продолжали считать, что раскол играл важную роль в восстании. По их мнению, именно раскольники посоветовали Пугачеву назваться Петром III и, возможно, помогли ему сбежать из казанской тюрьмы.

Поэтому следователи пытались выявить связи раскольников с самозванцем. Они полагали, что два бриллианта, найденные у Пугачева, подарены ему староверами; в связи с этим несколько несчастных старообрядцев были арестованы в Саратове и отправлены в Москву⁵²⁹. Но на допросе, даже под пытками, Пугачев категорически отрицал какие-либо связи с раскольниками или получение от них денег. Он также утверждал, что родился и жил в православной вере⁵³⁰. Следователи опросили множество свидетелей и провели несколько очных ставок самозванца с раскольниками, подозревая их в давних контактах с ним — все оказалось напрасным. Прямых связей самозванца со староверами обнаружить не удалось⁵³¹.

---

⁵²⁸ Екатерина — Волконскому, 31 июля 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 117; Волконский — Екатерине, 4 августа 1774 г.: РГАДА. Ф. 168. Д. 125. Л. 18 об. Эта часть письма не включена в его публикацию, ср.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 116—117.

⁵²⁹ П. С. Потемкин — Екатерине, 30 октября 1774 г.: Гоот Я. К. П. С. Потемкин во время пугачевщины. С. 412; Волконский — Екатерине, 8 ноября 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 135.

⁵³⁰ Протокол допроса Пугачева в Яишке 16 сентября 1774 г. см.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 132. Протоко допроса в Симбирске см.: Там же. № 5. С. 116.

⁵³¹ Протоколы допросов Пугачева в Москве 18, 28 ноября, 1—3, 5 и 11 декабря 1774 г. см.: Там же. № 7. С. 100—107. Категорическое отрицание того, что раскол играл какую-то важную роль в восстании, см.: Кадсон И. З. Вос-

Не добившись подтверждения своим подозрениям и здесь, Екатерина тем не менее хотела знать, кто предложил Пугачеву стать самозванцем или он сам пришел к этой мысли, когда и кому первому признался, что он «государь». 16 декабря князь Волконский ответил на эти ее вопросы. Пугачев, сообщил он, решил стать самозванцем после посещения Яика. Там он увидел, что казаки готовы к бунту и там же назвался царем⁵³².

За несколько дней до того, как Екатерина получила эти сведения, генерал П. С. Потемкин лично представил ей итоговое заключение по результатам следствия, которое он и генерал-губернатор Волконский закончили 5 декабря. Названный «Записка краткая о злодее Пугачеве», этот рапорт был расширенным вариантом документа, который Оренбургская секретная комиссия и капитан Маврин начали составлять более шести месяцев назад. В нем содержались ответы на вопросы, которые до этого оставались загадкой. Так, следователи пришли к выводу, что Пугачев уничтожал дворян не по своей воле, а по причине ярости бунтовщиков и жалоб крепостных на своих господ. По мнению следствия, это делалось, чтобы не дать дворянам запугать своих крепостных и тем самым помешать бунтовщикам. Аналогично, дабы привлечь на свою сторону крестьян и казаков, повстанцы распространяли свои подстрекательские манифесты, соблазняя чернь заманчивыми обещаниями. Как отмечали следователи, Пугачев не раскаялся в своих поступках и заслуживает самого сурового наказания⁵³³.

Что касается отношений самозванца с яицкими казаками, то итоговое заключение полностью совпадало с более ранними выводами Маврина и объявляло, что Пугачев в своих преступлениях опирался только на казаков⁵³⁴. Без них он никогда, возможно, не смог бы со-

---

стание Пугачева и раскол // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. Т. IV. С. 222–238.

⁵³² Волконский — Екатерине, 16 декабря 1774 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 137.

⁵³³ «Записка краткая о злодее Пугачеве», 5 декабря 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 512, ч. 2. Л. 463.

⁵³⁴ В письме к Екатерине в октябре 1774 г. Вольтер спрашивал у нее, являлся ли «маркиз Пугачев» агентом или инструментом? Если можно, язвительно замечал Вольтер, «хотел бы я узнать, маркиз Пугачев не служит ли кому, или не орудие ли кого, или не орудие ли чье-нибудь? Желал бы я со всякой должной осторожностью сказать Пугачеву: я не осмеливаюсь, господин маркиз, добиваться от вас, кем вы возбуждаемы, но желал бы только знать, собственно ли за себя или за кого другого действуете? Словом, господин вы или чей холоп?» (Documents of Catherine the Great. P. 200). 22 октября Екатерина ответила, что расследование показало: «г. Пугачев — разбойник-хозяин, а не слуга» (РИО. Т. XXVII. С. 3).

вершить столько зла, ибо они уже давно ненавидели российскую власть. Следователи с уверенностью утверждали, что казакам было известно все о злодеяниях Пугачева, они одобряли их, поскольку если бы их авантюра не удалась, планировали все свалить на него. Как показали дальнейшие события, когда они решили избавиться от самозванца, это не составило для них никакого труда. Следовательно, Пугачев был пешкой в их руках. Наконец, в рапорте отмечалось, что яицкие казаки были староверами и пользовались этим, чтобы привлечь невежественный народ, поскольку уничтожение дворян не считалось у них грехом⁵³⁵.

В сопроводительном письме к этому рапорту Волконский и Потемкин указали, что восстание начал ни Пугачев, ни кто-то иной. Оно стало следствием конфликта в Яицком войске, которым воспользовался самозванец. «А притом, всемилостивейшая государыня, осмеливаемся донести... — отмечали в итоге следователи, — другого ничего не открылось, как то, что во всем его злодействе первое начало свое взяло в Яицком войске. Притчина ж тому та, что оное было разделено на две части, то-есть, как они называют, одна послушная, а другая непослушная стороны. А как непослушных казаков в сем войске весьма превосходило послушных, то и не оставалось сему злодею все свои злодействы привести к такому богоненавистному концу затруднения. В протчем, всемилостивейшая государыня, можем всеподданнейше представить, что естли б не попал сей злодей на помянутых, живущих в росстройке бунтующих душ яицких казаков, тоб никоим образом сей злодей такого своего зла ни в каком империи вашего императорского величества месте по подлым своим выдумкам произвести не мог»⁵³⁶. Слабое, это, однако, утешение!

Будучи оптимисткой, Екатерина с нетерпением ждала завершения следствия, чтобы преодолеть последствия восстания и навсегда забыть о нем⁵³⁷. 25 ноября, поздравляя императрицу от имени своего

---

⁵³⁵ «Записка краткая о злодее Пугачеве» // РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 512. ч. 2. Л. 463 об—464. Полностью этот документ см.: Там же. Л. 444—465 об.

⁵³⁶ Волконский и П. С. Потемкин — Екатерине, 5 декабря 1774 г.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 105—106.

⁵³⁷ Как сообщил Гуннинг, «несмотря на появившиеся в городе многочисленные слухи о скорой казни Пугачева она пока отложена, о чем мне с радостью сообщила ее императорское величество: и, надо полагать, ее поездка в Москву не состоится до тех пор, пока это неприятное дело не будет исполнено, а предлогом для отсрочки приезда станет то, что дворец якобы не подготовлен

короля в связи с подавлением мятежа, сэр Роберт Гуннинг уже знал, что она позволила Сенату вынести приговор Пугачеву на его усмотрение, «и таким образом отнимает всякую надежду на милосердие, которое, как она сама высказала мне, разговаривая об этом предмете, в настоящую минуту было бы неуместно»⁵³⁸. Чтобы предотвратить всякие слухи, Екатерина подготовила проект соответствующего манифеста, взяв за основу его свое обращение к народу по делу Мировича десятью годами раньше. Как обычно, она предварительно ознакомилась с ним своего фаворита Потемкина⁵³⁹.

18 декабря генерал П. С. Потемкин зачитал проект этого обращения в Императорском совете. Его члены, однако, сделали в нем ряд поправок и предложили кое-что изменить. Они просили исключить параграф, осуждавший действия местных чиновников во время восстания, ибо тем самым ставился бы под вопрос сам существующий в империи порядок. В случае сохранения этого пункта нужно было конкретно назвать виновных и наказать или простить их. Однако в итоге эта поправка была отклонена и оставлен вариант императрицы. Совет также предложил исключить из основного текста документа описание жизни и преступлений Пугачева как недостойное упоминания, и отдельно приложить его к манифесту или к приговору Сената. Наконец, было решено так изложить концовку манифеста, чтобы ни у кого не оставалось сомнения, что право вынесения окончательного решения по этому делу и его исполнения принадлежит исключительно Сенату⁵⁴⁰. Императрица согласилась с этими поправками и 20 декабря 1774 г. подписала манифест.

Составленный в характерном для Екатерины вычурном стиле, он во многом перекликался с ее манифестом от 29 ноября прошлого года. Она напомнила, что приняла власть «промыслом Божиим», чтобы «доставить в империи нашей живущим всякого состояния людям мирное и безмятежное житье». Она с гордостью сообщила о недавней, без посредников, победе над турками. Но вместо того, чтобы пользоваться плодами мирной жизни, появились Пугачев и его сообщники, которые «целый год производили лютейшие варварства... истребляя

пока к размещению в нем императрицы» (Гуннинг — Суффольку, 9 декабря 1774 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2706).

⁵³⁸ Гуннинг — Суффольку, 25 ноября 1774 г.: РИО. Т. XIX. С. 438–439.

⁵³⁹ Екатерина — Г. А. Потемкину, без даты [декабрь 1774 г.]: РГБ. Отдел рукописей. Ф. 227. Оп. 1. № 34. Л. 52. Перевод см.: *Lettres d'amour de Catherine II a Potemkine*. P. 128. Очевидно, Потемкин долго не возвращал Екатерине этот проект, и она вынуждена была письменно напомнить ему о скорейшей передаче ей этого документа: *Ibid.* P. 123.

⁵⁴⁰ АГС. Т. I, ч. 1. Стб. 455–456.

церкви божи, грады и селения.. и поражая... мучениями и убивством священно-служителей и состояния вышнего и нижнего обоого пола людей, даже и до невинных младенцев... Чиня преступления всякого рода, сами они не упомнят числа содеянного зла». Екатерина объявила, что Сенат, вместе со Священным синодом и персонами первых трех классов дворянства в Москве объявят приговор Пугачеву и его сообщникам для «безопасности личные человеческого рода и имущества».

Несколько дней спустя было опубликовано «Описание происхождения дел и сокрушения злодея, бунтовщика и самозванца Емельки Пугачева». После краткого перечисления преступлений самозванца оно сообщало, что Пугачев и его главные сообщники доставлены в Москву, «где и примут должную месть»⁵⁴¹.

23 декабря, получив ряд указаний от Екатерины, генерал-прокурор князь Вяземский выехал в Москву контролировать следствие и наказание Пугачева и его соратников. Императрица хотела закончить это дело побыстрее и без лишней крови. Она тайно приказала князю Вяземскому «при экзекуциях чтоб никакого мучительства отнюдь не было и чтоб не более трех или четырех человек»⁵⁴². А князю Волконскому императрица 1 января 1775 г. писала: «Пожалуй, помогайте всем внушить умеренность как в числе, так и в казни преступников. Противное человеколюбию моему прискорбно будет. Не должно быть лихим для того, что с варварами дело имеем»⁵⁴³.

Князь Вяземский прибыл в Москву рождественским вечером и сразу потребовал у князя Волконского отчета. На следующий день он осмотрел здание Сената, но найдя его неподходящим, согласно указаниям Екатерины определил для проведения суда семь палат Кремлевского дворца. Вернувшись в тот же день из столицы по просьбе Вяземского, генерал П. С. Потемкин приступил к написанию проекта приговора. 27 и 28 декабря он, Вяземский и сенатор И. И. Козлов работали над этим документом, а вице-президент Юстиц-коллегии Колошин подготовил для них выписки из соответствующих законов. Тем временем князь Вяземский попросил узнать, какого наказания для Пугачева желает общественность. Каким же было его удивление, когда ему сообщили, что большинство влиятельных дворян требуют самым жестоким образом наказать как можно больше виновных.

---

⁵⁴¹ Пушкин А. С. Указ. соч. С. 175–177.

⁵⁴² Вяземский — Екатерине, не ранее 20 декабря 1774 г.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 140.

⁵⁴³ Екатерина — Волконскому, 1 января 1775 г.: Осьмнадцатый век. Т. I. С. 139.

Особенно этого хотел граф Петр Панин. Генерал-прокурор стал опасаться, что в этих условиях ему будет трудно исполнить предписания Екатерины⁵⁴⁴.

Сенат собрался на свое заседание в Москве 29 декабря в половине десятого утра. Вяземский зачитал манифест Екатерины от 20 декабря и описание преступлений Пугачева. Он приказал опубликовать их в старой столице в тот же день и разослать во все правительственные учреждения, как городские, так и провинциальные. Затем он сообщил сенаторам пожелания императрицы относительно суда и приговора. Было решено рассмотреть дела только семнадцати повстанцев, а суд начать завтра⁵⁴⁵.

Утром 30 декабря сенаторы, члены Синода и приглашенные савонники собрались в Кремле. Граф Петр Панин, сославшись на болезнь, на этом заседании не присутствовал⁵⁴⁶. В десять часов князь Вяземский вновь зачитал манифест и перечень злодеяний Пугачева. Затем он попросил участников хранить всю информацию о процессе в тайне. После этого был заслушан рапорт о расследовании дела Пугачева и его сообщников. Завершив в 13.00 чтение, Вяземский предложил допросить Пугачева на следующий день. Чтобы не возбуждать народ, он поручил доставить самозванца в Кремль на рассвете и вернуть в камеру только ночью. Поскольку подсудимых было много, было решено послать к ним в камеры трех членов суда и допросить их там. Сенаторам Козлову и Волкову, а также генералу Потемкину было поручено подготовить текст приговора. Договорившись собраться в среду в 9.00 часов, накануне Нового года, судьи после обеда разошлись⁵⁴⁷.

---

⁵⁴⁴ Вяземский — Екатерине, 26, 28 декабря 1774 г.: РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 715—716 об.; Вяземский — Екатерине, 28 декабря 1774 г.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 141.

⁵⁴⁵ Определение судебного заседания Сената по делу Е. И. Пугачева и его соратников, 29 декабря 1774 г.: Там же. С. 142; Вяземский — Екатерине, 30 декабря 1774 г.: РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 717.

⁵⁴⁶ Кажется, Петр Панин на самом деле был нездоров, ибо княгиня Дашкова, которая незадолго до этого виделась с ним, сообщила 8 января 1775 г., что ему день ото дня хуже (Дашкова — графу Александру Романовичу [Воронцову], 8 января 1775 г.: Из переписки княгини Е. Р. Дашковой с ее братьями // Русский архив. 1912. № 2. С. 15).

⁵⁴⁷ Вяземский — Екатерине, 30 декабря 1774 г.: РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 717. Определение судебного заседания Сената по делу Е. И. Пугачева и его соратников, 30 декабря 1774 г.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 142—143.

В 10 часов утра следующего дня суд собрался вновь. Граф Панин опять отсутствовал. Председательствующий князь Вяземский зачитал отчет о предыдущем заседании. Трое членов суда, отправленные допрашивать бунтовщиков в их камеры, сообщили, что тем нечего было сказать что-то дополнительно к своим прежним показаниям. Тогда Вяземский предложил допросить Пугачева. Генерал П. С. Потемкин отправился за самозванцем и через пятнадцать минут привел с собой Пугачева, который выглядел сильно измученным⁵⁴⁸. Войдя в зал, Пугачев пал на колени и стал каяться в своих прегрешениях, говоря, что он не может ничего добавить к сказанному ранее: «Каюсь богу, всемилостивейшей государыне и всему роду христианскому». Это было записано в журнале, и несчастный мужицкий царь был уведен обратно в камеру. Затем князь Вяземский прочитал извлечения из соответствующих законов, включая библейские цитаты и рапорт о преступлениях бунтовщиков, подготовленный генералом Потемкиным⁵⁴⁹.

Теперь предстояло определить наказание. К удовлетворению Вяземского, судьи согласились, что Пугачева следует четвертовать. Но когда перешли к обсуждению Перфильева и осудили его к тому же, несколько судей внезапно запротестовали. Многие, говорили они, полагают, что казнь Белобородова тремя месяцами ранее была слишком мягкой. «Потому хотели Пугачева живого колесовать, — писал Вяземский Екатерине, — дабы тем отличить его от протчих». Могло произойти то, чего он так боялся. Однако генерал-прокурору удалось убедить суд оставить приговор Пугачеву без изменений, пообещав, что части его тела будут выставлены на показ в разных частях города и затем сожжены. Хотя судьи хотели, чтобы Чика, как и Перфильев, был четвертован, они согласились казнить его в Уфе. Казаки Шигаев, Падуров и Торнов приговаривались к повешению в Москве. Судьи хотели повесить еще несколько бунтовщиков, но «по немалом объяснении» согласились ограничиться для них телесными наказаниями.

---

⁵⁴⁸ Опасаясь, что Пугачев может не вынести допросов, князь Вяземский в начале декабря предупредил Волконского, что «весьма неприятно бы было ее величеству естли бы кто из важных преступников, а паче злодей Пугачев, от какого изнурения умер и избегнул тем заслуженного по злым своим делам наказания» (Вяземский — Волконскому, 12 декабря 1774 г. // Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 108).

⁵⁴⁹ Журнал судебного заседания Сената по делу Е. И. Пугачева и его соратников. 31 декабря 1774 г.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 143—145.

ми. Заседание завершилось около тринадцати часов. Вяземский пообещал Екатерине исполнить ее пожелания⁵⁵⁰.

Сделать это было непросто. Зрелище заживо четвертованного человека вряд ли «человеколюбивейшему вашему величеству сердцу принести может соболезнование о человечестве», — отмечал Вяземский. Послав приговор на подпись Екатерине, он начал готовиться к его исполнению. К 7 января 1775 г., после консультаций с генерал-губернатором Волконским, сенатором Волковым и полицмейстером Архаровым, генерал-прокурор решил эту проблему. В приговоре, писал он 6 января Екатерине, о четвертовании не было сказано четко, поэтому он приказал Архарову сначала отрубить самозванцу голову и только потом конечности. Если кто-то будет спрашивать, почему так получилось, Архаров должен был отвечать, что в приговоре об этом прямо не говорилось, прецедентов не было и поэтому такая ошибка вполне простительна⁵⁵¹. Хотя это вряд ли означало триумф гуманных соображений Екатерины, оно было лучшим из того, что мог придумать тогда Вяземский⁵⁵².

9 января Вяземский послал сенатора Волкова сообщить императрице, что его миссия завершена. Тем же утром он встретился с несколькими членами судебного заседания, чтобы договориться о последних деталях. Они одобрили все и приняли решение свершить казнь на следующей день в 11 часов дня на так называемом «Болоте» — площади на берегу Москвы-реки около Кремля. Пугачев был так слаб, что они боялись, что он не переживет, если услышит свой приговор. В тот же день осужденные покаяться перед священниками, за исключением отказавшегося это делать Перфильева⁵⁵³.

---

⁵⁵⁰ Вяземский — Екатерине, 31 декабря 1774 г. (Восстание Емельяна Пугачева: сборник документов / под ред. М. Н. Мартынова. Л., 1935. С. 199); Вяземский — Екатерине, 1 января 1775 г.: РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 718–720.

⁵⁵¹ Вяземский — Екатерине (2 января 1775 г.), Волконский — Екатерине, 7 января 1775 г.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 146. Возможно, Екатерина сама пришла к такому решению. 6 декабря 1774 г. она приказала выдать обер-полицмейстеру Архарову 5000 руб. «за его усердную службу» (Осьмнадцатый век. Т. I. С. 138).

⁵⁵² Чулошников А. Казнь Пугачева и его сообщников 10 янв. 1775 г. // Русское прошлое. 1923. № 3. С. 144–149. В письме 6 марта 1775 г. госпоже Бельке Екатерина тайно призналась, что принимала участие в подготовке казни Пугачева: РИО. Т. XXVII. С. 32.

⁵⁵³ Вяземский — Екатерине (9 января 1775 г.), протоирей Петр Алексеев — епископу Ковтицкому, 10 января 1775 г.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 147. 9 января 1775 г. Вяземский сообщал Екатерине о последнем заседании суда по делу Пугачева: «В

В субботу утром, 10 января 1775 г., на Болотной площади собралась огромная толпа. Мужчины, женщины и дети всех возрастов и сословий, несмотря на жестокий мороз, пришли посмотреть на казнь Пугачева. Дворянин Андрей Болотов, отмечая, что Пугачев наиболее против них восставал, назвал это зрелище «истинным торжеством дворян над сим общим их врагом и злодеем». Руководил казнью обер-полицейстер Архаров.

Огромный высокий эшафот окружали три виселицы для преступников меньшего ранга. Часов в одиннадцать длинная процессия конного конвоя доставила осужденного на казнь. Его медленно привезли к эшафоту на специально сделанных больших санях. Пугачева и Перфильева ввели на эшафот, окруженный солдатами с примкнутыми штыками. Трех осужденных, приговоренных к повешению, подвели к виселицам и надели им на шею петли⁵⁵⁴.

До зачитывания приговора обер-полицейстер Архаров громко спросил у самозванца: «Ты ли донской казак Емелька Пугачев?» — Он столь же громко отвечал: «Так, государь, я донской казак, Зимовейской станицы, Емелька Пугачев». Потом он, глядя на собор, часто крестился. По прочтении приговора духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота. Пугачев кланялся во все стороны, просил у людей прощения⁵⁵⁵. Андрей Болотов вспоминал:

Со всем тем произошло при казни его нечто странное и неожиданное, и вместо того, чтоб, в силу сентенции, наперед его четвертовать и отрубить ему руки и ноги, палач вдруг отрубил ему прежде всего голову, и Богу уже известно, каким образом это сделалось: не то палач был к тому от злодеев подкуплен, чтоб он не дал ему долго мучиться, не то произошло от действительной ошибки и смятения палача, никогда еще в жизнь свою смертной казни не производившего; но как бы то ни было, но мы услышали только, что стоявший там подле самого его какой-то чиновник вдруг на палача с сердцем закричал:

— Ах, сукин сын! Что ты это сделал? — И потом: — Ну, скорее — руки и ноги.

В самый тот момент пошла стукотня и на прочих плахах, и вмиг после того очутилась голова г. Пугачева, взоткнутая на железную спицу на верху столба, а отрубленные его члены и кровавый труп, лежащий на колесе. А в

сентенции, для большей ясности разсудили прибавить в объяснение дворянского успокоения и утешения малодушных речи, на каких надлежало б дворянству и крестьянству вновь доказать, что ея императорское величество твердо намерено дворян при их благоприобретенных правах и преимуществах сохранять нерушимо, а крестьян в их повиновении и должности содержать, но все сие по местам и где нужда того требовала уже достаточно исполнено» (Там же).

⁵⁵⁴ Болотов А. Указ. соч. Т. III. С. 188—191.

⁵⁵⁵ Дмитриев И. И. Указ. соч. С. 29—30.

самую ту ж минуту столкнуты были с лестниц и все висельники, так что мы, оглянувшись, увидели их всех висящими и лестницы отнятые прочь. Превеликий гул от аханья и многого восклицания раздался тогда по всему несчетному множеству народа, смотревшего на сие редкое и необыкновенное зрелище.

Сим образом совершилась сия казнь и кончилось сие кровавое и странное позорище⁵⁵⁶.

Помимо казненных сейчас (Перфильев был обезглавлен вместе с Пугачевым) и Чики, отправленного на казнь в Уфу, восемь других пугачевцев были биты кнутом, заклеяены, им вырвали ноздри и сослали на каторгу. Десять яицких казаков были также биты кнутом с вырыванием затем ноздрей и сосланы в отдаленные места; еще троих наказали кнутом и одного розгами; Швановича — гренадера, написавшего по-немецки письмо Пугачева, лишили дворянства, сломали над ним шпагу и сослали в Сибирь. Обе жены Пугачева и три его ребенка были навечно сосланы в отдаленные крепости. Одиннадцать других повстанцев, в том числе несколько раскольников, подозревавшихся в контактах с бунтовщиками, были освобождены от наказания. Наконец, девятерых казаков, выдавших Пугачева властям, простили, но без права проживания на Яике; их поселили в Прибалтике и на Севере⁵⁵⁷. Такова была судьба главных подстрекателей и главных героев этого восстания.

Оно коснулось намного большего числа людей, чем Пугачев и несколько его близких соратников. Как и во всякой войне, в этом мятеже участвовало нескольких тысяч человек. Из-за большой площади пространства, отдельных волнений далеко от него, значительном числе правительственных учреждений, занимавшихся его подавлением, общее число людей, в той или иной мере участвовавших в беспорядках, определить практически невозможно. Имеющиеся данные позволяют оценить лишь масштаб этого явления. Согласно трем недатированным таблицам, которые, очевидно, были подготовлены для генерал-прокурора Вяземского двумя Секретными комиссиями и Тайной экспедицией, Казанская секретная комиссия расследовала дела 9162, Оренбургская секретная комиссия — 2442, а сама Тайная экспедиция — 832 плен-

---

⁵⁵⁶ Болотов А. Указ. соч. Т. III. С. 192–193. «Анниул Реджиста» так комментировал эту казнь: «По странной ошибке палачи отрубили голову, потом руки, ноги, которые показали зрителям прежде головы. Один из них, который, думаю, был из судей, живо и громко осуждал палача за эту ошибку. Предполагают, что он за это может быть наказан кнутом» (Annual Register. 5th ed. 1774. P. 155).

⁵⁵⁷ Сентенция от 10 января 1775 г.: Пушкин А. С. Указ. соч. С. 188–194.

ных повстанцев⁵⁵⁸. Даже если последняя цифра включает многих пленников, прибывших из указанных комиссий, и, следовательно, учитывает их дважды, этими показателями количество участников не исчерпывается. Оренбургская комиссия, например, 25 июля 1774 г. сообщала генералу Потемкину, что у нее содержится 2584 пленных, из которых 546 позднее умерли, а еще 999 человек, принадлежащих ей, размещены в других местах⁵⁵⁹.

В то время как Секретные комиссии руководили подавлением и расследованием восстания в целом, местные и провинциальные власти часто также играли большую роль в этом. В начале августа 1774 г. Оренбургская секретная комиссия освободила из-под стражи 259 человек в Самаре⁵⁶⁰. Аналогичные партии заключенных имелись во многих других городах и местностях, поэтому общее число лиц, привлеченных к уголовной ответственности, вероятно, превысило 20000 человек⁵⁶¹. Сюда не включены жертвы карательных экспедиций генерала Панина, который с 3 августа до 10 октября 1774 г. разбил 63 отряда повстанцев, убив 10000 и взяв в плен 9000 человек. Военные потери правительственных сил были намного меньше: приблизительно 600 убитых и 1000 раненых. По неполным данным, восставшие убили 1572 дворянина, их жен и детей, 237 священников и 1037 офицеров, чиновников и др. — в общей сложности, 2846 человек⁵⁶². Таким образом, в ходе восстания погибло приблизительно 22000 человек — в основном, повстанцев — и было ранено столько же⁵⁶³. В связи со столь массовым участием людей в волнениях правительству пришлось вскоре задумать-ся о характере и значении этого события.

Репрессивная политика властей на разных этапах восстания была различной и после его окончания обрела новые формы. Она дифференцировано подходила и по отношению к отдельным группам населения. В январе-апреле 1774 г. правительство использовало массовый террор. В условиях военных побед повстанцев, быстрого распростра-

---

⁵⁵⁸ Пугачевщина. Т. III. С. 466—468.

⁵⁵⁹ Оренбургская секретная комиссия — П. С. Потемкину, 25 июля 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 508, ч. 3. Л. 613.

⁵⁶⁰ Оренбургская секретная комиссия — П. С. Потемкину, 12 августа 1774 г.: Там же. Д. 508, ч. 1. Л. 137 об.

⁵⁶¹ Свыше 20000 оценивает их Н. Б. Голикова (Очерки политического сыска. С. 277).

⁵⁶² Реестр потерь повстанцев и жертв восстания: Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева. С. 132—142.

⁵⁶³ Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 55—58, 340.

нения восстания, нерешительности и предательства местных властей и гарнизонов генерал Бибиков требовал самых жестоких мер для восстановления порядка. Поражения Пугачева под Оренбургом, Уфой, Екатеринбургом и Челябинском позволили ослабить репрессии. Правительство перешло от расправ над восставшим населением к его умиротворению. Суровые наказания продолжались, но большинство пленных повстанцев после краткого пребывания под стражей было освобождено. Власти разъясняли бывшим бунтовщикам, что Пугачев — самозванец, обещали казнить их, если они опять учинят беспорядки, заставляли их приносить новую присягу и отпускали их домой со специальными документами, исключавшими их преследование в пути. Из 11604 заключенных, указанных в таблицах Казанской и Оренбургской секретных комиссий, 10319 (свыше 88%) были выпущены из тюрем без применения телесных наказаний⁵⁶⁴.

Политика выборочных репрессий просуществовала до августа 1774 г., когда восстание перекинулось в Поволжье. Затем она была приостановлена на период проведения генералом Паниным кровавого террора. Императрица закрывала глаза на его действия, но как только Пугачев был пойман, она сразу же остановила резню и принялась смывать ее следы. Добровольно сдавшихся бунтовщиков прощали и целыми группами освобождали. Преследованиям и наказаниям были подвергнуты лишь крупные повстанцы, а также офицеры, солдаты и духовенство, перешедшие на сторону Пугачева. Поскольку властям стало ясно, что большинство бывших бунтовщиков не представляют теперь опасности, репрессии были ослаблены, а после поимки Пугачева практически прекращены. Кроме того, торжественное празднование заключения мирного договора с турками и посещение Екатериной Москвы позволило отвлечь внимание общественности от этих неприятных событий.

Поэтому 17 марта 1775 г. Екатерина официально объявила амнистию всем, кто участвовал «во внутреннем бунте, возмущении, беспокорности и неустройстве 1773 и 1774 годов». Люди оказались вовлечены в волнения, рассуждала императрица, «по большей части от ослепления, глупости, невежества или суеверия» и после объявления всем им прощения она приказала предать «все прошедшее вечному забвению и глубокому молчанию»⁵⁶⁵.

Теперь рассмотрим на конкретных примерах особенности карательной политики властей в целом и ее специфические формы в от-

---

⁵⁶⁴ Пугачевщина. Т. III. С. 466–467.

⁵⁶⁵ ПСЭРИ. Т. XX. № 14275.

ношении отдельных групп населения. В Тобольске, столице Западной Сибири, губернатору Д. И. Чичерину потребовалось больше года, чтобы избавиться от 151 пленных повстанцев. Поскольку дороги в Казань с декабря 1773 по март 1774 г. были перекрыты, он получил от Бибикова разрешение наказать этих людей на месте. Но когда в апреле 1774 г. Чичерин представил проекты приговоров по 117 случаям в Казанскую комиссию, этого генерала уже не было в живых, а губернаторы фон Брандт и Рейнсдорп отказались утверждать их, ссылаясь на отсутствие у них полномочий вне их губерний. Не отваживаясь самостоятельно принять решение, Чичерин в июле послал эти документы, число которых возросло до 147, в Сенат. Через четыре месяца он дополнил их еще четырьмя. Хотя Казанская комиссия к 16 июля приняла решение по 81 его делу, Чичерину об этом не сообщили⁵⁶⁶.

28 декабря Екатерина заметила генерал-прокурору Вяземскому, что, несмотря на большое число участников бунта, их преступления не являются столь тяжкими, и совершались, в основном, от легковерия и невежества, ради мнимых выгод, и после завершения возмущения их надо помиловать. 21 марта 1775 г., через четыре дня после объявленной Екатериной всеобщей амнистии содержавшимся в Тобольске пугачевцам был, наконец, вынесен приговор⁵⁶⁷.

Кажется, эти бюрократические проволочки были на руку пленникам. Если бы они были наказаны раньше, то все попали бы на виселицу или под кнут. Теперь же большинство их отделалось ссылкой или вообще помилованием. До этого не дожили одиннадцать человек, шестнадцать были сосланы на каторгу, двадцать девять были выслааны в отдаленные места, шестьдесят пять были освобождены, а остальные взяты в армию⁵⁶⁸.

В Тобольске под стражей содержался двадцать один священник. Все они, за исключением двух, которых освободили, были сурово наказаны. Одним из самых известных среди них был священник Лаврентий Антонов, перешедший на сторону повстанцев и даже ставший у них командиром отряда. Он был сослан на каторгу в Нерчинск и провел там двадцать семь лет, пока не был помилован в

---

⁵⁶⁶ Филиппов А. Н. Пугачевское движение в Сибири. С. 68–71, 76.

⁵⁶⁷ Там же. С. 76–77.

⁵⁶⁸ Там же. С. 73, 75, 88–89.

1802 г. Александром I⁵⁶⁹. На его примере губернатор Чичерин сделал вывод, что духовенство играло важную роль в восстании⁵⁷⁰.

Судьба несчастного архимандрита Саранского Петровского монастыря Александра показывает, сколь сурово правительство преследовало духовенство за сотрудничество с бунтовщиками. Это было вызвано двумя причинами: во-первых, правительство рассматривало православное духовенство как часть властного механизма и поэтому полагало их измену совершенно недопустимой; во-вторых, оно считало, возможно, несколько преувеличенно, что священники, пусть и косвенно, воодушевляли бунтовщиков. Поэтому правительство относилось к духовенству в восставших регионах с большим недоверием. Казанская и Оренбургская комиссии, например, расследовали деятельность по крайней мере семидесяти трех представителей духовенства (священников, дьяконов, писарей и дьячков). Из них были наказаны сорок пять (60%), что в пропорциональном отношении превышало долю осужденных во всех остальных социальных группах. По крайней мере тридцать восемь дел на священников попали в Тайную экспедицию, которая вынесла обвинительный приговор двадцати одному человеку (55%)⁵⁷¹. Таким образом, правительство сурово наказало эту категорию населения за «измену». Для духовенства это было вдвойне неприятно, поскольку, как отмечалось выше, приблизительно 237 священнослужителей и их жен были убиты восставшими.

Покинутый своими властями, беззащитный Саранск без сопротивления сдался Пугачеву, встреченному испуганными горожанами во главе с архимандритом Александром. Это обстоятельство, как отмечалось выше, вызвало ярость у генерала Панина и резкую реакцию Священного Синода. Архимандрита Александра сделали козлом отпущения. 23 августа 1774 г. он предстал перед Казанской секретной комиссией и заявил, что подчинился Пугачеву под страхом смерти. Но П.С. Потемкин не стал жалеть старика. Он считал, что архимандрит должен был защищать Екатерину и как монах не бояться смер-

---

⁵⁶⁹ Там же. С. 83–84.

⁵⁷⁰ Цит. по: Орлов П. Пугачевщина в Сибири // Сибирские огни. 1925. № 6. С. 140.

⁵⁷¹ Пугачевщина. Т. III. С. 467. В районе Пензы и на Тамбовщине было выявлено 129 священнослужителей, участвовавших в бунте. Подозрения властей к духовенству зашли столь далеко, что привели к аресту Тобольского и Казанского архиепископов на основании показаний пленных пугачевцев. Однако вскоре обоих их оправдали, а Казанского архиепископа возвели в митрополиты (Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. II. С. 541; Екатерина — в Святейший Синод, 26 января 1775 г.: РИО. Т. XXVII. С. 28–29).

ти. Занимая высокую церковную должность, он мог поднять людей на самозванца, но не сделал этого и поэтому его преступления являются особо тяжкими. Потемкин считал, что архимандрит заслуживает смертной казни; однако ввиду милосердия Екатерины и его преклонного возраста (67 лет), он был указом Синода от 20 августа публично лишен сана и передан гражданскому суду. 13 октября в Казани престарелый Александр был острижен, облачен в простую одежду и сослан на каторгу⁵⁷².

Если не принимать во внимание принадлежность Александра к духовенству, то причина столь сурового отношения к нему обусловлена тогдашними обстоятельствами. Он попал в плен, когда в Поволжье полыхала крестьянская война, а правительство Екатерины было всецело занято ее подавлением и не знало, насколько духовенство замешано в бунте. Только через два месяца Екатерина стала готовить амнистию, но Александр попасть под нее не успел.

Однако иногда все было наоборот. Например, отставной подпорщик Богдан Буткевич, обвиненный в сотрудничестве с бунтовщиками в Заинске, предстал перед Казанской комиссией в январе 1774 г. вместе с поручиком Ильей Щепачевым и другими пугачевцами. Намереваясь искоренить измену, Секретная комиссия приговорила Буткевича к повешению. Екатерина одобрила приговор, поручив его исполнение генералу Бибикову, который, кажется, отклонил его. Так или иначе, Буткевич просидел в казанской тюрьме до 12 июля, пока не был освобожден взявшими город пугачевцами. Он отправился с ними в их лагерь под Казанью, а после разбития Пугачева сдался властям. Поскольку нужда в суровых наказаниях теперь отпала, комиссия, учитывая долгое пребывание Буткевича в тюрьме, его преклонный возраст и искреннее раскаяние, отпустила его домой с обычным требованием больше не участвовать в таких делах и молиться за здоровье императрицы⁵⁷³.

Наконец, судьба сержанта Петра Флейта и приблизительно 350 солдат Саратовского гарнизона показывает, как правительство относилось к военным, примкнувшим к восстанию. На основе статей 97 и 103 Артикула воинского (бегство от неприятеля и отказ исполнять приказы), местный военный трибунал приговорил Флейта и еще 311 человек к повешению, 36 — к наказанию шпицрутенами (через тысячу солдат по шесть раз) и 6 — к штрафу. Когда в декабре

---

⁵⁷² РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 84. Л. 13–17, 24–26; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. III. С. 123, прим. 2; Пугачевщина. Т. III. С. 467.

⁵⁷³ РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 507, ч. IV. Л. 194 об–195, 658 об–663.

1774 г. генерал Панин сообщил об этом приговоре Екатерине, она переслала его Военной коллегии — к Потемкину⁵⁷⁴. Как обычно в таких случаях, Военная коллегия частично изменила наказание, но и теперь оно было достаточно суровым: 37 человек подлежали казни, 272 прогону каждого сквозь строй по двенадцать раз (что, вероятно, было равнозначно смертному приговору), 6 — штрафу, 1 — битью палками, 38 приговоров было пересмотрено. Казнь через повешение заменялась Флейту расстрелом.

Подавив восстание и казнив Пугачева, Екатерина решила стереть всякую память об этих событиях. В конце января 1775 г. она поручила генерал-прокурору Вяземскому пересмотреть этот приговор. Совместно с генерал-губернатором Волконским Вяземский изучил предложения по солдатам саратовского гарнизона, отметив, что они перешли на сторону бунтовщиков только после того, как соседний отряд разбежался и при попустительстве своих офицеров присоединился к повстанцам. Следовательно, вину за сдачу солдат несут их офицеры, и именно они должны быть наказаны. Судя по данным Тайной экспедиции, в Саратове почти никто не исполнял свой долг, а кое-кто открыто выражал сочувствие к бунтовщикам, тем самым подбивая волю других к сопротивлению. Учитывая это и полагая, что целью наказания должно быть предотвращение беспорядков — а их уже фактически не было — Вяземский пришел к выводу, что приговоры должны быть несколько смягчены, что и было сделано. Но сержант Флейт как главный изменник и подстрекатель, был приговорен к прогону двенадцать раз через строй из тысячи солдат и (если выживет) к отправке в отдаленный полк сроком на пять лет⁵⁷⁵.

Эти приговоры были вынесены до известия о всеобщей амнистии 17 марта 1775 г. Вскоре Екатерина поручила князю Вяземскому еще раз пересмотреть саратовские дела на основании этого указа. Сюда прибавилось три новых обстоятельства: подписание мира с турками, длительное нахождение обвиняемых в тюрьме и милость Екатерины. Окончательным приговором предусматривался прогон 18 человек трижды сквозь строй, для 24 — наказание розгами, а одного — кнутом; 313 человек были освобождены от наказания. Козлом отпущения в этом деле стал офицер Андрей Салманов. Тайная экспедиция в феврале 1775 г. приговорила его к лишению дворянства, публичной гражданской казни и вечной ссылке на каторгу в Таганрог.

---

⁵⁷⁴ Екатерина — П. И. Панину, ноябрь 1774 г.: РИО. Т. XXVII. С. 6.

⁵⁷⁵ Видимо, в это время наказание Флейту были снижено до трех лет (РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 454. Л. 350 об.).

А что же сержант Флейт? Лишенный чинов и прогнанный один раз сквозь строй солдат, он был на три года сослан в отдаленный полк, ибо, как было сказано в приговоре, перешел к Пугачеву не умышленно, а по неопытности. Все вынесенные приговоры, в том числе в отношении Салманова, были исполнены в Саратове 17 апреля 1775 г.⁵⁷⁶.

Помимо этого, Екатерина приняла меры по искоренению всякой памяти о восстании. 13 октября 1774 г. она одобрила просьбу донских казаков сжечь дом Пугачева и перенести на другое место его станицу⁵⁷⁷. 15 января 1775 г. она приняла предложение Потемкина о переименовании реки Яик, яицких казаков и их столицы Яицк соответственно в Урал, уральских казаков и Уральск⁵⁷⁸. Императрица помнила обо всех мелочах. В августе 1776 г. брат Пугачева Дементий, не участвовавший в восстании, был уволен из армии с разрешением поселиться на Дону, но с переименованием имени на Дементия Иванова⁵⁷⁹.

Во время восстания погибло много казенной и частной собственности. По данным Сената (сентябрь 1775 г.), ущерб от бунта составил свыше 5,6 млн. руб., из них убытки людей насчитывали чуть более 5 млн. руб.⁵⁸⁰ Заваленные жалобами об их возмещении или

---

⁵⁷⁶ Там же. Л. 1–60; РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 453. Л. 70 об, 79.

⁵⁷⁷ Екатерина — Г. А. Потемкину, 13 октября 1774 г.: РИО. Т. XXVII. С. 1.

⁵⁷⁸ ПСЗРИ. Т. XX. № 14235.

⁵⁷⁹ Джинчарадзе В. З. Указ. соч. С. 95.

⁵⁸⁰ Реестр Сената об убытках от бунта см.: РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 790. В 1779 г. Сенат подсчитал, что для преодоления последствий бунта потребовалось 1,16 млн. руб.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 517. Л. 39. Об экономическом кризисе, порожденном восстанием, свидетельствует динамика сбора подушной подати в Оренбургской губернии: в 1772 г. их было собрано 20055 руб., в 1773 г. — 11596 руб., а в 1774 г. — только 157 руб. (эта губерния была освобождена от уплаты подушной подати на два года для возмещения ущерба). Таможенные сборы также сократились. В 1772 г. Оренбург и Троицк вместе собрали 70287 руб., причем 60804 руб. дал Оренбург. В следующем году эта цифра снизилась до 55144 руб. для одного Оренбурга (данных по Троицку нет), и до 16111 руб. в 1774 г. Однако восстановление экономики шло быстро и в 1775 г. оба города собрали 59882 руб. В Оренбургской губернии было сожжено и разграблено 34 медеплавильных и железоделательных заводов, полностью разрушено 8 крепостей и 17 редутов, 21 крепость повреждена («Состояние Оренбургской губернии и принадлежащих к ней иноверческих и азиатских народов»: РНБ. Отдел рукописей. Собрание Эрмитажное. № 283. Л. 5–7, 14–15, 24–25. Издание см.: Пугачевщина. Т. II. С. 230–231).

возврате украденного, местные чиновники не могли решать эти вопросы. Поэтому, чтобы избежать бесконечных юридических тяжб, правительство указом от 17 марта 1775 г. отказалось компенсировать потери, вызванные бунтом. Как и само восстание, они были преданы «вечному забвению и глубокому молчанию».

Однако правительство все же оказало большую помощь жертвам восстания. С разрешения Екатерины генерал Панин выплатил почти 100000 руб. приблизительно 1238 семьям (главным образом, конечно, дворянам)⁵⁸¹. Императрица лично даровала крупную сумму — порядка 250000 руб. — на восстановление Казани⁵⁸². Наконец, в марте 1775 г. Императорский совет одобрил предложение генерала Панина предоставить дворянам и купцам, чья собственность пострадала во время восстания, специальные ссуды. Это было сделано через Дворянский банк, которому было выделено для этих целей 1,5 млн. руб. ассигнациями. Были открыты его филиалы в Оренбурге, Казани и Нижнем Новгороде, предлагавшие рассчитанные на десять лет ссуды владельцам недвижимости под 1% годовых в первые три года и 3% — в остальной период (обычно Дворянский банк выдавал кредиты под 6% годовых). Было решено выдавать за крепостного по 40 руб., а за завод — не более его двухгодичного дохода. Ссуды были выданы 248 просителям, примерно по 1000–2000 руб. каждому, но ведущие уральские заводчики Твердышев и Демидов получили, соответственно, по 180000 и 30000 руб.⁵⁸³ Таким образом, правительство восстанавливало разрушенное восстанием.

К середине марта 1775 г. Екатерина могла уже покончить с восстанием раз и навсегда, чему способствовала ратификация мирного договора с турками. 12 марта Потемкин представил Императорскому совету проект манифеста Екатерины. Члены совета одобрили большинство его положений, но отказались прекращать поиски помещичьих крепостных; поэтому последние не упоминались в указе о прощении всех беглых, вернувшихся до конца 1776 г. Члены совета также предложили освободить дворян от постоя войск, отменить таможенные пошлины за продажу дворянами недвижимости и освободить крестьян на шесть лет (годы войны с турками) от подушной подати. Но ни одно

---

⁵⁸¹ Реестр денежных сумм, выданных генералом П. И. Паниным пострадавшим от бунта см.: РИО. Т. VI. С. 217–218.

⁵⁸² П. С. Мецкерский — П. И. Панину, февраля 1775 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 490, ч. 2. Л. 312. Описание иностранным путешественником Казани в феврале 1776 г. см.: *Eine Reise durch Sibirien im achtzehnten Jahrhundert* / ed. W. Kirchner. Munich, 1955. S. 59 ff.

⁵⁸³ П. И. Панин — Екатерине, март 1775 г.: РИО. Т. VI. С. 208–211; АГС. Т. I, ч. 2. Стб. 534; Боровой С. Я. Указ. соч. С. 59.

из этих предложений, отражавших, главным образом, интересы дворянства, не было принято. Потемкин предложил заменить фактически пожизненный срок службы в армии меньшим, «дабы всяк, зная о том, что по исходе оного восвоися возвратиться может, более ее не страшился». Совет согласился с этим и предложил сделать его восемнадцатилетним, но рассмотреть это позже (однако все осталось как раньше; срок службы в двадцать пять лет — фактически, пожизненно — сохранился до военных реформ 1860-х гг.). Через два дня совет продолжил работу, чтобы услышать, что Екатерина согласилась не прощать помещичьих крестьян за побеги, а беглым солдатам предоставила один год (бежавшим за границу — два года), чтобы вернуться в свои части. После этого царский манифест был одобрен советом⁵⁸⁴.

17 марта 1775 г., на торжественном заседании Сената в Москве, императрица огласила свой манифест о сорока семи «милостях по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою». Она объявила, что взойдя на престол «руководством Божиим», все ее усилия были направлены на процветание страны и каждого ее жителя. Ее царствование, утверждала она, всегда увенчиваемого было успехами, в том числе вожделенным миром, который дал стране не только покой, но и «славу, преславными победами приобретенную», а также «выгоды, каковыми Россия едва ли когда пользовалась, и уважение, каковое у всех стран света заслужила справедливость оружия и мужество воинства нашего». В благодарность народу за это Екатерина решила даровать его милостями и выгодами за трудности, которые он претерпел в годы войны, что является свидетельством ее «матерней к верноподданым любви», ибо «мы блаженство свое и увеселение поставляем единственно в доставлении подданным нашим мирного и всяким удовольствием снабденного жительствова»⁵⁸⁵.

Манифест от 17 марта 1775 г. представлял собой перечень различных решений. Он отменял приблизительно 32 мелких и крайне тяжелых налогов и пошлин, которые были или вызваны войной, или установлены местными властями⁵⁸⁶. Дворяне, служащие в нижних

---

⁵⁸⁴ АГС. Т. I, ч. 2. Стб. 749—752.

⁵⁸⁵ ПСЗРИ. Т. XX. № 14275.

⁵⁸⁶ Эти охватывали широкий спектр налогов — от военных сборов с Эстляндии и Лифляндии до пошлин на бани, мельницы и рыбную ловлю. По подсчетам Сената, в результате этого казна ежегодно теряла 807682 руб.: РИО. Т. XXVIII. С. 217—218. В письме к госпоже Бьельке 12 апреля 1775 г. Екатерина сообщила, что уничтожила налогов на 2 млн. руб., «и это после шести лет войны, про которую наши завистники везде разглашали, что она разорительна для Российской империи! Что же скажут они теперь?» (РИО. Т. XXVII. С. 35—37).

чинах, подлежали тем же наказаниям, что и обер-офицеры; все низшие чины освобождались от телесных наказаний без суда; всех дезертиров прощали, если они вернутся через год (из-за границы — через два). Преследование участников восстания и дела по убыткам из-за бунта прекращались и устанавливались нормы для наказаний: осужденные на смертную казнь посылались на каторгу; приговоренные к телесным наказаниям отправлялись на поселение. Все уголовные дела, нераскрытые в течение десяти лет, прекращались, а все арестованные по ним освобождались. Освобождению из тюрем подлежали также все должники, заключенные под стражу на срок свыше пяти лет, предавались забвению все преступления, не получившие огласки за десять лет, и наследники освобождались от уплаты задолженности, оставшейся от покойных родителей. Манифест также прощал беглых государственных, дворцовых и экономических (но не помещичьих) крестьян, если они вернутся до конца 1776 г. Наконец, манифест разрешал крепостным, получившим свободу, стать мещанами или купцами, и определял различия между этими категориями населения: все, чье состояние было меньше 500 руб., стали именоваться мещанами; лица с капиталом в 500 и более руб. считались теперь купцами и делились на три гильдии. Купцы освобождались от уплаты подушной подати, но должны были ежегодно платить 1% от своего состояния⁵⁸⁷.

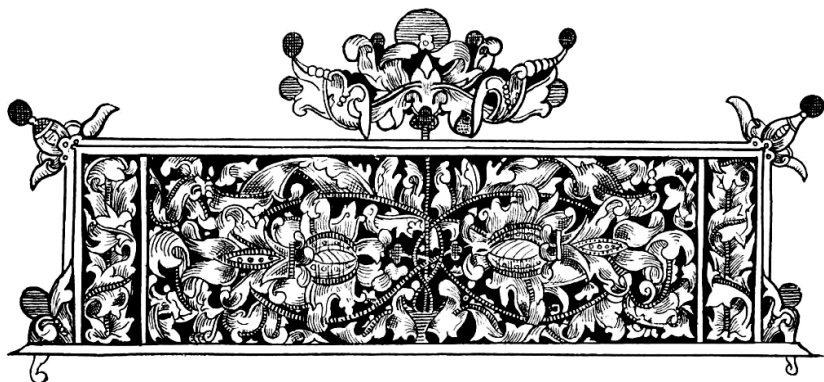
Дополнительно к этому манифесту через три недели был издан новый указ, которым было предписано предать земле тела казненных бунтовщиков, а места и орудия казней уничтожить. Действие указа 1754 г. о запрете смертной казни, приостановленное на время восстания, возобновлялось. Екатерина попросила Священный Синод снять анафему с тех бунтовщиков, которые искренне раскаялись в своих преступлениях. Наконец, указ определил Оренбургскую губернию в качестве места ссылки для всех приговоренных к смертной казни⁵⁸⁸. В день своего рождения, 21 апреля, Екатерина снизила цену на соль до 5 коп. за пуд (1 пуд = 36 фунтов) — примерно того же добывались и пугачевцы⁵⁸⁹.

---

⁵⁸⁷ ПСЗРИ. Т. XX. № 14275.

⁵⁸⁸ Там же. № 14294.

⁵⁸⁹ Санктпетербургские ведомости. 1775. № 35. 1 мая.

XI «ЗОЛОТОЙ ВЕК» ВНОВЬ НАСТУПИЛ

После того, как днем 12 января 1775 г. Екатерина лично получила от сенатора Волкова известие о казни Пугачева, она 16 января отправилась в Москву⁵⁹⁰. 18 января она прибыла в Новгород, где в честь ее был дан залп из 101 орудия; местные семинаристы приветствовали императрицу речами на греческом, латинском, французском, немецком и русском языках, местное дворянство приложило к ее руке, а она освободила из тюрьмы восемьдесят заключенных, осужденных за долги. Три дня спустя императорская свита прибыла в Тверь, где императрица освободила из заточения 41 должника и выделила горожанам 1000 руб. на ремонт их пострадавших от пожара домов. Затем в воскресный день 25 января вместе с цесаревичем Павлом и его супругой Екатерина под звон колоколов и орудийный салют, бой барабанов и музыку въехала в Москву. Потемкин командовал войсками, промаршировавшими по улицам города под восторженные возгласы толпы через триумфальные ворота в Успенский собор Кремля⁵⁹¹.

---

⁵⁹⁰ Камерфурьерский журнал 1775 года. СПб., 1878. С. 33, 37. «Считается, — докладывал Гуннинг, — что отъезд императрицы из Петербурга был отсрочен на несколько дней, чтобы узнать, как народ воспримет казнь Пугачева, что свидетельствует о страхе перед возможными волнениями в связи с этим» (Гуннинг — Суффолку, 17 января 1775 г.: British Museum. Egerton Manuscripts, 2706).

⁵⁹¹ Санктпетербургские ведомости. 1775. № 7. 23 янв.; № 8. 27 янв.; Приложение. № 13. 13 февр.; Камер-фурьерский журнал 1775 года. С. 66 и сл.

Екатерина не любила Москву и редко посещала ее. Она ненавидела ее за аристократическую лень, пропитанное праздной роскошью дворянство, ставшее женоподобным в своих богатых поместьях. Этот город представлялся ей оплотом фанатизма, ибо имел «чудотворные иконы на каждом шагу, церкви, попы, монастыри, богомольцы, нищие, воры». Она считала Москву грязной и опасной из-за большого числа ее фабрик и недовольных социальных элементов, благодаря которым во многом стал возможен «чумной бунт» 1771 г.⁵⁹²

Москвичи испытывали такое же отвращение к царице-немке. Несмотря на торжественную встречу Екатерины в Москве, посол Гуннинг, сопровождавший двор в этой поездке, заметил, что горожане не испытывали особого веселья от приезда императрицы. Насмехавшись над «притворной радостью Москвы, фальшивой торжественностью всех простых людей на улицах»⁵⁹³, британский посланник вспоминал о том, как еще недавно они сочувствовали Пугачеву. «Характер и расположение этого народа, — отмечал он, —

таковы, что коль скоро он не чувствует ежедневно всей силы власти, он забывает о самом существовании этой власти; к счастью для него и для его государыни, злодей, наделавший в последнее время столько беспорядка и опустошений, по недостатку самой простой сообразительности был неспособен составить какой бы то ни было план; ибо если бы он догадался или был бы кем-нибудь научен придти сюда и исполнил бы это, не подлежит сомнению, что к нему присоединилась бы вся чернь, и что природная робость большей части дворян помешала бы им принять против него меры, а при таких обстоятельствах бунт распространился бы по всей империи...»⁵⁹⁴

Чтобы впечатлить москвичей, Екатерина приказала по случаю ее приезда возвести в городе пару триумфальных ворот, которые «взгромощенные на скорую руку, хотя из лубков и рогож, но раскрашенные, раззолоченные и в приличных местах убранные соответственными предмету картинами, восхищали всех до безумия...»⁵⁹⁵. Цель этой демонстрации была ясна: пропагандировать победу Екатерины над внешними и внутренними врагами и напомнить ее подданным, какой у них правитель.

---

⁵⁹² Memoirs of Catherine. P. 364–365, 381.

⁵⁹³ Undated notation, British Museum. Egerton Manuscripts, 2703. Opposite p. 402.

⁵⁹⁴ Гуннинг — Суффольку, 26 января 1775 г.: РИО. Т. XIX. С. 448–449.

⁵⁹⁵ Винский Г. С. Мое время: записки Г. С. Винского / под ред. П. Е. Щеглова. СПб., 1914. С. 41.

Триумфальных ворот было двое: одни построило московское дворянство, другие — городские купцы. Как и следовало ожидать, художественное оформление последних подчеркивало блага мира и безопасности для торговли, екатерининскую мудрость и правосудие. Напротив, ворота, возведенные дворянами, акцентировали внимание на восстановлении всеобщего мира, поэтому большинство их украшений посвящались победе над Пугачевым. Например, над одной аркой стоял предвестник Всевышнего в виде фигуры женщины, держащей в одной руке молнию, а в другой — пальмовую ветвь и щит с именем Екатерины. Первой, объясняло официальное описание ворот, она побеждает злодеев и бунтовщиков, которые лежат побежденные в ее ногах. Щит и пальмовая ветвь означали всеобщее спокойствие и мир. Одна из многочисленных картин изображала гигантов, взбирающихся по горам в мир богов и поражаемых громом и молнией Юпитером, сидящим на Олимпе с двуглавым орлом. Официальный путеводитель пояснял, что эта картина символизирует победу над врагами отечества.

Аллегорические декорации символизировали тесный союз монарха и дворянства, что и было, в конечном итоге, основной целью посещения Екатериной Москвы. Следующая картина изображала юношу, одетого в тогу. Со щитом в одной руке и копьем в другой он указывал на портреты своих предков, составлявших пирамиду. На ее вершине восседал двуглавый орел с монограммой Екатерины под его короной. Эта картина, отмечал путеводитель, показывает нависшую над дворянством опасность, которая заботой свыше о государыне была отражена.

Другие картины рассказывали о вкладе Екатерины в спасение Москвы от эпидемии чумы и реформу суда. Одна картина, например, изображала богиню мудрости, которая определяет все согласно времени и случаю. Другая картина представляла беспристрастное и, в случае необходимости, суровое Правосудие. Все это должно было дать людям понять, что «Золотой век» вновь наступил⁵⁹⁶.

Но Екатерина поняла, что для возврата к «Золотому веку» необходимы реформы. Получив рапорты Оренбургской секретной комиссии и капитана Маврина, императрица задумалась о перестройке всей системы управления в стране. Недавнее восстание, несмотря на то, что само по себе было опасным, продемонстрировало к тому же массовую безалаберность чиновников и крайнюю неэффективность местных органов власти. «Слабое поведение в разных местах гражданских и военных начальников, — писала Екатерина генералу Пани-

---

⁵⁹⁶ Описание обоих вновь построенных триумфальных ворот и употребленных к украшению оных аллегорических картин. М., 1775. Passim.

ну, — я почитаю столько же общему благу вредно, как и сам с своею сволочью» и она одобрила его предложение наказать сбежавших чиновников и наградить тех, кто остался верным своему долгу⁵⁹⁷. Все были согласны с этим. Посетив Подмоскowie весной 1774 г., посол Гуннинг 5 августа сообщал:

...неудовольствие повсеместно и ежедневно усиливается до такой устрашающей степени, что опасения многих должностных лиц, хранивших до тех пор молчание в виду собственных интересов, побудили их обнаружить перед императрицей действительное положение дел, объявив при этом, что они не в силах далее управлять государством иначе, как если будут приняты какие-либо необычайные меры. Это дало ей более правильный взгляд на несвоевременность и непопулярность предыдущего ее образа действий⁵⁹⁸.

Итоги следствия по восстанию и допросы лидеров бунтовщиков убедили Екатерину, что за восставшими никто не стоял. Генералы Панин и Потемкин, а также капитан Маврин сообщили ей, что главную вину за распространение восстания несут местные власти. В первоначальном проекте манифеста от 19 декабря 1774 г. о суде над Пугачевым императрица открыто высказала эту мысль, но Императорский совет, опасаясь, что это дискредитирует всю систему управления в стране, вычеркнул этот фрагмент. В нем Екатерина критиковала бюрократический аппарат на местах: «Слабость, лень, нерадение о должностях своих, праздность, ссоры, несогласия, лихоимства, притеснения и неправосудие частных правителей», — указывала она, облегчили распространение восстания в некоторых местах, но в целом злодеи не имели успеха⁵⁹⁹.

Потребность в административной реформе ощущалась не только императрицей и военными, недавно подавившими восстание, но и двумя опытными администраторами — губернатором П. С. Мещерским и генерал-губернатором М. Н. Волконским. В ноябре 1774 г. Екатерина попросила князя Мещерского, ставшего преемником фон Брандта на посту казанского губернатора, подготовить предложения о реформировании системы управления на подвластной ему территории. Хотя речь в них шла о Казанской губернии, его рекомендации можно было применить и в других местах.

---

⁵⁹⁷ Екатерина — П. И. Панину, 16 сентября 1774 г.: РИО. Т. VI. С. 135—136.

⁵⁹⁸ Гуннинг — Суффольку, 5 августа 1774 г.: РИО. Т. XIX. С. 429.

⁵⁹⁹ Проект манифеста Екатерины против Пугачева, 19 декабря 1774 г.: РИО. Т. XXVII. С. 9—10.

Губернатор Мецкерский видел главную причину слабости власти в ее неспособности управлять огромной территорией губернии, которая протянулась на 800 миль в длину и не менее чем на 600 миль в ширину и состояла из шести провинций по обе стороны Волги. Так как этой обширной областью управляли из Казани, ее губернатор и его малочисленная канцелярия были завалены письмами с мест. Следствием этого стали крайняя неповоротливость, невероятная неэффективность и ошибки. Власти в Казани игнорировали большинство жителей, в массе своей инородцев, которые жили вдали от нее, управлялись своими людьми и поэтому почти не были связаны с империей. Это затрудняло работу губернской канцелярии, обремененной множеством других обязанностей, в том числе сбором налогов. Система местного управления здесь была таковой, что волнения могли вспыхнуть в любой момент и власти не могли этому помешать.

Выход из этой ситуации губернатор видел в разделении губернской канцелярии на три департамента. Первый должен был руководить полицией в деревнях, сбором подушной подати и набором рекрутов, второй — следить за винокурением и продажей соли, третий — заниматься уголовными и гражданскими делами. Чтобы приблизить власть к населению, Мецкерский предложил сделать центрами уездов города. В уездах, где городов не было, губернатор предложил создать канцелярии, а сами уезды поделить на четыре комиссариата. Комиссариаты будут возглавлять комиссар, избираемый местным дворянством или назначаемый правительством, который осуществляет все полицейские функции, объявляет населению правительственные указы, следит за исполнением законов и уплатой налогов, сопровождает войска, проходящие через его земли или направляющиеся к нему. Эти чиновники, заключал Мецкерский, будут следить за порядком в своих землях и сообщать властям о возможных беспорядках⁶⁰⁰.

20 ноября, отвечая на письмо Панина, к которому он приложил проект Мецкерского, Екатерина поблагодарила генерала за то, что победил «многоглавую гидру бунтующую»; она полагала, что для осуществления планов губернатора потребуется больше людей, чем он предлагал, но одобрила его суждение по увеличению числа канцелярий и уменьшению размеров уездов⁶⁰¹.

---

⁶⁰⁰ «Донесение Екатерине II кн. Платона Мецкерского о мероприятиях по Казанской губернии по случаю волнений от пугачевского мятежа», ноябрь 1774 г.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 501. Л. 1–2 об.

⁶⁰¹ Екатерина — П. И. Панину, 20 ноября 1774 г.: РИО. Т. VI. С. 182–183.

Возможно, еще более ценным для Екатерины был проект реформы, который она получила в феврале 1775 г. от московского генерал-губернатора князя М. Н. Волконского. Опыт трехлетнего руководства Москвой, во время которого Волконскому пришлось бороться с чумой и пугачевщиной, показал ему, что страна остро нуждается в административных реформах. Как и губернатор Мецкерский, Волконский считал, что при существующей системе власти губернаторы и воеводы перегружены делами. Крайняя централизация управления вынуждала людей обращаться по своим вопросам в Москву или Санкт-Петербург, где они копились и лежали годами, ожидая решения, сопровождалась бесконечной перепиской с местными властями. Короче говоря, вместо системы царил хаос.

Хотя Мецкерский и Волконский описывали машину местного управления с разных позиций, по существу они нарисовали одну и ту же картину ее изъянов. Предложения Волконского по ее реформированию во многом совпадали с идеями его казанского коллеги. Если говорить вкратце, то он предложил разделить страну на губернии с 300000—400000 душ мужского пола. От губернского города должно быть не более 100 миль вокруг. Губернаторов следует выбирать из армейских или отставных генералов, и дать им хорошее жалованье. Каждой губернией должны управлять четыре коллегии: первая делится на четыре департамента и занимается сыскными и полицейскими делами (1), дворцовыми, конюшенными экономическими делами, дворцами и всякого звания государственными крестьянами (2), крепостными делами,писанием крепостей, переписью дворянства и купечества (3), статистикой, рекрутами и чрезвычайными делами (4). Вторая коллегия отправляет вотчинные и судные дела. Третья — занимается всякими доходами и сборами. Четвертая — промышленностью и торговлей. В каждом городе для управления купцами и мещанами должен быть магистрат, подчиненный губернатору. Согласно Волконскому, губернатор не должен вмешиваться в дела коллегий (кроме первой) или судьи, кроме случаев, когда требуется сохранение порядка. Губернатор может обжаловать решения коллегий и магистрата в департаментах Сената. Для исполнения приказов губернатора и руководства земской полицией в городах должен иметься земский судья. В станах ему подчинялся бы избираемый дворянами комиссар, выносящий решения по мелким делам.

В чем-то проект Волконского был близок плану Мецкерского. Оба они хотели усовершенствовать и укрепить губернское управление, создать эффективные органы власти, которые бы избирались дворянами. Но Волконский пошел еще дальше. Он предложил упразднить ряд центральных коллегий и передать их функции губерни-

ям. Остаться должны были только Военная коллегия, Адмиралтейств-коллегия и Коллегия иностранных дел. Сенат следовало дополнить новыми департаментами, в частности, департаментом государственных доходов и двумя счетными экспедициями. Для поддержания порядка каждой губернии полагались батальон пехоты и два гусарских эскадрона⁶⁰². Проекты Мещерского и Волконского были изучены императрицей.

Документы, представленные императрице Мещерским и Волконским, несли в себе следы бурных событий недавнего прошлого и во многом были этим обусловлены. Екатерина рассмотрела оба этих проекта и широко использовала их при подготовке своей губернской реформы⁶⁰³. Тем не менее, было бы грубым упрощением видеть в губернской реформе 1775 г. лишь реакцию правительства на восстание Пугачева и столь же неверно отрицать влияние пугачевщины на нее. Губернская реформа 1775 г. была вызвана различными причинами и имела долгую предысторию.

С одной стороны, победа над Османской империей, частичное решение польского вопроса и подавление восстания Пугачева настолько усилили власть Екатерины, что теперь она могла заняться реформами. С другой стороны, причина их была вызвана не только соображениями внутренней безопасности. С начала XVIII в. в России наблюдался значительный прирост населения — от почти 15,6 млн. человек в 1719 г. до примерно 28,4 млн. в 1782 г. — в совокупности с территориальными приобретениями и внутренней миграцией населения это требовало радикальных изменений губернских институтов⁶⁰⁴. Наконец, эволюция, которую проделало русское дворянство после Петра, ставшее теперь свободным от обязательной государственной службы корпоративным сообществом, заставила благородных граждан пересмотреть их отношение к самодержавию⁶⁰⁵. В то время как органы власти России практи-

---

⁶⁰² Проект кн. М. Н. Волконского о лучшем учреждении судебных мест, поданный императрице Екатерине II в 1775 г. // РИО. Т. V. С. 122—127.

⁶⁰³ В письме, написанном, вероятно, весной 1775 г., Екатерина поблагодарила князя Волконского за его предложения и отметила, что у нее имеются сходные соображения на этот счет. Она подчеркнула, что новое устройство власти в губерниях напоминает то, которое существует в Прибалтике, «кои, имев оного четьреста лет, почитают себя весьма счастливы» (Осьмнадцатый век. Т. I. С. 160—161).

⁶⁰⁴ Кабузан В. М. Указ. соч. С. 164—165. Табл. 18.

⁶⁰⁵ О дворянской идеологии в послепетровское время см.: Alexeiev N. N. Beiträge zur Geschichte des russischen Absolutismus im 18. Jahrhundert // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1958. Bd. VI. S. 41 ff.

чески не менялись уже полвека, русское общество — особенно его верхушка — трансформировалось очень сильно.

Так или иначе, институты, созданные в 1727—1728 гг., с самого начала были неэффективными. Поэтому попытки их преобразований делались задолго до появления на исторической сцене Пугачева. До 1774 г. известно, по крайней мере, тринадцать проектов реформирования губернских администраций. Сенат предлагал четыре варианта изменений, множество проектов было предложено Уложенной комиссией 1767—1768 гг. и самими губернаторами. Необходимость этой реформы признавалась всеми, и пугачевское восстание лишь ускорило ее проведение⁶⁰⁶.

Попытки реформировать местное управление делались еще при Елизавете Петровне (правила в 1741—1761 гг.). В 1754 г. П. И. Шувалов представил в Сенат предложение о включении в состав местных органов власти избранных дворянами чиновников. Созданная в том же году комиссия по пересмотру законов разработала еще более грандиозные проекты⁶⁰⁷. Хотя ни один из них не получил поддержки императрицы, многие идеи, высказанные тогда, были реализованы в первые годы правления Екатерины. Так, в 1763 г., когда императрица поручила сенатору Я. П. Шаховскому изучить возможность реформирования гражданских и военных штатов, он далеко вышел за рамки этого задания и предложил проект радикальной губернской реформы. Поддержанный Сенатом, но отклоненный Екатериной, тогда конфликтовавшей с этим органом, этот план предлагал значительную децентрализацию управления и избрание дворян в местные органы власти. Ряд его пунктов позднее был реализован в 1775 г.; это касалось увеличения численности губерний и ограничения их размеров, введения института генерал-губернаторов для управления

---

⁶⁰⁶ Новейший и глубокий советский знаток этого вопроса приходит к выводу, что необходимость этой реформы признавалась всеми, и она рано или поздно бы началась, а события 1773—1775 гг. лишь ускорили ее (Павлова-Сильванская М. П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России. С. 462).

⁶⁰⁷ Шмидт С. О. Проект П. И. Шувалова 1754 г. «О разных государственных пользы способах» // Исторический архив. 1962. № 6. С. 100—118. См. также: Рубинштейн Н. Л. Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и ее проект нового уложения «О состоянии подданных вообще» // Исторические записки. 1951. Т. XXXVIII. С. 208—251.

несколькими губерниями и избранных дворянством комиссаров для осуществления функций местной полиции⁶⁰⁸.

План Шаховского не был осуществлен, но его идеи отражали настроения в обществе и вновь возникли в проекте, предложенном Сенатом в 1773 г. Им предусматривалось увеличение числа органов управления и их штатов, создание института местных комиссаров, но они назначаемых, а не избираемых. Наконец, Сенат хотел реформировать и центральные органы власти примерно так же, как это позже помышлял сделать генерал-губернатор Волконский (который почти наверняка знал об этом проекте). Сенаторы предлагали упразднить ряд коллегий, особенно Вотчинную коллегию, которую дворянство особенно ненавидело, и создать несколько новых департаментов Сената. Короче говоря, подобно предложениям Шаховского, этот проект предусматривал коренную реформу губернских и частичную — центральных органов власти. К сожалению, об авторстве этого плана неизвестно, и неясно, играла ли какую-либо роль в его разработке Екатерина⁶⁰⁹. Проекты Шаховского и Сената свидетельствовали о постоянной озабоченности правительства этими проблемами, и оба они были известны императрице.

В дальнейшем критика губернского управления стала исходить от самих губернаторов. Как чиновники, они требовали больших полномочий, большего числа помощников, меньшего бюрократизма. Как дворяне, они хотели, чтобы в управлении большими уездами воеводам помогали избранные дворянами люди. Новгородский губернатор фон Сиверс озвучил эти настроения, когда в 1764 г. заметил, что в связи с освобождением дворян от обязательной службы губернаторам было трудно заставить их работать в органах власти. Не имея возможности платить дворянам жалованье, они тем самым поощряли коррупцию. В своей огромной губернии Сиверс, дабы облегчить ей управление, в 1769 г. разделил каждый уезд на пять комиссариатов, в которых дворянство выбирало комиссаров, чтобы следить за порядком. Дворяне были согласны содержать этих мелких чиновников за счет налога, собиравшегося с них из расчета 1 коп. с одного крепостного муж-

---

⁶⁰⁸ Готье Ю. В. Первый набросок екатерининской административной реформы // Ученые записки Института истории РАН ИОН. 1929. Т. IV. С. 172—180.

⁶⁰⁹ М. П. Павлова-Сильванская в своей прекрасной диссертации о губернской реформе ограничивается замечанием, что в разработке сенатского проекта принимал участие не только Сенат и что он был составлен не позднее начала 1774 г. Она также считает, что восстание могло оказать некоторое влияние на его содержание: Павлова-Сильванская М. П. «Учреждение о губерниях» 1775 года и его классовая сущность: дис. ... канд. ист. наук. М., 1964. С. 83—85.

ского пола. Такие же чиновники имелись еще в нескольких губерниях, в частности, в Санкт-Петербургской.

Губернатор фон Сиверс отмечал, что возложенные на губернаторов судебные обязанности создавали трудности в судопроизводстве: или суды рассматривали дела спешно, или откладывали их в долгий ящик. Поэтому необходимо было освободить губернаторов от судебных функций. Наконец, фон Сиверс признавался, что управление местной полицией было хаотичным. Кому она подчинялась — неясно, жалование там было низким и приводило к широкому распространению взяточничества⁶¹⁰. Екатерина внимательно выслушала предложения таких опытных людей, как губернатор фон Сиверс и позже учла многие из них.

В первые годы царствования Екатерины ее правительство осуществило ряд важных изменений в системе государственного управления. Хотя императрица отклонила в 1762 г. предложение Никиты Панина о создании Государственного совета, в 1763 г. она согласилась разделить Сенат на шесть департаментов — четыре в Санкт-Петербурге и два в Москве⁶¹¹. Шесть лет спустя она образовала для ведения войны с турками лишенный политических полномочий Императорский совет.

В 1762–1766 гг. императрицей была проведена первая, малая областная реформа. Эти ранние, половинчатые реформы ставили три цели: решить прежние проблемы; улучшить административные нравы, материальное положение чиновников и их отношение к службе; усовершенствовать управление. Так, 15 декабря 1763 г. были утверждены новые штаты гражданских и военных учреждений и почти удвоено жалование большинства чиновников, определена численность служащих и упразднены должности ответственных за сбор подушного налога. Одновременно вводился институт провинциальных прокуроров, подчиненных губернским прокурорам, в свою очередь непосредственно ответственных перед генерал-прокурором. Численность прокуроров была увеличена с приблизительно пятнадцати до почти шестидесяти. Став в 1764 г. генерал-прокурором, князь Вяземский набрал в штат своих людей⁶¹². При нем прокуроры стали фактически теневым правительством, которое следило за деятельностью всех органов власти и образовывало различные специальные комиссии.

---

⁶¹⁰ Готье Ю. В. Отзывы губернаторов шестидесятых годов XVIII века об областном управлении // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 21–30.

⁶¹¹ См. прим. 57.

⁶¹² Готье Ю. В. История областного управления. Т. II. Гл. I, V.

«Наставлением губернаторам» от 21 апреля 1764 г. были изменены функции этих чиновников. Отныне губернатор — это не бездумный исполнитель воли центра, а «поверенная от нас особа, и как глава и хозяин всей врученной в смотрение его губернии». Он обладал всей полнотой власти во вверенной ему губернии. Особый статус генерал-губернаторов Санкт-Петербурга и Москвы, и генерал-губернатора Украины предоставлял им еще большие полномочия. Указами 1764 и 1766 г. был отменен старый запрет (который часто не соблюдался) на покупку губернаторами и воеводами имений в своих губерниях. Наконец, указом от 11 октября 1764 г. размер административно-территориальных единиц увязывался с численностью их населения и каждый уезд должен был составлять приблизительно 30000 душ мужского пола⁶¹³.

Реформы 1762–1766 гг. не привели к существенным изменениям местного управления. Важнейшим итогом их было увеличение жалования чиновников. Эти меры демонстрируют искреннее беспокойство Екатерины состоянием местной власти. Если бы не начавшаяся в 1768 г. война, она, несомненно, продолжила бы преобразования. Но в те тяжелые годы она произвела важное нововведение, назначив графа Чернышева генерал-губернатором двух губерний, образованных на землях, отторгнутых у Польши⁶¹⁴. Этот шаг означал распространение власти генерал-губернатора на другие области.

Хотя местное управление в 1767–1774 гг. подверглось лишь небольшим изменениям, вопрос о его коренном реформировании оставался на повестке дня. Большинство «наказов», поданных в Уложенную комиссию 1767–1768 гг., составляли жалобы на работу местных органов власти; было множество предложений по исправлению общих и частных недостатков системы управления. Депутаты от дворянства обычно жаловались на медлительность, неэффективность и несправедливость судопроизводства. Они решительно поддержали институт избранных дворянами для руководства местной полицией комиссаров⁶¹⁵ и хотели управлять уездами, но не провинциями и губерниями⁶¹⁶.

Один из самых велеречивых дворян, князь М. М. Щербатов, одобрил участие дворянства в центральных и в местных органах вла-

---

⁶¹³ Там же. Т. I. С. 66–68; Т. II. Гл. v.

⁶¹⁴ Там же. Т. II. Гл. VII.

⁶¹⁵ Подробный анализ наказов дворянства см.: Богословский М. М. Дворянские указы в Екатерининской комиссии 1767 года // Русское богатство. 1897. № 6–7. С. 46–83, 136–152.

⁶¹⁶ Белявский М. Т. Требования дворян и перестройка органов управления и суда на местах в 1775 г. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. № 4. С. 133.

сти. Люди возмущены, говорил он, несправедливостью судов. Чтобы восстановить порядок и доверие людей к власти, он предложил выбирать представителей дворянства в помощники воеводе в отправлении правосудия. Он также предложил, чтобы местные дворянские собрания выбирали кандидатов в сенаторы, из которых монарх назначал бы членов Сената сроком на четыре года. Щербатов утверждал, что эти меры принесут пользу стране, побуждая достойных дворян участвовать в общественных делах⁶¹⁷. Эти идеи князя получили поддержку у большинства дворян.

Уложенная Комиссия 1767–1768 гг., как и ее предшественники столетием раньше, не смогла принять новый свод законов. Однако она стала форумом, на котором люди смогли в какой-то степени высказаться о многих проблемах современного им общества. Комиссия накопила огромное количество информации по широкому кругу вопросов, а ее подкомиссии, часть которых продолжала работать еще некоторое время после роспуска этого органа, существенно повлияли на развитие последующего екатерининского законодательства⁶¹⁸. Так как на общих заседаниях Уложенной Комиссии проблемы местного управления не рассматривались, эти вопросы перешли к четырем подкомиссиям: «О благочинии», «О размножении народа, земледелия, домостроительства, о поселении, рукоделии, искусствах и ремеслах», «О правосудии», «О порядке государства в силе общего права». Последняя подкомиссия имела непосредственное отношение к губернской реформе.

Созданная в апреле 1768 г., эта подкомиссия получила личные инструкции от Екатерины в виде «трех уроков». Согласно им, требовалось изучить существующую организацию губернского управления, предложить необходимые изменения территориального устройства империи и определить основные положения реформирования нынешних губернских институтов. Одним словом, императрица поручила этой подкомиссии сформулировать принципы радикальной губернской реформы.

Подкомиссия «О порядке государства в силе общего права», состоявшая исключительно из дворян, функционировала до октября 1771 г. Она предложила отделить отправление правосудия от общего

---

⁶¹⁷ «Проект кн. М. М. Щербатова». № 29: РНБ. Отдел рукописей. Собрание Эрмитажное. № 35. Л. 248–257 об.

⁶¹⁸ О подкомитетах Уложенной комиссии см.: Allen R. V. The Great Legislative Commission of Catherine II of 1767. Unpub. Ph.D. diss. Yale, 1950. P. 257 ff. Нам удалось познакомиться с этой диссертацией благодаря любезности самого д-ра Р. Аллена.

управления и упростить судопроизводство. Было также предложено уменьшить размеры крупных губерний. Например, Московскую губернию ограничить рамками существующей Московской провинции. Губернии должны были составлять 450000–600000, провинции — 70000–120000, уезды — 25000–40000 жителей. За исключением провинций, упраздненных в ходе губернской реформы 1775 г., эти предложения совпали с основными принципами позднейших преобразований. Несомненно, Екатерина использовала материалы этой подкомиссии в подготовке своей губернской реформы⁶¹⁹, основные положения которой были сформулированы именно в 1771 г.

В конце 1775 г., осуществив административную реформу, Екатерина похвасталась Вольтеру, что сумела сделать это всего за пять месяцев⁶²⁰. На самом деле это было не так. Прибыв в конце января в Москву, императрица сразу же окунулась во второй этап своей «закономании». Ее первыми помощниками в этом были губернатор фон Сиверс и генерал-прокурор Вяземский. Важные сведения об организации судебной системы она получила от Густава Райнхольда фон Ульриха, лифляндского чиновника, присланного рижским губернатором фон Брауном, и от Выборгского вице-губернатора Энгельгардта⁶²¹. Кроме того, она использовала многочисленные проекты и сведения, собранные в предыдущем десятилетии. Таким образом, Екатерина начинала не с нуля, но из более чем 1200 страниц подготовительных материалов реформы приблизительно 800 страниц принадлежали самой Екатерине, причем 600 были написаны ею собственноручно⁶²². О создании новых органов было объявлено 25 ноября 1775 г.; таким образом, на их создание ушло почти десять месяцев.

---

⁶¹⁹ Готье Ю. В. История областного управления. Т. II. С. 229–250, 295–297 (приложение 12).

⁶²⁰ Екатерина — Вольтеру, конец 1775 г.: РИО. Т. XXVII. С. 57.

⁶²¹ Зутис Я. Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. С. 388–390. О губернской реформе в целом см. довольно поверхностную монографию: Григорьев В. Реформа местного управления при Екатерине II. СПб., 1910. *Passim*. См. также: Семевский В. И. Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII и первой четверти XIX века // *Былое*. 1906. № 1. С. 1–53; Желудков В. Ф. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева и подготовка губернской реформы 1775 года // *Вестник Ленинградского университета. Серия литературы, истории, языка*. 1963. № 8. С. 56–67; Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб., 1906. Гл. II.

⁶²² Павлова-Сильванская М. П. «Учреждение о губерниях» 1775 года и его классовая сущность. С. 125.

Реформа готовилась долго, окончательный текст закона кардинально переделывался, по крайней мере, шесть раз. Некоторые разделы переписывались по одиннадцать раз и императрица продолжала их править даже после опубликования⁶²³. Было принято решение увеличить число губерний за счет сокращения их размеров. Провинции упразднялись, но поскольку границы многих новых губерний совпали с границами прежних провинций, изменения часто ограничивались простым пересмотром старой административной структуры. До 1775 г. в империи имелись приблизительно 21 губерния и 71 провинция, каждая губернская столица имела прилегающую к ней провинцию⁶²⁴. Теперь они были преобразованы в сорок губерний (позднее к ним добавилось еще десять)⁶²⁵. Другими словами, приблизительно половина из пятидесяти провинций вне губернских столиц превратилась в самостоятельные губернии, а остальные провинции были разделены между старыми и новыми губерниями. Приведем несколько примеров.

Старая Московская губерния состояла из одиннадцати провинций, в том числе и собственно Московской провинции. После реформы Московская провинция стала Московской губернией, а остальные десять провинций были преобразованы в шесть самостоятельных губерний с добавлением частей двух других провинций. Как мы знаем, до 1775 г. Казанская губерния состояла из шести провинций. После 1775 г. город Казань и его провинция составили Казанскую губернию, а четыре другие провинции — Пензенская, Пермская, Симбирская и Вятская — превратились тоже в губернии. Однако Оренбургская губерния из-за ее малочисленности и пограничного характера сохранила большую часть своей огромной территории, потеряв только Самарский и Ставропольский уезды, переданные новой Симбирской губернии.

Губернская реформа определила, что в уезде должно проживать 30000—40000 душ мужского пола (60000—80000 всех душ). Соответственно, в каждой губернии должны были проживать 300000—

---

⁶²³ Она же. Социальная сущность областной реформы Екатерины II. С. 490.

⁶²⁴ Готье Ю. В. История областного управления. Т. I. С. 122—125; Т. II. С. 298 (дан перечень административно-территориального деления до 1775 г.).

⁶²⁵ Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. Ч. I. С. 773 и сл.; Очерки истории СССР: период феодализма: Россия во второй половине XVIII в. С. 291 (на карте «Российская империя в конце XVIII в.», приложенной к этому тому, хорошо показано новое административное устройство страны после проведения губернской реформы 1775 г.); Желудков В. Ф. Об ошибках при использовании и издании текста «Учреждении о губерниях 1775 г. // История СССР. 1964. № 3. С. 244—245.

400000 душ мужского пола (до 800000 всех душ)⁶²⁶. Это было проявлением формального подхода к реформе, означавшего укрепление и совершенствование в России бюрократического абсолютизма.

Губернская реформа привела к определенной децентрализации власти. В последующие десять лет или около того многие центральные коллегии были упразднены, а их функции были переданы департаментам губернских администраций⁶²⁷. Судебная система была упрощена и низшие должности заняли выборные дворяне. В уездах были созданы сословные суды: для дворян, для мещан и для государственных крестьян. Чтобы внедрить эти новые институты, потребовалось несколько десятилетий⁶²⁸. Реорганизация в 1782 г. полиции и дарование в 1785 г. жалованных грамот дворянству и городам завершили реформирование системы местного управления, которая в таком виде просуществовала до реформ 1860-х гг., а в некоторых случаях даже дольше. Однако никакого разрыва между старым и новым порядком не произошло, поскольку в новой системе работали люди, служившие в прежних учреждениях. Чиновники заняли новые органы и получили новые должности, но их личные отношения, способности и уровень образования остались в основном прежними⁶²⁹.

Разрабатывая губернскую реформу 1775 г. в последующие два десятилетия и осуществляя ее, императрица тщательно коррелировала интересы абсолютизма с интересами провинциального дворянства. Екатерина особенно опасалась того, что войдя в местные органы власти, дворяне приобретут самостоятельность. Чтобы предотвратить это, Екатерина приспособила к условиям России остзейскую систему местных органов власти⁶³⁰. Исключив всякие привилегии дворянству в местных институтах, она сумела не допустить саму возможность дворянского самоуправления. Например, все избранные дворянами местные чиновники должны были утверждаться губернатором. С этого момента они уже не подчинялись местному дворянскому собранию,

---

⁶²⁶ Учреждения для управления губернии. СПб., 1780. Гл. I. Арт. 1. П. 17. С. 1, 3.

⁶²⁷ Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокурор // Градовский А. Д. Собрание сочинений. СПб., 1899. Т. I. С. 253 и сл.

⁶²⁸ Желудков В. Ф. Введение губернской реформы 1775 года // Ученые записки гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1962. Т. ССХХIX. С. 197–226.

⁶²⁹ Готье Ю. В. История областного управления. Т. II. Гл. VIII.

⁶³⁰ О влиянии прибалтийских губерний см.: Зутис Я. Я. Указ. соч. Гл. X; Милуков П. Очерки по истории русской культуры. Париж, 1930. Т. III: Национализм и европеизм. Гл. VI.

но подобно прежним воеводам, попадали под власть губернатора и губернской канцелярии⁶³¹.

Ключевой фигурой реформы был имперский наместник — генерал-губернатор. Что означала эта должность, неясно: видимо, это был полномочный представитель царя, контролировавший все уровни местного управления — своего рода суперпрокурор, наделенный исполнительной властью. Екатерина назначала генерал-губернаторами только самых близких к себе людей — например, Г. А. Потемкина и П. С. Потемкина, Я. Э. фон Сиверса и П. С. Мещерского, каждый из которых управлял двумя губерниями или обширной пограничной областью. Эти люди обладали чрезвычайными полномочиями в своих сатрапиях, были персональным воплощением самодержавия на местах и являли собой дальнейшее развитие екатерининского стиля управления. Следовательно, если с одной стороны Екатерина позволила дворянам немного участвовать в самоуправлении, то с другой она создала такой сильный противовес, что он свел на нет все усилия по децентрализации⁶³². Власть в Российской империи по-прежнему оставалась в руках самодержца и узкого круга придворных.

Хотя восстание ускорило введение губернской реформы 1775 г., само по себе оно не оказало большого влияния на отдельные положения «Учреждений для управления губернии Всероссийской империи». Безусловно, новые институты уделяли особое внимание проблемам внутренней безопасности, главным образом в уездах. Но в этом отношении восстание ничего не изменило; оно просто актуализировало старую, более общую проблему. И решение ее путем увеличения численности не имевших широких полномочий чиновников было предложено задолго до восстания. Определяя обязанности главы уезда, который вместе с двумя избранными дворянством помощниками должен был управлять подвластной ему территорией, Екатерина взяла за основу инструкции для местных комиссаров в Санкт-Петербурге в период эпидемии чумы в 1771 г.⁶³³ В этом, как и в других случаях, губер-

---

⁶³¹ Белявский М. Т. Требования дворян и перестройка органов управления и суда на местах в 1775 г. С. 139.

⁶³² Градовский А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. I. С. 310 и сл.; Павлова-Сильванская М. П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II. С. 467–469. См. также: Geyer D. Staatsausbau und Sozialverfassung: Probleme des russischen Absolutismus am Ende des 18. Jahrhunderts // Cahiers du monde Russe et Sovietique. 1966. Vol. VII, no. 3. P. 366–377.

⁶³³ Павлова-Сильванская М. П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II. С. 473–474.

ская реформа вобрала в себя множество предложений и практик, известных еще до восстания. Только проекты губернатора Мещерского и генерал-губернатора Волконского можно считать прямой реакцией на бунт, но и они использовали наработки прошлых лет.

Конечно, нельзя отрицать, что восстание не повлияло на реформу. Это, конечно, имело место, и не только в целом. Например, ст. 262 предписывала, что глава города «ни в каком опасном случае город не покидает под опасением лишения места и чести»⁶³⁴. Это было, несомненно, влиянием недавних событий. Кроме того реформа требовала от городских и уездных руководителей сохранять присягу государю и следить, чтобы их подчиненные поступали аналогично. «Буде же паче чаяния где окажется сему противное предприятие,

то земский исправник не токмо о том уведомить долженствует губернское правление и государева наместника, или правителя наместничества, но иметь до того не допустить, и смирить по мере данной ему власти нарушителя общаго, частного и собственного своего покоя и блаженства, в чем всякий верный императорского величества подданный обязан по мере власти, силы и возможности своей помогать земскому исправнику»⁶³⁵.

Требование к местным руководителям следить за соблюдением присяги их подчиненными очень напоминает манифесты Екатерины о Пугачеве, призывавшие местных чиновников лично предпринимать меры по ликвидации беспорядков во вверенных им землях. Это же повторилось и в другой статье:

Буде где в уезде окажется скопище воров, или беглых людей, то земский капитан уведомляет о сем наместническое правление и генерал губернатора, или правителя наместничества, а между тем, не теряя времени, приложит всевозможное старание воров иметь в тех местах в уезде, где находятся, в чем каждое селение обязано подать руку помощи...⁶³⁶

Это, вероятно, и были отдельные (и незначительные) проявления непосредственного влияния восстания на губернскую реформу 1775 г. Но несомненно, что восстание стало главным катализатором этих преобразований.

Хотя губернская реформа не предоставила самоуправления местному дворянству, оно было удовлетворено ее результатами. Дворяне были довольны тем, что теперь местная власть занимается не просто сбором налогов и сохранением порядка, но и всеми вопросами про-

---

⁶³⁴ Учреждения для управления губернии. С. 85.

⁶³⁵ Там же. Ст. 237, 256. С. 73, 82–83.

⁶³⁶ Там же. Ст. 244. С. 76–77.

винциальной жизни. Теперь отправление правосудия происходило под боком, и дворянам не нужно было совершать дорогостоящие поездки в столицы. Теперь они получили собственные суды и закрепились в местном управлении, хотя нехватка юристов и неэффективность местного бюрократического аппарата продолжали сказываться и дальше⁶³⁷. Эти аспекты губернской реформы были мало связаны с восстанием Пугачева. Скорее всего, они стали следствием признания правительством тех перемен, которые произошли в российской глубинке в результате освобождения дворян от армейской службы.

---

⁶³⁷ Богословский М. М. История России XVIII века (1725 г. — 1796 г.). М., 1915. Ч. II. С. 305—310. Любопытная критика губернской реформы дана князем М. М. Щербатовым в его «Неизданных сочинениях» (С. 90—99).

XII ПЫЛЬ В ГЛАЗА ЕВРОПЫ

Подобно тому, как первый раздел Польши и русско-турецкая война 1768–1774 г. означали поворотный рубеж в российской внешней политике, ознаменованный возобновлением российской экспансии на запад и юго-запад, так и восстание Пугачева стало той вехой во внутреннем курсе России, которая обозначила переход от периода отдельных реформ и их публичного обсуждения к радикальному реформированию страны, осуществленному сверху. Эти два явления были взаимосвязаны. После 1774 г. Россия тринадцать лет жила в условиях мира, что позволило ей восстановить силы и ликвидировать последствия войны и восстания. На одном только Урале для восстановления производства до уровня, существовавшего накануне мятежа, потребовалось несколько лет, хотя полностью уничтожено было всего лишь три завода⁶³⁸. Конечно, народные волнения после разгрома Пугачева не прекратились, однако наступивший мир и спокойная международная обстановка сдерживали рост недовольства населения. Реформирование системы губернского управления позволило правительству предотвращать возникновение волнений в самом зародыше.

Кроме изменения структуры и увеличения численности губернских администраций, центральное правительство повысило расходы на их содержание. На все административные органы вместо 5,6 млн. руб. в 1767 г. было выделено 18,4 млн. руб. в 1781 г. (или 45,4%

---

⁶³⁸ Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века: заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 480. Перечень заводов, затронутых восстанием (который несколько преувеличивает влияние пугачевщины на Урал), см.: Portal R. L'Oural au XVIIIe siècle: étude d'histoire économique et sociale. Paris, 1950. P. 332–335 и passim. <рус. пер. под ред. И. В. Кучумова: Порталь Р. Урал в XVIII веке: очерки социально-экономической истории / пер. с франц. Уфа, 2004. С. 193–195 и passim>.

всех государственных расходов вместо 24,3%). Хотя часть этих средств поглотила инфляция, расходы на управление в последнее десятилетие царствования Екатерины постоянно возрастали, достигнув 28,7 млн. руб. в 1795 г. (36,6% всех бюджетных расходов)⁶³⁹. Столь значительные финансовые вливания сделали чиновничью службу престижной как для дворян, так и для других слоев населения.

Восстание также способствовало усилению внимания правительства к проблемам приписных крестьян на Урале. Вследствие восстания и последующих волнений работных людей, в 1779 г. и позднее были проведены реформы, призванные облегчить участь приписных. Им в два раза была повышена заработная плата, частично улучшены условия труда, в фабричных лавках появился дешевый хлеб⁶⁴⁰. Хотя Екатерина отвергла предложение капитана Маврина национализировать заводы, правительство стало активнее вмешиваться в управление ими, пока, наконец, Александр I в 1807 г. окончательно не отменил институт приписки.

После пугачевщины политика по отношению к нерусским народам на юго-восточной границе страны была смягчена, что позволило усилить российское влияние на кочевых киргизов. Это ослабило напряженность на этой территории и позволило России укрепить свои позиции в регионе для дальнейшего продвижения на юго-восток⁶⁴¹.

Кроме того, жестокость, с которой был подавлен этот бунт, надолго сохранилась в памяти людей. И хотя народный фольклор, власти и дворяне помнили о Пугачеве, немногие хотели повторения его судьбы. Волнения в деревнях не прекратились, но вновь массовыми они стали только в самом конце царствования Екатерины и в первые годы правления Павла I (1796—1801)⁶⁴².

---

⁶³⁹ Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв. С. 310, 316. Табл. 4, 6.

⁶⁴⁰ О мерах властей по облегчению участи приписных крестьян см.: Вагина П. А. Волнения на Авзяно-Петровских заводах после крестьянской войны под предводительством Пугачева (1775—1781) // Из истории Урала: сб. ст. Свердловск, 1960. С. 125—134; Она же. О характере волнений мастеровых уральских заводов последней четверти XVIII в. // История СССР. 1965. № 1. С. 132—139.

⁶⁴¹ Fisher A. W. The Turkic People of the Russian Empire and the Administration of Catherine II. P. 47 ff.

⁶⁴² О крестьянских выступлениях после 1775 г. см.: Рубинштейн Н. Л. К характеристике вотчинного режима и крестьянского движения в конце 70-х гг. XVIII века // Исторические записки. 1952. Т. XL. С. 140—153; Он же. Крестьянское движение в России во второй половине XVIII века // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 34—51. Два случая таких волнений рассматриваются в статьях: Лапо Ф. И. Восстание однодворцев села Стаканово в 1776 г. // Исто-

Императрица воспользовалась периодом относительного спокойствия, чтобы завершить реформы, начатые изданием «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. Однако все они носили кабинетный характер и не предусматривали создания представительного органа, подобного Уложенной комиссии 1767–1768 гг. Либеральный запал у Екатерины вскоре прошел. Хотя она никогда не пыталась кардинально изменить институт крепостного права, некоторые сомнения на этот счет, выраженные в ее «Наказе» 1767 г., сейчас, в свете недавних событий, становились опасными. В этом отношении взгляды императрицы были весьма близки размышлениям сэра Роберта Гуннинга, который писал:

Крестьяне полагали, что столь волновавший их вопрос о предоставлении им свободы вскоре будет решен. Их вера в это стала одной из основных причин последнего восстания. Большинство людей прекрасно понимали, что Пугачев был самозванцем, но они пошли под его знамена только для того, чтобы получить свободу; с этим были связаны и массовые убийства своих господ и т. п.⁶⁴³

Более того, нельзя не заметить, что предпринятые после 1774 г. реформы опирались на проекты и законы, разработанные в начале царствования Екатерины и даже еще при ее непосредственных предшественниках — Елизавете Петровне и Петре III⁶⁴⁴. Ее новый внутриполитический курс на самом деле не был новым, а развивал предшествующую тенденцию. Принятые при ней законы формально закрепили фактическую гегемонию дворянства в обществе⁶⁴⁵. По сути, Екатерина институализировала хитро замаскированную реакцию. Комментируя ее жалованные грамоты дворянам и городам, один из

рические записки. 1953. Т. XLIV. С. 306–319; Пронштейн А. П. К истории крестьянского движения в России в 1775 г. // Исторический архив. 1960. № 1. С. 143–153.

⁶⁴³ Документ без даты: British Museum. Egerton Manuscripts, 2703. P. 398.

⁶⁴⁴ О влиянии на екатерининские реформы проектов, разработанных при Елизавете Петровне, см.: Schmidt S. O. La politique intérieure du Tsarisme au milieu du XVIIIe siècle // Annales. 1966. No. 1. P. 95–110. Напротив, А. А. Кизветтер подчеркивает взаимосвязь планов преобразований, составлявшихся в первые годы царствования Екатерины, и ее реформ после 1775 г.: Кизветтер А. А. Первое пятилетие правления Екатерины II // Исторические силуэты. Берлин, 1931. С. 29–54.

⁶⁴⁵ См. критическую интерпретацию этого: Кизветтер А. А. Императрица Екатерина II как законодательница // Исторические очерки. М., 1912. С. 274–283.

современников как-то заметил, что императрица нисколько не постыдилась при этом своей властью, и верно оценил ее реформы как попытку «бросить пыль в глаза Европы и обморочить потомство»⁶⁴⁶.

Какое значение восстание Пугачева имело для правительства Екатерины II? Этот внутренний кризис, осложненный внешними трудностями, обнажил многие сильные и слабые стороны, общие проблемы и конкретные приемы, использовавшиеся российским самодержавием для управления страной в XVIII в. и в последующее время.

С одной стороны то, что война с турками и восстание Пугачева совпали во времени, сильно ограничило возможности русского правительства для преодоления кризиса. События 1773—1775 гг. наглядно продемонстрировали такие слабые стороны России как наличие протяженной границы, враждебных соседей, отсталой экономики и агрессивной внешней политики. С другой стороны, ясно и то, что российское правительство сознательно шло на риск, но все равно добивалось приобретения новых земель, обеспечения своей безопасности и получения коммерческой выгоды, и поэтому заранее подготовилось к худшему. Беседуя с послом Гуннингом в августе 1775 г. о британских проблемах в североамериканских колониях, Екатерина порекомендовала ему как можно быстрее решить этот вопрос. «Вам известно, — сказала она, — что в последнее время мое положение было точно также затруднительно, и поверьте, что для достижения успеха я не рассчитывала на одно средство; бывают минуты, когда не следует быть особенно разборчивым»⁶⁴⁷. Таким образом, при всей своей слабости российская власть продемонстрировала недюжинную выносливость.

Удивительно, как русскому правительству удалось выжить в условиях, когда на него сразу обрушилось столько проблем: изнурительная война с турками, события в Польше, угроза со стороны Швеции, крупное восстание внутри. А ведь у властей страны даже не было ни малейшего представления о состоянии финансов, а новости о внутренних событиях носили случайный характер.

Вовремя умирив Польшу, Россия в основном избавила себя от возможного давления со стороны Австрии и Пруссии, которые хотели заставить ее пойти на уступки туркам. В то же время это позволило русским перебросить свою армию на Дунай и внутрь страны, а первоначальная уверенность императрицы, что к апрелю 1774 г. Бибииков расправится с бунтовщиками, способствовала победам Румянцева и позволила заключить выгодный мир. Если бы в Санкт-Петербурге знали, какой на самом деле размах приобрело восстание

---

⁶⁴⁶ Винский Г. С. Указ. соч. С. 43.

⁶⁴⁷ Гуннинг — Суффольку, 31 августа 1775 г.: РИО. Т. XIX. С. 488.

летом 1774 г., то, вероятно, подписали бы мир с Турцией на гораздо худших для себя условиях. Дальнейшее продолжение войны, несомненно, привело бы к ухудшению внутреннего положения России, и подавление восстания заняло бы больше времени.

Пугачевщина обнажила не только громадную пропасть между правительством в Санкт-Петербурге и его подданными, но и необразованность, нищету и малочисленность бюрократии. Правительственные призывы против повстанцев, несмотря на крайнюю централизацию системы управления в империи, приносили только вред, демонстрируя глубокое отчуждение между властью предрержащими и ее подданными. Подобно другим народным восстаниям, пугачевщина во многом стала следствием кризиса власти, который был вызван слабостью провинциальных институтов по причине господства централизованного абсолютизма.

Исследование реакции правительства империи на восстание Пугачева позволяет выяснить отношение властей к тогдашней верхушке российского общества — дворянству. Крах государственных институтов в ходе пугачевщины отчасти был обусловлен узостью правящего слоя. В то время как все высшие должности в государстве оказались в руках немногочисленной дворянской элиты, основная часть дворян, уйдя с государственной службы, проводила время в своих имениях, практически не соприкасаясь ни с какими властями. Так как участие в слабо развитом местном и губернском управлении дворян не привлекало, они в основном безвыездно сидели по домам или иногда выезжали в гости друг к другу.

Поэтому восстание Пугачева сильно ударило как по провинциальному дворянству, так и по правительству. Оно напомнило о вкладе каждого из них в сохранение крепостного права. В ходе восстания правительство заявило о признании общности интересов дворянства и короны. Мятеж способствовал укреплению этой диархии, в результате чего самодержавие получило поддержку дворянства, а взамен предоставило последнему абсолютную власть над крестьянством. Правительству пришлось расширить участие дворян в местных органах власти. Его призывы к возглавляемым дворянами ополчениям были чрезвычайной мерой. Постоянные обращения Екатерины к провинциальной аристократии и значительная материальная поддержка ее императрицей позволили приблизить к льготам и поощрениям более широкие слои этого класса. Эти же цели преследовала и губернская реформа 1775 г.: расширение штатов местных органов управления и передача части полномочий на места позволили значительному числу дворян получить доступ к прибыльным и престижным должностям.

Анализ действий российских властей в период восстания Пугачева позволяет, кроме того, увидеть повседневную работу екатерининского правительства. Определяющая роль императрицы особенно проявлялась в выработке политического курса страны. При принятии основополагающих решений ее мнение было решающим. Она консультировалась с многочисленными советниками, как с официальными (члены Императорского совета), так и с неофициальными (Потемкин и др.), но всегда принимала решения самостоятельно. Она неизменно демонстрировала огромную энергию и трудолюбие. Екатерина сделала государственную политику единой и последовательной. Ее помощниками в этом были генерал-прокурор Вяземский и Потемкин. Как ни странно, чрезмерная централизация власти вызвала и усилила стремление Екатерины самолично править своей империей.

Для того, чтобы обойти бюрократические препятствия, правительство создавало специальные комиссии из одного или нескольких человек: примером являются Секретная комиссия и назначение генералов Бибикова и Панина. Это позволило императрице действовать вне официальной властной структуры и дополнить ее. Назначенцы государыни считались ее личными представителями и имели чрезвычайные полномочия. Такого рода комиссии расширяли поле власти императрицы и придавали ей большую гибкость; в тоже время они свидетельствовали о крайней централизации имперского правительства и неэффективности местных органов власти.

Действия Екатерины во время восстания демонстрируют еще одну особенность ее системы правления — постоянное балансирование между придворными группировками. Назначая людей для руководства подавлением бунта и расследованием его причин, императрица тщательно учитывала интересы различных дворцовых группировок. Поэтому неожиданное возвышение ею Потемкина в марте 1774 г. было вызвано не просто женской прихотью. Это был, в первую очередь, политический маневр, посредством которого Екатерина создала новую опору своей власти. Ее покровительство кузенам Потемкина усилило позиции нового фаворита и закрепило новый расклад придворных фракций. По той же причине императрица отдала Секретную комиссию в руки генерала П. С. Потемкина, а не генерала Панина. Напоминая обычный орган управления, русское правительство на самом деле состояло из узкого круга избранных, в котором должности обычно распределялись по принципу кумовства и личной благосклонности монарха.

Возможно, поэтому императрица была склонна видеть в этом восстании выступление лично против себя. Она считала пугачевщину заговором, инспирированным либо внутренними врагами — вероятно,

недовольными дворянами — либо иностранными державами⁶⁴⁸. В какой-то мере именно этим были вызваны попытки властей сохранить сведения о восстании в тайне. Будучи человеком эпохи Просвещения, Екатерина не верила в случайность. Она понимала всю непрочность своей власти и по своему опыту знала, как легко возникают заговоры против правителя.

Другой особенностью имперской власти, выявившейся в ходе восстания Пугачева, был ее полный контроль над армией. Главной причиной того, что Екатерина и ее окружение могли продолжать войну с турками, было то, что вооруженные силы страны были полностью в их подчинении. Власти знали, что смогут подавить любые беспорядки внутри страны, вызванные тяготами войны. Именно поэтому восстание вспыхнуло на окраине, где власть не обладала значительными военными ресурсами. Правительство успешно применило возглавлявшуюся офицерами-дворянами крестьянскую армию против восставших крестьян. Это было одним из секретов стабильности царизма и одной из причин его столь жесткой реакции на кризис: благодаря армии договариваться с восставшими было не нужно. Примерно через сто лет, когда вооруженные силы перестали комплектоваться из крепостных и страна перешла к всеобщей воинской обязанности, обеспечивать внутренний порядок стало сложнее.

Православная церковь была одним из инструментов влияния власти на сельское население. Неудивительно, что правительство поручило священникам вести пропаганду против восставших. Именно поэтому второй манифест Екатерины о бунте был напечатан церковнославянским шрифтом: это должно было сделать его более понятным для духовенства. В то время как действия высших церковных иерархов во время восстания показали, что православная церковь фактически является государственным органом, поведение низшего духовенства нередко являло прямо противоположное.

Властями было проведено полное расследование возникновения и хода пугачевского восстания, осуществлены институциональные реформы и устранены наиболее вопиющие злоупотребления. То, что правительство отказалось признать причиной восстания существование крепостного права, было вызвано тем, что сделать это тогда было

---

⁶⁴⁸ Столкнувшись в XVII—XVIII вв. с народными волнениями, правительство Франции аналогично видело в этом чьи-то происки. См., например: Bernard L. French Society and Popular Uprisings under Louis XIV // French Historical Studies. 1964. Vol. III, no. 4. P. 454–474; Rudé G. The Crowd in History, 1730–1848. New York, 1964. P. 26 f., 216 f.

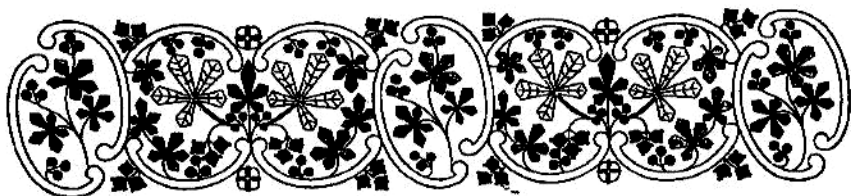
невозможно, да и само руководство страны состояло из владельцев крепостных.

Несомненно, восстание произвело глубокое впечатление на Екатерину и ее окружение (как, впрочем, и на всю остальную часть русского общества). В ходе этого бунта стало ясно, что русское правительство не пойдет на радикальные реформы, ибо это в первую очередь ударит по нему самому. Поскольку власть в стране держалась в основном на помещиках-дворянах, она не могла значительно ограничить крепостное право, и, соответственно, обеспечить себе более широкую социальную базу⁶⁴⁹. В итоге Россия оказалась обречена на политическую стагнацию, которая, наряду с ее медленными темпами экономического развития, не позволила ей стать великой европейской державой. Русское правительство долго не признавало негативных последствий существования крепостного права, однако восстание Пугачева — последняя «крестьянская война» в России до 1905 г., стало одной из причин этого признания в дальнейшем.

---

⁶⁴⁹ Сэр Джеймс Харрис, британский посол в Санкт-Петербурге, заметил в 1778 г., что «искры недовольства все еще не погашены и можно предположить, что в случае возникновения нового национального кризиса они вспыхнут опять» (*Diaries and Correspondence of James Harris, First Earl of Malmesbury / ed. Third Earl of Malmesbury. London, 1845. Vol. I. P. 177*). Это предсказание сбылось только в начале XX в.

О ДАТАХ

Все даты, кроме тех, что приводятся в современных западных периодических изданиях и изредка при использовании нового стиля (н. с.), даны по юлианскому календарю, применявшемуся тогда в России; он на 12 дней отстает от календаря, употреблявшегося на Западе в XVIII в.

АРХИВЫ

Великолепный обзор советских архивов и полную библиографию путеводителей по ним см.: Grimsted P. K. *Soviet Archives and Manuscript Collections: A Bibliographical Introduction* // *Slavic Review*. 1965. Vol. XXIV, no. 1. P. 105–120. Новейший полный обзор архивных источников о восстании под предводительством Е. И. Пугачева проделан Р. В. Овчинниковым: *Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Пугачева*. Л., 1966. Т. II. Гл. II. Профессор В. В. Мавродин любезно предоставил нам машинописный текст этой главы.

Сноски на архивы оформлены в соответствии с нормативами, принятыми в СССР. Сокращения в них следующие: Ф. — фонд; Оп. — опись; Д. — дело; Л. — лист; об. — оборот.

А. Российский государственный архив древних актов (РГАДА) в Москве.

В нем хранится основной массив документов о восстании. Помимо упомянутого выше обзора Р. В. Овчинникова, имеется описание фонда Тайной экспедиции: Джинчарадзе В. Обзор фонда Тайной экспедиции Сената, хранящегося в Центральном государственном архиве древних актов в Москве // *Ученые записки Стерлитамакского гос. пед. ин-та*. Стерлитамак, 1960. Вып. 3. С. 37–51. Изданный путеводитель по этому архиву в настоящее время сильно устарел.

Используемые материалы разделены по группам, однако в каждом деле могут быть содержаться различные документы. Большая часть бумаг Казанской секретной комиссии находится в РГАДА (Госархив. Разряд VI. Д. 507, ч. I–VI; Д. 485, 489 и 497). Бумаги Оренбургской секретной комиссии см.: Там же. Д. 508, ч. I–III. Дело по анонимному письму в январе 1774 г. и дело по канцелярсту Ивану Козьмину см.: Там же. Д. 415. Проект реформы губернатора Мещерского см.: Там же. Д. 501. Несколько неопубликованных фрагментов переписки князя Волконского с Екатериной см.: РГАДА. Ф. 168. Д. 125. Письма архимандрита Платона Любарского Н. Н. Бантыш-Каменскому см.: РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 527. Письма от вице-канцлера А. М. Голицына Д. А. Голицыну см.: РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4246–4254. Наконец,

материалы Тайной экспедиции, касающейся восстания, главным образом см.: РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 2043, ч. XIII.

В. Российский государственный исторический архив (РГИА) в Санкт-Петербурге.

В этом архиве, главным образом, хранятся документы, созданные после 1800 г., но есть и несколько по восстанию Пугачева. Очень ценным является фонд так называемого Кабинета Его Императорского величества, в котором имеются донесения в правительство в Санкт-Петербурге из районов, охваченных мятежом. Они отложились в одном большом фолианте: РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Не менее важны указы Сената за этот период: Там же. Ф. 1329. Оп. 2. № 112–113. Документы Священного Синода о роли церкви и духовенства в восстании см.: Там же. Ф. 796. Оп. 205. Д. 71, 74, 83, 87, 89, 98, 99; Ф. 796. Оп. 54. Д. 469.

С. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ).

Здесь имеются отдельные документы по нашей теме. Главным среди них является рапорт капитана Маврина Екатерине от 21 мая 1774 г., который хранится вместе с другими материалами о восстании: РНБ. Отдел рукописей. FIV. 668. Папка II. Отдельные письма Екатерины Г. А. Потемкину см.: РНБ. Отдел рукописей. Ф. 227. Оп. 1. № 34. Письма духовника Екатерины И. И. Памфилова см.: Там же. Ф. 559. Т. 1. Документы Ядринской воеводской канцелярии см.: РНБ. Отдел рукописей. FIV. 790. Кроме того, проект реформы губернского впавления и Сената, принадлежащий князю М.М. Щербатову, см.: РНБ. Отдел рукописей. Собрание Эрмитажное. № 35. Рапорт о состоянии Оренбургской губернии после восстания см.: РНБ. Отдел рукописей. Собрание Эрмитажное. № 283.

Д. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ) в Москве.

Богатый кладезь документов о восстании хранится в так называемом «Архиве Панина», имеющем неопубликованную опись, предназначенную для пользователей. Переписка генерала П. И. Панина, возглавлявшего борьбу с повстанцами, см.: РГБ. Отдел рукописей. Ф. 222. Папка VII. Переписку между капитаном Мавриным и генералом П. С. Потемкиным см.: Там же. Папка IX/1. Отдельные документы капитана Лунина о следствии по восстанию см.: РГБ. Отдел рукописей. Ф. 153.

СОДЕРЖАНИЕ

Об этой книге (<i>И. В. Кучумов</i>).....	5
Предисловие.....	13
I. Поиски злодея.....	17
II. Яркий блеск бесплодных побед.....	26
III. Сладоязычный, милостивый, мяккосердечный российский царь.....	56
IV. Язва XVIII века.....	71
V. Помещица Казанская.....	93
VI. «Виват Петр III и Пугачев!».....	109
VII. Пугачев еще не сложил оружия.....	128
VIII. Первый враль.....	145
IX. Проклятая кровь государственных злодеев.....	164
X. Истинное торжество дворян.....	185
XI. «Золотой век» вновь наступил.....	211
XII. Пыль в глаза Европы.....	229
О датах.....	237
Архивы.....	237

О переводчике

Игорь Кучумов (р. 1968 г.) — историк, этнолог, археограф и переводчик. Кандидат исторических наук. Большая часть его научных работ издана в России нелегально и запрещена, а рукописи статей и монографий неоднократно изымались в ходе обысков. С 2006 г. подпольно публикует книжную серию «Башкортостан в зарубежных исследованиях», знакомящую российского читателя с произведениями западных ученых об Урале. В 2008 г. правоохранительные органы России обратились в Интерпол за помощью в расследовании его «преступной деятельности», но получили отказ. В 2009 г. был привлечен к уголовной ответственности по нескольким статьям Уголовного кодекса, арестован и помещен в тюремную камеру для особо опасных преступников, в сентябре 2010 г. отдан под суд за участие в «экстремистском сообществе» историков, выступающих против пропаганды сепаратизма и ксенофобии в научных исследованиях. В марте 2010 г. признан правительством США жертвой политического преследования.

Научное издание

Джон Торндайк АЛЕКСАНДЕР

РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ
И ВОССТАНИЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ
ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА

Авторизованный перевод с английского

Редактор *Э. А. Мамаева*
Компьютерная верстка и дизайн обложки *И. В. Кучумова*

Сдано в набор 24.07.2012. Подписано в печать 28.08.2012.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Academy».
Печать ризографическая. Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 14,2.
Тираж 120 экз. Заказ № 147. Цена договорная.

Издательство ИП Галиуллин Д.А.
450105, г. Уфа, ул. Королева, 10/3-75; 741387@mail.ru

Отпечатано в типографии ИП Галиуллин Д.А.
в полном соответствии с предоставленными оригинал-макетами.
450105, г. Уфа, ул. Королева, 10/3-75; 741387@mail.ru

Почетный профессор Канзасского университета Джон Т. Александр (р. 1940) — известный американский специалист по истории России XVIII в., автор четырех книг, в том числе биографии Екатерины II (1989). Он часто выступал в американской научной печати с рецензиями на публикации по истории России, перевел на английский язык ряд работ российских историков. Особенно большой вклад

ученый внес в изучение за рубежом восстания под предводительством Е. И. Пугачева. В настоящей книге, впервые изданной в США в 1969 г. и являющейся одной из лучших западных работ по этой теме, он исследует деятельность Екатерины II, российского правительства и высших сановников Российской империи в условиях общегосударственного кризиса, анализирует организацию подавления восстания 1773—1775 гг. и внешнеполитические аспекты пугачевщины.

«Утром 15 октября 1773 г. члены Императорского совета собрались на свое внеочередное заседание в Зимнем дворце. В последнее время на этих совещаниях обычно рассматривались внешнеполитические вопросы; вероятно, и сейчас предстояло обсуждать длившуюся уже шестой год войну с турками, либо недавно ратифицированный раздел Польши. Правда, ходили слухи, что где-то на окраине империи вспыхнул бунт, во главе которого стоял некий самозванец, но точными сведениями об этом пока никто не располагал. Одни считали, что этот мятеж был вызван призывом донских казаков в армию, другие полагали, что его подняли крымские татары. Поскольку приглашение прибыть на заседание совета было написано собственноручно императрицей и она лично соизволила присутствовать на нем, стало ясно, что речь пойдет о чем-то очень важном...»